

О П И С А Н І Е
ПРИМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ
КОРАБЛЕКРУШЕНІЙ,

ВЪ РАЗНЫЯ ВРЕМЕНА СЛУЧИВШИХСЯ.

Сочиненіе Господина Дункена.

СЪ АНГЛІЙСКАГО

перевелъ и пополнилъ

ПРИМѢЧАНІЯМИ И ПОЯСНЕНІЯМИ,

ВЪ ПОЛЬЗУ

РОССІЙСКИХЪ МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ,

Флота Капитанъ-Командоръ

ГОЛОВНИНЪ.

Напечатано по повелѣнію Государственнаго Адмиралтейскаго
Департамента.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,

УДОСТОЕНО МОРСКИМЪ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

**съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.**

С. Петербургъ, 18-го Іюля 1852 года.

Ценсоръ А. Крыловъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	Стр.
Потеря англійскаго шлюпа Даная, подъ начальствомъ Капитана Лорда Пробе, случившаяся отъ возмущенія на шлюпъ, происшедшаго 14-го Марта 1800 года.	1
Потеря англійскаго остъ-индскаго корабля Гангесъ, подъ начальствомъ Г. Гарингтона, потонувшаго у Мыса Доброй Надежды, 29-го Мая 1807 года.	3
Крушеніе англійскаго фрегата Амазонка, подъ начальствомъ Капитана Рейнольдса, погибшаго въ заливъ Годіернъ, 14-го Января 1797 года, во время сраженія съ французскимъ кораблемъ Друа-де-л'омми	7
Гибель англійскаго пакетъ-бота Леди Гобартъ, на ледяномъ острову въ Атлантическомъ Океанъ, 28-го Іюня 1803 года, и чудесное спасеніе экипажа на двухъ открытыхъ гребныхъ судахъ	11
Крушеніе голландскаго остъ-индскаго корабля Фригейдъ, случившееся близъ Дувра, 23-го Ноября 1802 года	27
Крушеніе англійскаго фрегата Пандора, подъ командою Капитана Эдуардса, случившееся въ Велпкомъ Океанъ на каменномъ рифъ, 28-го Августа 1791 года.	36
Крушеніе англійскаго остъ-индскаго корабля Гальсвелъ, послѣдовавшее у мѣстечка Сикомба, на островъ Пурбекъ, при берегахъ Дорсетскихъ, 6-го Января 1786 года.	37
Потеря англійскаго купческаго корабля Фанни, подъ управленіемъ Капитана Робертсона, случившаяся 29-го Ноября 1803 года, въ Китайскомъ Морѣ	49
Крушеніе англійскаго шлюпа Провидѣніе, находившагося въ 1797 году, подъ начальствомъ Капитана Бротона, въ путешествіи для открытій, и погибшаго въ Сѣверномъ Тихомъ Океанъ	67
Спасеніе офицеровъ китоловнаго корабля Честерфилдъ, и плаваніе ихъ на гребномъ суднѣ отъ береговъ Новой Гвиней до острова Тимора.	75
Бдствія, претерпѣнные четырьмя русскими матросами, оставленными въ 1743 году на необитаемомъ острову къ востоку отъ Шпицбергена	83
Крушеніе англійскаго остъ-индскаго корабля Винтертонъ, погибшаго у береговъ острова Мадагаскара, 20-го Августа 1792 года, описанное трѣмъ офицерамъ сего корабля	90
Гибель англійскаго 32-хъ-пушечнаго фрегата Амфіона, взорваннаго на воздухъ въ Гамозъ, 22-го Сентября 1796 года	105
Крушеніе корабля Бангалоръ, подъ начальствомъ Капитана Линча, погибшаго на коралловой мели въ Индѣйскомъ Морѣ, 12-го Апрѣля 1802 года	110

Гибель англійскаго линійнаго корабля Принцъ Георгъ, сгорѣвшаго 13-го	Стр.
Апрѣля 1788 года	125
Выписка изъ письма достопочтеннаго Г. Шарпа, священника корабля	
Принца Георгъ	126
Письмо съ одного изъ офицеровъ, по имени Пери	128
Крушеніе англійскаго 24-хъ-пушечнаго шлюпа Детермине, подъ началь-	
ствомъ Капитана Бечера, разбиившагося на подводномъ камнѣ, у остро-	
ва Джерси, 26-го Марта 1803 года	130
Крушеніе транспорта Эней, при берегахъ Нью-оундланда, въ 1805 году,	
при коемъ изъ 347 человекъ спаслось только семеро	133
Гибель англійскаго фрегата Тартаръ, подъ начальствомъ Капитана Ви-	
дерса, на песчаныхъ банкахъ Маргетскаго рейда, 20-го Декабря	
1804 года	137
Крушеніе англійскаго фрегата Севернъ, подъ начальствомъ Командора	
Овернѣ, Принца Буліонскаго, случившееся на подводныхъ камняхъ	
при Заливѣ Грувиллѣ, 21-го Декабря 1804 года	139
Крушеніе англійскаго остъ-индскаго корабля Генераль Баркеръ, подъ	
начальствомъ Капитана Тодда, послѣдовавшее 17-го Февраля 1781	
года, у береговъ голландскихъ	141
Гибель англійскаго военнаго шлюпа Тринкомале и французскаго корсера	
Ингенія, въ Октябрѣ 1799 года, во время сраженія	155

О П И С А Н І Е

ПРИМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ КОРАБЛЕКРУШЕНІЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Потеря англійскаго шлюпа Даная, подѣ начальствомъ Капитана Лорда Пробе, случившаяся отъ возмущенія на шлюпѣ, происшедшаго 14-го Марта 1800 года.

Двадцати - пушечный шлюпъ Даная, подѣ командою Капитана Лорда Пробе, находился въ крейсертвѣ у острова Уэсанта. 14-го Марта, около десяти часовъ вечера, всѣ офицеры его были уже въ постеляхъ, кромѣ самого капитана, офицера морскихъ солдатъ и штурмана, бывшаго въ это время на вахтѣ. Тогда старшій изъ форъ-марсовыхъ матросовъ, по имени Джаксонъ, уроженецъ Ливерпуля, будучи на вахтѣ, вмѣстѣ съ плѣнными и съ нѣкоторыми изъ экипажа, всего въ числѣ сорока человекъ, бросился на шканцы; сбиль съ ногъ штурмана и ранилъ его опасно. Это было знакомъ къ бунту; послѣ такого начала, столкнули они его въ палубу, закрыли всѣ люки и заколотили ихъ. Потомъ поставили на нихъ гребныя суда и наклали въ нихъ ядеръ; этимъ средствомъ лишили они остальную часть экипажа способовъ воспротивиться бунтовщикамъ. Послѣ того, доворотивъ нѣсколько пушекъ на корму, навели ихъ въ капитанскую каюту, но вреда никому ни какого не сдѣлали.

Штурманъ въ ту же минуту бросился въ каюту, и увѣдомил обо всемъ Лорда Пробе, который хотѣлъ выбѣжать наверхъ, и силою пробиться въ ахтеръ-люкъ, но нашелъ, что онъ былъ окруженъ вооруженными бунтовщиками, а притомъ и лѣстница была сброшена; всѣ же другіе люки, какъ выше сказано, они заколотили. Къ несчастію, нельзя было употребить и силы, ибо все панпзу находившееся оружіе состояло въ десяти тесакахъ, чetyрехъ ружьяхъ и нѣсколькихъ карманныхъ пистолетахъ. Офицеры собрали это оружіе, и роздали самымъ надежнымъ людямъ изъ бывшихъ съ ними внизу, копъ число простиралось до сорока, и которые при началѣ бунта спали въ своихъ койкахъ. Они употребляли всѣ способы выбраться наверхъ, но безъ успѣха.

Овладевъ шлюпомъ, Джексонъ сталъ править въ заливъ Камаретъ, въ которомъ легъ на якорь, и послалъ шлюпку на французскій національный бригъ Коломбъ. Вскорѣ съ брига пріѣхали лейтенантъ и нѣсколько человѣкъ солдатъ. Лейтенантъ спросилъ Лорда Пробе, кому онъ сдастся. Лордъ гордо отвѣчалъ: «Французской націи, но не бунтовщикамъ!» Тогда оба судна пошли въ Брестъ, куда прибыли 17-го Марта. На семъ переходѣ гнались за ними фрегаты Ансонъ и Боадисей; однако жъ имъ удалось уйти; ибо Джексонъ показалъ флагами имя шлюпа, и сдѣлалъ опознательный сигналъ, и потому фрегаты думали, что шлюпъ въ погонѣ за непріятельскимъ бригомъ. Лордъ Пробе успѣлъ выбросить изъ каютнаго окна за бордъ ящикъ съ привязанною къ нему тяжестью, въ которомъ хранились секретныя бумаги и сигналы.

Въ Брестѣ Лорда Пробе и офицеровъ свезли на берегъ, а нижнихъ чиновъ, включая въ то число и бунтовщиковъ, къ великому удивленію послѣднихъ, отвели въ Динанскую тюрьму, гдѣ они должны были ждать рѣшенія Перваго Консула. Главнокомандующій въ Брестѣ Адмиралъ Брюи и всѣ французскіе офицеры обходились съ Лордомъ Пробе и его офицерами весьма учтиво, изъясняя притомъ величайшее негодованіе на гнусный поступокъ бунтовщиковъ. Капитанъ Жакобъ 44-хъ-пушечнаго

фрегата Беллоны (*) поступилъ съ плѣнными офицерами весьма благородно: за ихъ англійскія ассигнаціи заплатилъ онъ французскою золотою монетою, и тѣмъ избавилъ ихъ отъ недостатка. Капитана Пробе и всѣхъ офицеровъ отправили въ Валансьенпъ.

Джаксонъ былъ главнымъ секретаремъ Паркера при возмущеніи флота въ 1797 году (**). Говорятъ, что Лорда Пробе предостерегали и совѣтовали не брать этого человѣка; но какъ онъ былъ весьма исправный матросъ и послѣ прощенія всегда велъ себя хорошо, то Лордъ и взялъ его безъ всякаго опасенія.

Около тридцати человѣкъ изъ экипажа, включая офицеровъ, во время сего происшествія на шлюпѣ не были: они находились на судахъ взятыхъ въ плѣнъ. Увѣряютъ, будто бы заговоръ къ сему возмущенію составили французскіе матросы, охотою вступившіе въ англійскую службу; но на шлюпѣ не было ни какихъ Французовъ, кромѣ пяти человѣкъ военноплѣнныхъ, взятыхъ 10-го числа на купеческомъ суднѣ.

При семъ случаѣ не было ни убитыхъ, ни раненыхъ, кромѣ Лорда Пробе, получившаго легкую рану въ голову саблей.

*Потеря англійскаго остъ-индскаго корабля
Гангеса, подѣ начальствомъ Г. Гарингтона,
потонушаго у Мыса Доброй Надежды, 29-го
Мая 1807 года.*

Гангесъ имѣлъ уже течъ за нѣсколько времени до случившагося съ нимъ несчастія, которая, правду сказать, была столь опасна, что надлежало всегда нести на немъ мало парусовъ и въ другихъ отношеніяхъ имѣть большую осторожность.

(*) Онъ послѣ взятъ, 11-го Октября 1801 года, англійскимъ 36-ти-пушечнымъ фрегатомъ Мелампусомъ, подѣ командою Капитана Мура.

(**) Когда флоты въ Портсмутѣ и въ Норѣ взбунтовались, требуя прибавки жалованья.

Прим. первая.

21-го Мая 1807 года, корабль этотъ, къ несчастію, разлучился съ королевскимъ фрегатомъ Конкордомъ и съ кораблями Остъ-Индской Компаніи, бывшими подъ его конвоемъ (*). На слѣдующее утро былъ видѣнъ одинъ только остъ-индскій корабль Винсентъ, командиру коего, Джонсу, Г. Гарингтонъ, какъ младшій по службѣ, подчинилъ себя, и съ этого времени Г. Джонсъ всѣми средствами старался не разлучаться съ Гангесомъ, и держался сколько было возможно ближе къ нему до самаго того часа, какъ онъ пошелъ на дно.

28-го Мая, послѣ полудня было маловѣтріе при облачной погодѣ, а съ полуночи выспѣло, и насталъ тихій вѣтеръ; волненіе сдѣлалось гораздо менѣе; но корабль все еще качало страшнымъ образомъ, и потому весьма было опасно сажать людей на гребныя суда, какъ съ кормы, такъ и у борда.

Спустя четверть часа послѣ полудня, когда С. Винсентъ находился еще въ четырехъ миляхъ отъ Гангеса, у нихъ было въ кораблѣ воды семь футовъ. Старикъ-постъ на четыре дюйма отдѣлился отъ деидвуда, и корабль не слушался руля; тогда съ большимъ рискомъ притянули они баркасъ къ борду; ибо не было ни какой возможности спустить въ него дамъ (пассажирокъ) съ кормовой галереи, хотя для этого нарочно вырубилъ балюстрадъ.

Наконецъ, въ исходѣ перваго часа, отправились на баркасѣ всѣ пассажиры, кромѣ Г. Ролистона, чиновника Бомбейскаго Гражданскаго Управленія, который, по дружбѣ своей къ Капитану Гарингтону, непремѣнно хотѣлъ остаться на кораблѣ, и не прежде съѣхавъ съ него, какъ вмѣстѣ съ капитаномъ и офицерами (**).

(*) Бенгалъ, Мелі Дандасъ, Асіа, Вальтамстоу и Александръ.

(**) Спустя годъ послѣ сего происшествія я былъ на Мысѣ Доброй Надежды, и помню, какъ многіе удивлялись Г. Ролисту, и называли его поступокъ безразсуднымъ; ибо онъ, не имѣя на кораблѣ ни какого дѣла и будучи тамъ вовсе безполезенъ, не хотѣлъ оставить его заблаговременно. Но я тогда думалъ и теперь думаю, что хотя онъ былъ совсѣмъ ненужный человѣкъ, но оставшись на кораблѣ въ такомъ опасномъ

Въ часть пополудни большой катеръ повезъ съ корабля больныхъ, а между тѣмъ экипажъ и солдаты Королевскаго 77-го Полка охотно и неумоимо работали, отливая воду помпами. Въ три часа воды въ трюмѣ было уже восемь футовъ, и корабль началъ погружаться, а въ половинѣ пятаго часа прибыла она до девяти футовъ, и какъ теперь барказъ возвращался къ кораблю, то и приказано было людямъ, оставивъ помпы, выйти наверхъ.

Между тѣмъ спустили оба малые катера и отправили на нихъ столько людей, сколько безъ опасности помѣстить было можно. приказавъ катерамъ не возвращаться. Въ пять часовъ возвратились барказъ, большой катеръ и одно изъ гребныхъ судовъ С. Винцента, а въ половинѣ шестаго часа отправили на нихъ столько людей, сколько волненіе позволяло помѣстить; корабль въ это время былъ почти наполненъ водою.

Тотчасъ по отбытіи этихъ судовъ, всѣхъ оставшихся людей пересчитали; ихъ находилось еще на кораблѣ 49 человекъ, включая капитана, Г. Ролистана и трехъ офицеровъ. Тогда они опять приступили къ дѣйствию помпами, ибо почъ приближалась, и С. Винцентъ находился отъ нихъ довольно далеко.

Въ шесть часовъ вечера капитанъ, обще съ нѣкоторыми офицерами, ходилъ въ послѣдній разъ осматривать внутри корабля, и нашелъ, что верхній конецъ стартъ-поста отсталъ отъ транца на шесть дюймовъ, и что всѣ кормовыя скрѣпленія около транцевъ расшатались.

Въ половинѣ девятаго часа большой катеръ и шлюпка съ С. Винцента еще разъ пріѣхали къ кораблю; тогда капитанъ приказалъ людямъ оставить помпы, и отправилъ ихъ на сихъ гребныхъ судахъ, объявивъ, чтобъ они болѣе не возвращались. Пять минутъ спустя послѣ того, пріѣхалъ барказъ, на которомъ, въ исходѣ девятаго часа, капитанъ,

положеніи, сдѣлался полезнѣе почти всѣхъ офицеровъ, ибо весьма много ободрялъ нижнихъ чиновъ, которые, видя значащаго человека, пассажира, добровольно съ нимъ остающагося, не могли потерять бодрости духа.

Прим. перев.

со всѣми остальными офицерами и нижними чинами, оставилъ несчастный Гангесъ, простившись съ нимъ троекратнымъ ура. Черезъ двадцать минутъ прибыли они на корабль С. Винцентъ, капитанъ коего, Джонсъ, принявъ ихъ со всевозможнымъ уваженіемъ и гостепріимствомъ, личными ихъ званію и несчастному положенію.

Когда послѣдній отрядъ отправился съ корабля, въ трюмѣ было десять футовъ воды, и онъ уже сѣлъ до половины баргоута, и потому руль не имѣлъ ни какого дѣйствія, а ютъ, шканцы и вообще верхняя часть его были въ большомъ движеніи, слѣдовательно, при такомъ разслабленіи корабля, гибель его была неизбежна.

Въ продолженіе ночи С. Винцентъ почти совсѣмъ не имѣлъ ни какого хода, а потому на разсвѣтѣ Гангесъ былъ у нихъ еще въ виду; на немъ мачты, реи и паруса всѣ были цѣлы, какъ и наканунѣ вечеромъ. Въ семь часовъ утра Капитанъ Джонсъ, по желанію Капитана Гарингтона, спустился къ нему, а въ девять часовъ послѣдній, съ нѣкоторыми изъ офицеровъ, отправился на барказѣ къ Гангесу въ надеждѣ, что можно будетъ что нибудь спасти изъ вещей. Но приблизившись они увидѣли, что изъ всѣхъ шпигатовъ нижняго дека, при качкѣ корабля, вода текла ручьями, и временно на волненіи бакъ уходилъ въ воду. При такомъ положеніи, когда видно было ясно, что корабль болѣе и болѣе погружался, не осмѣлились они пристать къ нему, и возвратились на С. Винцентъ, бывшій тогда отъ Гангеса не далѣе четверти мили.

Около полудня пріѣхали они на корабль, и тотчасъ имѣли причину благодарить Бога, что раздумали приставать къ Гангесу; ибо едва успѣли они взойти на корабль, какъ Гангесъ пошелъ на дно и такимъ образомъ, что изъяснить это весьма трудно: на немъ стояли три рифленные марсея, поставленные прямо, кромѣ крюсея, обрасопленного въ бейдевиндъ, и апселя; руль былъ на бордѣ подъ вѣтромъ и привязанъ, но корабль вдругъ покотился голъ вѣтеръ и, пришедъ на фордевиндъ, въ ту же минуту пошелъ на дно носомъ впередъ. Мачты, стеньги и реи его были цѣлы до самаго конца; одна только гротъ-стенъга

переломилась въ эзельгофтѣ, когда грота-рей коснулся воды. Болѣе четырехъ сотъ человѣкъ были зрителями сего величественнаго и ужаснаго явленія, которое въ сердцахъ ихъ сдѣлало такое впечатлѣніе, какое только можно чувствовать, но не описывать, и о которомъ самое краснорѣчивое перо не можетъ сообщить достаточнаго повѣстія. Несчастный корабль потонулъ у Мыса Доброй Надежды въ широтѣ 38°, 22', долготѣ 19°, 50'.

Изъ 209-ти человѣкъ, находившихся на Гаггесѣ, ни одинъ не лишился жизни. Такое избавленіе должно быть совершенно чудесное; ибо волненіе въ это время было столь велико, что безъ величайшей опасности невозможно было спустить гребные суда, и держать ихъ у борда. Это счастливое обстоятельство показываетъ, съ какимъ искусствомъ и неустрашимостью дѣйствовали при семъ случаѣ капитанъ, офицеры и нижніе чины.

Крушеніе англійскаго фрегата Амазонки, подѣ начальствомъ Капитана Рейнольдса, погибшаго въ заливѣ Годіернѣ, 14-го Января 1797 года, во время сраженія съ французскимъ кораблемъ Друа-де-л'оммѣ.

Въ Декабрѣ 1796 года фрегатъ Амазонки привезъ въ Фальмутъ извѣстіе, что онъ видѣлъ въ морѣ французскій флотъ, изъ коего нѣсколько кораблей гнались за нимъ. Послѣ того, 21-го Декабря, онъ и 44-хъ-путечный фрегатъ Индефатигабль, подѣ начальствомъ Сира Эдуарда Пелю, отправились въ море. Они пошли къ острову Узсанту, чтобъ ближе можно было наблюдать за движеніями непріятеля; но пасмурная, туманная погода и крѣпкій западный вѣтеръ принудили ихъ держаться далѣе отъ французскихъ береговъ. Буря продолжалась довольно долго и увлекла ихъ далеко къ югу, а когда вѣтеръ утихъ, и погода прочистилась, они сочли за пужное осмотрѣть испанскіе берега. На сей конецъ нѣсколько времени держались у порта Коруньи, гдѣ удалось имъ взять одинъ

изъ гаванскихъ кораблей, а вскорѣ послѣ того взяли еще два испанскія судна, и всѣ отправили въ Англію.

Они плыли вдоль берега до самаго мыса Финистера, но не встрѣтили ничего достойнаго вниманія, кромѣ того, что слышали отъ одного нейтральнаго судна, что французскій флотъ, состоящій въ девятнадцати линійныхъ корабляхъ и множествѣ транспортовъ съ войскомъ и снарядами, находился въ морѣ. Изъ сего извѣстія они заключили, что флотъ имѣетъ въ предметѣ какое нибудь важное предпріятіе, и какъ эти два фрегата ходили весьма хорошо, то они рѣшились употребить всевозможныя средства сойтись съ французскимъ флотомъ, осмотрѣть и замѣтить его силу и движенія, и сообщить о томъ своему флоту. Съ сею цѣлію взяли они курсъ къ N, и шли подъ всѣми парусами до широты 46°, гдѣ встрѣтили крѣпкій западный вѣтеръ, и какъ они теперь находились на трактѣ судовъ, идущихъ изъ Бреста, то и несли очень мало парусовъ, и весьма прилежно осматривали вокругъ себя горизонтъ.

13-го Января (1797) поутру вѣтеръ дулъ крѣпко отъ запада, при пасмурной и туманной погодѣ, которая къ полудню нѣсколько прочистилась: тогда командоръ (Сиръ Эдуаръ Пелю) усмотрѣлъ къ востоку чужое судно, къ коему они тотчасъ спустились, и замѣтили, что оно хотѣло отъ нихъ удалиться. Между тѣмъ погода прочистилась болѣе; они сдѣлали опознательный сигналъ, но чужое судно на него не отвѣчало, и тѣмъ показало, что оно было непріятельское. Тогда они выстрѣлили брамъ-стенги, подняли брамъ-реи, и поставивъ всѣ возможные паруса, пустились за нимъ въ погоню, и скоро примѣтили, что оно отъ нихъ не могло уйти, ибо хотя уже смеркалось, но они его не упускали изъ виду. Такимъ образомъ, увѣрившись, что имъ есть возможность его догнать, приготовились они къ сраженію.

Около шести часовъ утра командоръ, будучи впереди, подошелъ къ непріятелю, и начавъ съ нимъ сраженіе, чрезъ короткое время миновалъ его, оставивъ свое мѣсто Амазонкѣ, которая тотчасъ заступила его; но имѣвши боль-

шой ходъ, едва успѣла дать ему нѣсколько залповъ, какъ прошла у него впередъ, а потому Капитанъ Рейнольдсъ отдалился отъ нея на вѣтеръ, и взявъ по одному рифу у марселей, чтобъ ровнѣе держаться съ непріятельскимъ кораблемъ, опять преслѣдовалъ его. Между тѣмъ увидѣли они, что непріятель весьма много потерпѣлъ во время сраженія, и потерялъ всѣ стеньги. Въ восемь часовъ утра они опять напали на непріятеля, и въ это только время догадались, что это былъ линейный корабль. Они скоро испытали, что онъ имѣлъ орудія весьма большаго калибра на обоихъ декахъ, и производилъ сильный ружейный огонь, а потому Капитанъ Рейнольдсъ счелъ за лучшее стрѣлять вдоль его; для сего, безпрестанно дѣйствуя парусами, ставилъ свой фрегатъ то на крамболѣ непріятельскаго корабля, то за кормою. Такимъ образомъ преслѣдовали они непріятельскій корабль до десяти часовъ, а тогда упала у него бизань-мачта. Этотъ случай, конечно, долженствовалъ причинить большую помѣху на кораблѣ; не смотря однако жъ на это, онъ производилъ непрерывный огонь, и дрейфовалъ къ берегу подъ такими парусами, какіе могъ нести.

Въ это время непріятель конечно сдася бы англійскимъ фрегатамъ; но вѣтеръ былъ крѣпкій и дулъ прямо на берегъ, и какъ Французы знали, что они находятся недалеко отъ своихъ береговъ, то и рѣшились поставить свой корабль на мель, хотя бы имъ это стоило жизни, но не отдаваться непріятелю.

Въ полдень непріятель пахотился въ самомъ дурномъ положеніи: у него не было ни одного цѣлаго рея, и мачты едва стояли; но какъ командоръ не дѣлалъ сигнала Амазонкѣ прекратить сраженіе, то она не оставляла непріятеля, а держась около его въ разныхъ положеніяхъ, продолжала съ нимъ сражаться.

Около трехъ часовъ пополудни непріятельскія ядра перебили на Амазонкѣ гротъ-марса-рей и крюсь-стенгу, и какъ эти поврежденія, которыя они въ то время могли примѣтить, ничего не значили въ сравненіи съ тѣми, какія потерпѣлъ корабль непріятельскій, то Англичане атаковали

его на самое близкое разстояніе съ такимъ жаромъ и усилѣхотъ, что Французы скоро прекратили огонь, но въ то же время старались съ ними свалиться. Но какъ Амазонка имѣла довольно парусовъ и слушалась руля, то Англичанамъ легко можно было избѣгать такого случая, который конечно имѣлъ бы какъ для французскаго корабля, такъ и для нихъ самыя погубныя послѣдствія.

Около четырехъ часосъ утра погода была все еще пасмурная. Тогда на Амазонкѣ замѣтили, что волненіе вдругъ гораздо уменьшилось, бросили лотъ, и нашли глубину только тринадцать сажень. Въ то же время сквозь мрачность усмотрѣли непріятельскій корабль, совсѣмъ безъ мачтъ, стоящій на мели. Въ такомъ чрезвычайно опасномъ положеніи употреблены были всѣ способы поворотить фрегатъ на другой галсъ, но безъ успѣха; ибо брасы, фалы и многія другія снасти были перебиты, а также недостатокъ гротъ-марса-рея и крюкъ-стенги много тому препятствовали. Тогда увидѣли они, что имъ не было возможности снасти фрегатъ, который и въ самомъ дѣлѣ 14-го числа, въ пять часовъ утра сталъ на мель. Первая десять минутъ било его ужаснымъ образомъ. Капитанъ приказалъ срубить мачты, полагая, что фрегатъ будетъ лежать спокойно, что дѣйствительно и случилось. Вода въ это время шла на убыль. Послѣ этого имъ не оставалось ничего другаго дѣлать, какъ только терпѣливо ждать разсвѣта, пребывая, такъ сказать, между страхомъ и надеждою. Впрочемъ они очень хорошо знали, что если бъ удалось имъ спасти жизнь свою, то надлежало сдѣлаться военнопленнымъ. Не взирая однако жъ на такое горестное положеніе, они старались ободрять и успокаивать другъ друга, пока не настало утро. Между тѣмъ восемь человекъ изъ матросовъ, сговорясь, спустили потихоньку съ кормы гребное судно, но, не осмотрѣвъ его прежде, не замѣтили, что оно во время сраженія было повреждено, а потому едва успѣли отвалить, какъ оно наполнилось водою: шестеро изъ нихъ потонули, а двое съ большимъ трудомъ выплыли на берегъ.

Когда стало разсвѣтать, они увидѣли, что вода шла

на убыль очень скоро, почему имъ легко было добраться до берега. Непріятельскій же корабль находился гораздо въ опасѣйшемъ положеніи, нежели Амазонка. На берегу противъ нихъ собралось изъ окружныхъ селеній множество народа; нѣкоторые изъ жителей помогали спасать людей съ разбитыхъ судовъ, а другіе были просто зрителями.

Во время сраженія и при кораблекрушеніи фрегатъ потерялъ двухъ человѣкъ убитыми, 36 ранеными и шесть утонувшими (*).

Гибель англійскаго пакетъ-бота Леди Гобартъ, на ледяномъ острову въ Атлантическомъ Океанѣ, 28-го Іюня 1803 года, и чудесное спасеніе экипажа на двухъ открытыхъ гребныхъ судахъ.

Описано командиромъ пакетъ-бота Феллосомъ.

22-го Іюня 1803 года пакетъ-ботъ Леди Гобартъ отправился изъ Галифакса въ Англію. Сначала мы правили къ юговостоку, чтобъ миновать такъ называемый Песчаный Островъ, а 24-го числа привели къ Н съ намѣреніемъ пройти по сѣверной части Большой Ньюфундлендской Банки.

(*) Изъ этого описанія видно, что въ потерѣ фрегата Амазонки виноватъ командоръ, то есть начальникъ фрегата Индефатигабля; ибо когда онъ увидѣлъ, что непріятельскій корабль лишился мачтъ, и крѣпкимъ вѣтромъ несло его прямо на берегъ, а Амазонка потеряла гротъ-марса-рей и крюсъ-стенгу, то надлежало бы ему сдѣлать сигналъ фрегату не подвергаться опасности; но онъ этого не сдѣлалъ, за что и капитанъ фрегата Амазонки на него жалуется. Надобно знать, что англійскіе морскіе офицеры чрезвычайно въ этомъ отношеніи щекотливы: Англичанинъ скорѣе потонетъ, нежели отступить отъ приказаннаго его начальникомъ. Въ нѣкоторыхъ другихъ безпорядочныхъ флотахъ иногда тщеславятся послушаніемъ, сдѣланнымъ начальнику, но у Англичанъ такой поступокъ приносить величайшее безчестіе, не говоря уже о строгомъ наказаніи, если бъ старшій вздумалъ представить о неповиновеніи подчиненнаго.

Прим. перев.

Мы шли такъ далеко къ сѣверу для того, чтобъ не встрѣтиться съ непріятельскими крейсерами.

Въ семь часовъ по полуночи 26-го числа, находясь на Большой Ньюфаундлендской Банкѣ, въ широтѣ $44^{\circ} 37'$, долготѣ $51^{\circ} 20'$, мы увидѣли большую шкуну подѣ французскимъ флагомъ; она шла прямо къ намъ, и весь декъ ея былъ наполненъ людьми. По смѣлости, съ какою она спустилась къ намъ, мы заключили, что Французы принимаютъ насъ за купеческое судно, и знаютъ уже о началѣ военныхъ дѣйствій, а потому мы приготовились къ сраженію, и подпустивъ шкуну на пушечный выстрѣлъ, въ восемь часовъ однимъ ядромъ заставили ее спустить флагъ. Овладевъ шкуною, нашли мы, что она называлась Прекрасная Юлія, и принадлежала къ Порту Либерте; величиною была въ восемьдесятъ тоннъ; совсѣмъ новая и хорошо построенная; шла въ помянутый портъ съ Острова Св. Петра, будучи нагружена соленою рыбой.

Призъ сей я поручилъ двумъ лейтенантамъ Королевскаго Флота, бывшимъ у насъ пассажирами, которые добровольно согласились управлять имъ, и съ ними назначилъ нужное число людей. Въ десять часовъ увидѣли мы еще двѣ шкуны: онѣ принадлежали Англичанамъ, и шли въ С. Джонъ; по нимъ я раздѣлилъ французскихъ плѣнниковъ, а капитана, штурмана и мальчика, капитанскаго племянника, оставилъ у себя, по собственному ихъ желанію.

28-го Іюня дулъ крѣпкій вѣтеръ отъ запада съ большимъ волненіемъ; погода была пасмурная, и временно находилъ туманъ. Около часа пополудни пакетъ-ботъ, идучи по семи узловъ, вдругъ нашелъ на ледяной островъ, и ударился съ такою силою, что многіе изъ служителей выпали изъ своихъ коекъ. Проснувшись отъ этого ужаснаго удара, я въ ту же минуту выскочилъ наверхъ. Передъ самымъ тѣмъ временемъ, когда надобно было ему удариться, руль положили лѣво на бордъ, а потому онъ, ударившись еще разъ лѣвою стороною противъ крамбола, повертнулся совсѣмъ кругомъ, кормою къ льдинѣ, которая отбила у него руль, и вдавляла ахтеръ-штевень. Въ это время ледяная громада, казалось, совсѣмъ нависла надъ нами,

имѣя образъ весьма остроконечной пирамиды или пика, котораго высота, по крайней мѣрѣ, была вдвое противъ нашихъ мачтъ, въ длину же она простиралась отъ одной четверти до половины мили.

Волненіе ударило на ледъ страшнымъ образомъ, а вода лилась въ судно такимъ стремленіемъ, что въ нѣсколько минутъ наполнила трюмъ. Мы бросили всѣ пушки за бортъ, отрубили якоря, подвели подъ подводную часть два паруса, выливали воду обѣими помпами и ведрами, въ надеждѣ не допустить, чтобъ судно пошло на дно; но все это не имѣло успѣха: менѣе чѣмъ въ четверть часа фор-руслени опустились до самой воды.

Теперь мы находились въ самомъ отчаянномъ положеніи: будучи увѣренъ, что если одну минуту мы опоздаемъ спустить гребныя суда, ничто уже не будетъ въ состояніи спасти насъ, я требовалъ совѣта у Капитана Томаса, королевской морской службы, находившагося на пакетъ-ботѣ пассажиромъ, и отъ нашего штурмана, должны ли мы еще употреблять какія нибудь средства для сохраненія судна или единственно помышлять о спасеніи людей. И такъ какъ я имѣлъ большое желаніе спасти почту, то и спрашивалъ ихъ мнѣнія, можно ли намъ взять почтовые чемоданы съ собою на гребныя суда. Они оба единогласно утверждали, что мы немедленно должны спустить на воду гребныя суда, и какъ пакетъ-ботъ погружался скоро, то ни о чемъ болѣе не надобно думать, какъ только о спасеніи людей.

Обязанность моя заставляла меня отдать здѣсь справедливость всему экипажу, находившемуся подъ моимъ начальствомъ: отъ самаго начала случившагося съ нами несчастія они вели себя съ чрезвычайнымъ постоянствомъ, и сохраняли порядокъ и повиновеніе. Ни одинъ человѣкъ не изъявлялъ ни малѣйшаго нетерпѣнія или желанія оставить корабль прежде времени, и когда велѣно было садиться на гребныя суда, всякъ сходилъ на нихъ въ свою очередь и безъ торопливости, наблюдая во все время примѣрное равнодушіе.

Хотя волненіе было велико, однако жъ мы очень удачно

спустили катеръ и ялъ; въ первый изъ нихъ мы посадили дамъ; одна изъ нихъ (дѣвица Котенгамъ) до того испугалась, что со шкафута прыгнула на катеръ и сильно обѣ него ударилась. Этотъ случай могъ бы послужить къ ея и нашей гибели, къ счастью однако жъ не имѣлъ ни какихъ дурныхъ слѣдствій.

Потомъ спустили мы на эти гребныя суда небольшое количество съѣстныхъ припасовъ, собранныхъ въ служительскихъ банкахъ, и отдали ихъ за корму. Въ это время носовая часть верхняго дека была уже подъ водою, и только одни шкапцы не были еще затоплены; послѣ того велѣлъ я къ почтовымъ чемоданамъ привязать нѣсколько кусковъ чугунаго баласта, и бросить ихъ въ воду. Между тѣмъ судно погружалось болѣе и болѣе: тогда закричалъ я на катеръ, чтобъ онъ подѣхалъ и взялъ меня. Намѣреніе мое было спуститься въ катеръ съ конца гика, чтобы не разбилось его о кормовой подзоръ. Когда катеръ подѣхалъ, я предложилъ нашему штурману Баргосу, остававшемуся со мною до послѣдней минуты, спускаться въ него; но онъ мнѣ отвѣчалъ, что въ этомъ одномъ случаѣ онъ просить позволенія не исполнить моего приказанія, ибо намѣренъ не прежде оставить утопающее наше судно, какъ въ то время, когда увидитъ меня въ безопасности на катерѣ. Такой поступокъ, въ подобномъ нашему положеніи, не имѣетъ нужды въ моей похвалѣ, онъ самъ о себѣ свидѣтельствуешь, но я не исполнилъ бы моего долга, если бъ не довелъ до свѣдѣнія высокопочтенныхъ господъ директоровъ почтъ (*) о поступкѣ, приносящемъ такую честь и похвалу сему достойному офицеру.

Когда мы спускали гребныя суда, волненіе было такъ велико, что я никакъ не надѣялся спустить ихъ въ цѣлости, и за успѣхъ въ этомъ многотрудномъ и важномъ

(*) Въ Англіи всѣ почтовые суда или пакетъ-боты находятся въ управленіи и зависимости директоровъ (post-masters general), управляющихъ почтами, и служащіе на нихъ имѣютъ особенный свой мундиръ: красный съ синимъ воротникомъ.

предпріятіи мы совершенно обязаны неустрашимости, проворству и послушанію нижнихъ чиновъ, къ чести коихъ должно сказать, что ни одинъ изъ нихъ не употребилъ чрезъ мѣру крѣпкихъ напитковъ, хотя они имѣли къ тому всѣ способы, если бы хотѣли; напротивъ того, я видѣлъ, какъ одинъ матросъ вылилъ изъ бутылки мѣрою галлоновъ въ пять (полтора ведра) ромъ на палубу, чтобы налить въ нее прѣсной воды. Эта вода въ послѣдствіи была единственнымъ нашимъ подкрѣпленіемъ.

Едва успѣли мы оставить корабль, какъ вдругъ онъ сильно покачнулся на лѣвую сторону, и тотчасъ пошелъ на дно, носомъ впередъ; это случилось менѣе нежели черезъ часъ послѣ перваго удара о льдину. При семъ случаѣ мы были на краю гибели, ибо насъ почти повлекло въ водоворотъ, сдѣлавшійся отъ погруженія корабля. — Не берусь описывать ужаса нашего положенія и того, что мы чувствовали, когда увидѣли себя на двухъ гребныхъ судахъ посреди необозримаго Атлантическаго Океана, не имѣя надежды ни на какую другую помощь, кромѣ самихъ себя, и на ту, какую могло послать намъ Провидѣніе!

Люди, привыкшіе къ опасностямъ и къ переворотамъ счастья, не скоро приходятъ въ отчаяніе, но бываютъ ужасные случаи, коимъ человѣкъ самъ по себѣ безъ упованія на Всевышняго, не можетъ противустать (*)! Сими-то упованіемъ мы подкрѣпляли себя, и утѣшали другъ друга въ нашемъ отчаянномъ положеніи.

Пока мы разсуждали, какой взять намъ курсъ, случилось весьма странное происшествіе, которое причинило намъ величайшее безпокойство, а потому и заслуживаетъ быть упомянутымъ: въ то время, когда пакетъ-ботъ тонулъ, онъ былъ окруженъ превеликимъ множествомъ китовъ, которые въ это время года идутъ къ берегамъ Ньюфаундленда, преслѣдуя маленькихъ рыбокъ, называемыхъ капеланъ; и когда эти огромныя животныя приближались къ гребнымъ судамъ, мы чрезвычайно боялись, чтобы они не нанесли

(*) Нѣтъ въ свѣтѣ ничего справедливѣе этого замѣчанія: я это знаю опытомъ!

Прим. перса.

намъ какого вреда, ибо въ китоловномъ промыслѣ не рѣдко случалось, что киты однимъ ударомъ хвоста разбивали надвое шлюпки, и потому мы кричали изъ всей мочи и употребляли разные другіе способы отогнать ихъ, но тщетно: они, казалось, нарочно слѣдовали за нами и окружали насъ съ полчаса; напоследокъ всѣ скрылись, не причинивъ намъ ни малѣйшаго вреда.

Съ величайшимъ трудомъ мы кое-какъ могли поставить и вооружить фокъ-мачту, и готовились взять лучший курсъ, смотря по обстоятельствамъ; вѣтеръ же дулъ прямо отъ того румба, на который надлежало намъ править къ ближайшему отъ насъ берегу. Мы размѣстились по гребнымъ судамъ слѣдующимъ образомъ: на катерѣ находились три дамы, Капитанъ Томасъ, начальникъ французской шкуны Г. Россе, я, подштурманъ, констанель, тимерманъ, экономъ комиссарскій и восемь матросовъ: всего осьмнадцать человѣкъ, конхъ тяжесть, вмѣстѣ съ съѣстными припасами, такъ загрузила нашъ ботъ, что фальшъ-борды были отъ воды не выше, какъ на шесть или на семь дюймовъ; величина же его была въ длину двадцать футъ, въ ширину шесть футъ четыре дюйма, а въ глубину два съ половиною фута. Изъ этого можно себѣ представить, въ какой тѣснотѣ мы должны были находиться, и что надлежало намъ перенести! А на ялѣ, имѣвшемъ четырнадцать футъ длины, пять футъ три дюйма ширины и два фута глубины, помѣстились штурманъ Баргусъ, Перваго Гвардейскаго Полка Подполковникъ Кукъ, ботсманъ, парусникъ и семь матросовъ: всего одиннадцать человѣкъ.

Изъ съѣстныхъ припасовъ мы успѣли взять только отъ сорока до пятидесяти фунтовъ сухарей, воды пять галлоновъ (полтора ведра) и еще небольшой кувшинъ; остатокъ спрессованнаго пива въ боченкѣ, пять галлоновъ рому и нѣсколько бутылокъ портвейну. Намъ также удалось взять два компаса, октантъ, зрительную трубу, жестяную кружку, рюмку, шканечный фонарь съ нѣсколькими свѣчами, а одинъ изъ матросовъ догадался взять огниво со всѣмъ приборомъ: такимъ образомъ мы были въ состояніи править по компасу и въ ночное время.

При разсвѣтѣ вѣтеръ дулъ крѣпкій отъ запада съ большимъ волненіемъ; мы тогда находились отъ Порта Сантъ-Джона, что на Ньюфаундлендѣ, въ разстояніи 350-ти миль, и какъ признаки означали продолженіе противныхъ вѣтровъ, то намъ надлежало употреблять строжайшую экономію въ съѣстныхъ припасахъ. На сей конецъ я представилъ моимъ товарищамъ, что мы одинъ разъ должны положить для себя правила, отъ которыхъ ни подъ какимъ видомъ уже не отступать; ибо намъ предстояли величайшія затрудненія, которыя однако жъ я изложилъ имъ въ лучшемъ видѣ, нежели какъ самъ объ нихъ думалъ. Въ слѣдствіе сего представленія выдано было на каждого человѣка по половинѣ сухаря и по рюмкѣ вина на всѣ слѣдующія сутки; воды же мы согласились не трогать, пока будетъ возможность обойтись безъ нея.

Къ счастью, при спусканіи гребныхъ судовъ на воду, вошла мнѣ въ голову мысль велѣть бросить въ катеръ смоленый брезентъ съ гротъ-люка; теперь онъ намъ пригодился: разрѣзавъ его на полосы, мы возвысили имъ фальшборды вмѣсто надѣлокъ, и тѣмъ удерживали всплески, которые иначе попадали бы въ катеръ. Я также велѣлъ тиммерману взять съ собою сколько нибудь самыхъ пужныхъ инструментовъ, въ числѣ копѣхъ онъ не забылъ наполнить карманы гвоздями, которыми мы теперь починили фальшборды, переломанные при спускѣ катера.

Вскорѣ послѣ разсвѣта, взявъ ялѣ на буксиръ, мы пошли въ путь, держа въ бейдевиндѣ къ NW, въ надеждѣ дойти до Ньюфаундлендскаго берега или встрѣтить какое либо судно. Мы прошли два ледяные острова, почти равной величины съ тѣмъ, на которомъ разбился пакетъ-ботъ нашъ, и принесли Богу благодареніе за избавленіе насъ отъ гибели. Въ полдень, по наблюденію, мы находились въ широтѣ 46° 33'. Портъ С. Джонъ отстоялъ отъ насъ на W³/₄N въ 350-ти миляхъ.

29-го Іюня съ утра сталъ дуть тихій вѣтеръ изъ ZO четверти. Мы провели эту долгую ночь весьма безпокойно, а на разсвѣтъ весь мой экипажъ, состоящій изъ 28-ми чело-
вѣкъ, устремилъ взоры свои на меня, чтобъ поскорѣе

узнать, какимъ курсомъ я вею править для ихъ спасенія, и въ ожиданіи раздачи съѣстныхъ принасовъ. При освидѣтельствованіи ихъ нашли мы, что мѣшокъ сухарей былъ подмоченъ соленою водою, и потому надлежало уменьшить порцію, на что всѣ охотно согласились. Въ эту минуту я болѣе почувствовалъ весь ужасъ нашего состоянія, и возсылая Богу благодареніе за спасеніе насъ при кораблекрушеніи, просилъ Его не лишить насъ святаго Своего покровительства въ тенерешнемъ отчаянномъ положеніи.

Вскорѣ послѣ нашего густой туманъ, продолжавшійся во весь день, съ сильнымъ дождемъ, который для насъ былъ вовсе бесполезенъ, ибо мы не имѣли средствъ собирать дождевую воду; но перемочивъ насъ, онъ сдѣлалъ намъ превеличайшій вредъ, а особливо въ такой тѣснотѣ, въ какой мы находились; притомъ же надобно знать, что сверхъ платья, которое было на насъ, никому не было позволено брать что либо, кромѣ одного капота или одѣяла.

Мы шли хотя подъ парусомъ, но и безпрестанно гребли, правя къ WNW, и осматриваясь во всѣ стороны, съ нетерпѣніемъ ожидали встрѣтить какой нибудь корабль. Въ полдень С. Джонъ находился отъ насъ въ 310-ти миляхъ на $WNW\frac{3}{4}W$; обсервации для широты не было. Тогда же каждому человѣку было выдано по четверти сухаря и по рюмкѣ рому. Одна изъ дамъ читала намъ молитвы объ избавленіи отъ бури.

На разсвѣтъ 30-го числа мы такъ озябли стѣ чрезмѣрной мокроты и холодной погоды, что сочтено было за нужное дать каждому человѣку по полурюмкѣ рому и по кусочку сухаря. Дамы сначала не хотѣли пить крѣпкихъ напитковъ, но послѣ, будучи убѣждены нами, согласились употреблять свою порцію: это весьма было для нихъ полезно въ столь сырую и холодную погоду. Туманъ и слякоть продолжались и въ эти сутки. Мы всю ночь шли на веслахъ, да и большую часть дня тоже, а какъ язь нашъ, къ несчастію, отвалилъ отъ корабля только съ тремя веслами, и имѣлъ ничего пезначащій нарушишко, то мы принуждены были безпрестанно держать его на буксирѣ; равнымъ образомъ и на катерѣ недоставало двухъ веселъ, потерянныхъ при спускѣ на воду, и какъ онъ сидѣлъ

много въ грузу, то при малѣйшемъ волненіи шель очень тихо; слѣдовательно, въ слабые вѣтры успѣхъ нашъ былъ невеликъ.

Однѣ изъ матросовъ нашелъ въ ялѣ окорокъ ветчины, котораго прежде мы не замѣтили. Я велѣлъ дать отъ него на каждого человѣка по кусочку съ грецкій орѣхъ, а остальное бросилъ въ море, опасаясь, что онъ произведетъ жажду, которую намъ печѣмъ было утолить. Въ полдень мы считали себя на сѣверо-восточной оконечности Большой Банки. С. Джонъ отстоялъ на $WNW\frac{3}{4}W$ въ 246-ти миляхъ. Наблюденій не было; сегодня отправили молитву по-прежнему.

Большую часть дня перваго Іюля дулъ свѣжій вѣтеръ отъ WZW съ великимъ волненіемъ. Туманъ со слякотью продолжался по-прежнему, во всѣ сутки, и погода была такъ холодна, что брызги, коими насъ обливало, тотчасъ на насъ замерзали, отчего мы находились въ самомъ горестномъ положеніи. Мы всѣ были доведены почти до послѣдней степени отчаянія, а недостатокъ пищи и безпрестанный холодъ до того насъ пзнурили, что мы совершенно ослабли, и были неспособны ни къ какому дѣлу, гдѣ требовалась сила. Чрезвычайная тѣснота не позволяла намъ протянуть членовъ какъ должно, а оттого у многихъ распухли ноги, и они безпрестанно просили пить. Тогда я напоминалъ имъ о сдѣланномъ нами постановленіи: они соглашались, что причины мои были справедливы, и умоляли, но чрезъ нѣсколько минутъ опять требовали воды.

При началѣ крѣпкаго вѣтра мы шли къ NNW, по характеръ, будучи много въ грузу, не могъ легко подниматься на волненіи, и часто въ него плескало воду, а потому мы принуждены были отдать буксиръ яла, и въ туманѣ скоро потеряли его изъ вида. Это горестное приключеніе причинило всѣмъ намъ большое безпокойство; ибо мы не знали, удастся ли намъ опять свидѣться съ несчастными нашими товарищами. Сверхъ того несчастье наше было еще чувствительнѣе тѣмъ, что на ялѣ остались нашъ октантъ, зрительная труба и немалая часть съѣстныхъ припасовъ. Около четырехъ часовъ утра вѣтеръ усилился, а по мѣрѣ

того и волненіе сдѣлалось больше; почему мы нашлись принужденными привести катеръ носомъ къ вѣтру помощію паруса нашего, который распустивъ, выпустили въ воду, привязавъ къ каждому поку рея по вѣрвкѣ, которыя закрѣпили на носу, отчего валы, встрѣчая парусъ прежде нежели доходили до насъ, нѣсколько уменьшались.

Въ продолженіе этого дня матросы нѣсколько разъ увѣряли меня, что видятъ судно; хотя я зналъ очень хорошо, что въ такую туманную погоду почти невозможно было усмотрѣть какой либо предметъ, но долженъ былъ, въ угожденіе настоящему ихъ требованію, спускаться по вѣтру, чтобъ убѣдить ихъ въ ошибкѣ. Движенія эти подвергали насъ чрезвычайной опасности, а потому я старался всѣми способами доказать имъ неосновательность ихъ желаній, что одно только воображеніе заставляетъ ихъ мечтать, будто они видятъ корабль, и что происходящая оттого минутная радость послѣ повергнетъ ихъ въ большее еще отчаяніе. При всѣхъ сихъ несчастныхъ происшествіяхъ должно сказать, къ чести женскаго пола, что дамы показывали собою примѣръ удивительной твердости и терпѣнія.

Мы всѣ вмѣстѣ читали молитвы, и всегда съ непокрытыми головами, не смотря ни на вѣтеръ, ни на дождь. Это доставляло намъ большое утѣшеніе и спокойствіе въ нашихъ душевныхъ и тѣлесныхъ страданіяхъ. Въ полдень портъ С. Джонъ отстоялъ отъ насъ на $WNW\frac{1}{4}W$, во 148-ми миляхъ. Полуденной же высоты солнца для опредѣленія широты не было.

2-го Іюля во всю ночь шелъ сильный дождь, и съ такимъ пронзительнымъ холодомъ, что всѣ мы почти не могли пошевелиться. Ноги и руки у насъ до того распухли, что у нѣкоторыхъ почернѣли; причиною тому были тѣснота, сырость и холодъ. Поутру я далъ каждому человѣку по одной трети рюмки рому и по четверти сухаря, а предъ полуднемъ понемногу спрюсоваго пива, отъ котораго чувствовали мы нѣкоторое облегченіе.

Все утро этого числа вѣтеръ дулъ крѣпко изъ ZW четверти при туманной погодѣ, а съ полудня утихъ и перешелъ въ NO четверть.

Въ половинѣ 12-го часа по полуночи увидѣли мы къ востоку корабль, который шелъ къ NW. Явленіе это внушило намъ надежду на немедленное избавленіе, и, такъ сказать, дало новую жизнь. Я тотчасъ приказалъ всѣмъ какъ можно плотнѣе прижаться другъ къ другу, чтобы характеръ нашъ не показался ему вооруженнымъ судномъ, и не настрашалъ его, и привязавъ на крюкъ дамскую шаль махалъ ею, сколько позволяли мои силы. Между тѣмъ идучи на разные галсы, мы скоро приблизились другъ къ другу, и чрезъ четверть часа увидѣли, что это былъ нашъ ялъ. Мы скорѣе бы его узнали, если бъ онъ не имѣлъ другаго паруса, слѣланнаго изъ моей простыни, которую случайно бросили въ ялъ. Парусъ этотъ они поднимали надъ фокомъ, а оттого ялъ имѣлъ видъ верхнихъ парусовъ судна, находящагося въ отдаленіи.

Невозможно изобразить той смѣси радости и огорченія, которая была напсана на лицѣ каждого при этомъ открытіи! Соединясь съ яломъ, мы взяли его опять на буксиръ, и пошли къ NW. Мы спрашивали другъ друга о здоровьѣ экипажа, и узнали, что находившіеся на ялѣ, такъ же какъ и мы, много страдали опухолью въ рукахъ и ногахъ, и что они весьма много огорчались на нашъ счетъ, боясь, чтобъ мы не погбли. Надобно замѣтить, что дѣй ночи они правили безъ огня, слѣдовательно соединеніе наше послѣ такой бурной погоды надлежитъ приписать одному Провидѣнію! Опасаясь, чтобъ еще намъ не разлучиться, мы на всякій случай раздѣляли нашъ запасъ по числу людей на каждомъ суднѣ.

Надежда наша на немедленное избавленіе при появленіи мнимаго корабля обрадовала насъ до чрезвычайности, а потому и неудача была гораздо чувствительнѣе: до того даже, что нѣкоторые изъ матросовъ пришли въ крайнее отчаяніе, и невозможно было ни какими увѣщаніями ободрить ихъ и заставить, чтобъ они помогали ставить паруса.

Сегодня, въ первый еще разъ, далъ я полную рюмку прѣсной воды французскому капитану и нѣкоторымъ другимъ, имѣвшимъ въ этомъ пособіи болѣе надобности. Сколько я ни убѣждалъ моихъ товарищей не пить соленой воды,

но нѣкоторые изъ нихъ меня не слушались и пили ее въ большомъ количествѣ, отчего сдѣлались у нихъ бредъ и судороги, а также боль въ животѣ. Этотъ случай, по крайней мѣрѣ, помогъ мнѣ уговорить остальныхъ, чтобъ они воздержались отъ этого чрезвычайно вреднаго питья.

Поутру, по обыкновенію, читали мы молитвы. Въ полдень С. Джонъ паходился отъ насъ на $WNW\frac{1}{4}W$ во 110-ти миляхъ. Пироты по наблюденію не имѣли случая опредѣлить.

3-го Іюля мы терпѣли холодъ, мокроту, голодъ и жажду въ такой степени, что я изъяснить не могу, и находились въ самомъ жалостномъ положеніи. Вѣтеръ дулъ довольно крѣпко отъ юга; мы шли подъ всеми парусами, какіе только могли выставить, а ялѣ въ прибавокъ къ парусамъ шелъ и на веслахъ, чтобъ не отстать отъ насъ. Французскій капитанъ, уже нѣсколько дней бывший въ такомъ отчаяніи, что ни какой возможности не было утѣшить его, вдругъ бросился въ безпамятствѣ за бордъ, и мгновенно пошелъ на дно! Въ это время катеръ шелъ съ большою скоростью, и весла были привязаны по борду, и такъ нельзя было бы спасти его даже и тогда, когда бы онъ держался на водѣ. Одинъ изъ плѣнниковъ, находившійся на ялѣ, дошелъ до такого бѣшенства, что нужно было его связать. Горестный конецъ несчастнаго Капитана Россе, къ которому я началъ имѣть большое уваженіе, чрезвычайно меня тронулъ, можетъ быть, болѣе нежели собственная моя участь. Въ то время, когда я распредѣлялъ людей по гребнымъ судамъ, онъ подошелъ ко мнѣ, и со слезами на глазахъ просилъ, чтобъ я не оставилъ его на утопающемъ суднѣ; я увѣрялъ его, что мнѣ никогда въ мысляхъ не приходило сдѣлать такой безчеловѣчный поступокъ; напротивъ того, будучи невинною причиною его несчастія, я постараюсь всеми способами спасти жизнь его, равно какъ и всѣхъ другихъ моихъ товарищей, и какъ мы все подвержены одинаковой опасности, то и должны будемъ спастись или погибнуть вмѣстѣ. Это увѣреніе и надежда были скоро развѣненными по прибытіи къ порту, на время успокоили его; но твердость, послѣ имъ оказанная, скоро его

оставила, и крѣпкіе напитки безъ примѣси воды, къ употребленію коихъ онъ не привыкъ, имѣли надъ нимъ удивительное дѣйствіе: они ускорили его сумасшествіе, вовлекшее его въ преждевременную смерть.

Это несчастное приключеніе надъ всѣми нами произвело странное дѣйствіе: самые ничего незначащіе случаи приводили насъ въ чрезвычайный гнѣвъ, а иногда на меня находила такая задумчивость, что я по нѣсколькимъ часамъ сряду не помнилъ себя.

Сегодня случилась со мною сильная дрожь, повторявшаяся въ извѣстные промежутки времени. Я потерялъ позывъ на пищу и питье, и былъ въ большой опасности. Къ ночи, въ первый разъ еще послѣ кораблекрушенія, я спалъ три или четыре часа сряду. Во время сна я впопыхался; пробудившись, чувствовалъ облегченіе, и былъ уже въ совершенной памяти, но тѣмъ болѣе приходилъ въ ужасъ, помышляя объ отчаянномъ нашемъ положеніи.

Между тѣмъ волненіе такъ часто плескало воду въ каюту, что вмѣвшіе еще сколько нибудь силы принуждены были безпрестанно выливать ее. Находящіеся въ кормѣ сидѣли такъ тѣсно, что съ трудомъ можно было просунуть въ карманъ руку, а матросы лежали въ водѣ подъ банками.

Утро, кромѣ дневнаго свѣта, не принесло намъ ни какого облегченія. Солнце только одинъ разъ во все время бѣдственнаго нашего путешествія согрѣло насъ благотворительною своею теплотою; и тѣ, которые на нѣкоторое время бывъ погружены въ сонъ, не чувствовали ужаснаго своего состоянія, просыпались потомъ несравненно съ болѣею горестью.

Наконецъ вѣтеръ отъ Z до того усилился и произвелъ такое волненіе, что потребны были чрезвычайное искусство и сила для управленія рулемъ; ибо малѣйшее упущеніе или неосторожность могли поворотить катеръ поперегъ волненія, которое потопило бы его непременно. Мы шли прямо на фордевиндъ, ожидая каждую минуту, что насъ поглотятъ стремившія за нами волны; но съ помощію Божіею выдержали эту бурю, которая къ ночи

стала утихать. Теперь, по счисленію нашему, мы прошли то разстояніе, въ которомъ полагали себя отъ С. Джона; только густота тумана не позволяла намъ видѣть предметы, даже въ самомъ маломъ разстояніи.

Вечеромъ прошли мы нѣсколько пучковъ морскихъ растений, а Капитанъ Томасъ видѣлъ крыло морской птицы, которая привѣтнуетъ при берегахъ Ньюфундленда, и служить пищу тамошнимъ рыбакамъ. Эти обстоятельства показали намъ, что мы недалеко отъ земли, а потому всякъ изъ насъ съ большимъ вниманіемъ наблюдалъ все намъ попадавшееся. Въ это время прекрасная бѣлая птица, величиною и перьями весьма похожая на голубя, только съ перепонками на лапахъ, летала кругомъ насъ, и хотя катеръ очень качался, но она нѣсколько разъ покушалась сѣсть на него. Она продолжала летать около насъ до самой ночи. Сколь ни малозначительно это обстоятельство, но мы считали его благоприятнымъ знаменіемъ, которое породило въ насъ нѣкоторую надежду: не даромъ говорить, что мореходцы вообще бываютъ суевѣрны, и вѣрять многимъ предразсудкамъ (*).

Имѣя основательныя причины думать, что земля была отъ насъ не очень далеко, я старался уговаривать всѣхъ тѣхъ, которые имѣли еще сколько нибудь силы, приняться за весла, и грести въ пособіе дувшему тогда весьма тихому вѣтру. Я убѣдительно представлялъ имъ, что буде поутру настанетъ береговой вѣтеръ, и отнесетъ насъ далеко въ море, тогда уже поздно будетъ намъ думать о спасеніи; ибо кромѣ величайшаго безсилія, въ коемъ мы находились, у насъ оставалось сухарей, при самой крайней экономіи, только на два дня, а также и воды не могло стать на большее того время, хотя мы совсѣмъ

(*) Въ отношеніи къ Англичанамъ, это замѣчаніе можетъ быть справедливо, хотя мнѣ самому и не случилось того видѣть; но русскихъ мореплавателей нельзя укорять въ суевѣріи и предразсудкахъ: я никогда не замѣчалъ, чтобъ они по физическимъ явленіямъ выводили какія либо суевѣрныя заключенія и предсказанія.

ея не трогали, кромѣ вышеупомянутыхъ случаевъ. Шестеро сутокъ мы безпрестанно находились въ мокротѣ и на холоду, не имѣя другой пищи, кромѣ четверти сухаря и рюмки вина или рому въ день. Но, не взирая на это, убѣжденіе мое имѣло такое дѣйствіе, что люди, до того казавшіеся совершенно равнодушными къ своей участи, теперь выползли изъ-подъ банокъ, и употребили послѣднія свои силы за веслами.

4-го Іюля на разсвѣтѣ туманъ такъ сгустился, что мы ничего кругомъ себя не могли видѣть. Въ продолженіе же ночи намъ пришлось принужденными отдать буксиръ съ яла, чтобъ понудить бывшихъ на немъ грести прилежнѣе, отчего мы потеряли его изъ виду, и это несчастное обстоятельство удивительно насъ огорчило. Я замѣтилъ, что при нашей слабости, самые бездѣльные, ничего незначашіе случаи производили надъ нами чудное дѣйствіе, и потому предостерегалъ моихъ товарищей, чтобъ они не вдругъ предавались восторгу, увидѣвъ что нибудь похожее на землю, и въ радости не объявляли о томъ другимъ, пока не увѣрятся совершенно, что видимый предметъ есть не призракъ, но настоящая земля; ибо извѣстно, что такъ называемыя туманные банки или облака бываютъ весьма обманчивы. Не взирая однако жъ на мои увѣщанія, многимъ изъ нашихъ бѣдныхъ страдальцевъ безпрестанно что нибудь мечталось: кто слышалъ шумъ береговаго прибоя, а кто пушечные выстрѣлы. Эти послѣдніе дѣйствительно слышалъ и я, и мнѣ казалось, что какой нибудь корабль, стоявшій на мели, дѣлалъ сигналы бѣдствія, но послѣ мы узнали, что пушечными выстрѣлами намъ слышались удары китовъ по водѣ, которыхъ мы видѣли множество.

Вскорѣ по разсвѣтѣ солнце показалось во второй разъ послѣ кораблекрушенія. Въ продолженіе семи дней нашего бѣдствія мы не имѣли случая взять высоту солнца, луны или звѣздъ, даже просушить свое платье. На послѣдокъ туманъ сталъ прочищаться, и мы усмотрѣли землю въ разстояніи отъ насъ около мили. Открывшійся намъ берегъ находился въ Заливѣ Зачатія (Conception), разстояніемъ на

четырнадцать лигъ отъ гавани С. Джона, и почти въ то же самое время, къ неизъяснимой нашей радости, увидѣли мы свой ялъ и еще шкуну, шедшую къ намъ прямо отъ берега.

Не умѣю достаточно описать чувствованій нашихъ при семъ трогательномъ явленіи! Увѣренность въ скоромъ избавленіи произвела надъ нами непостижимое дѣйствіе: многіе навзрыдъ плакали; другіе смотрѣли другъ на друга разинувъ ротъ, и, казалось, не вѣрили тому, что видѣли собственными глазами; иные, напротивъ, пребывали въ совершенномъ забвеніи, такъ что ни какія слова, ни какія утѣшенія не имѣли надъ ними дѣйствія. Что касается до меня, то хотя я также былъ до чрезвычайности расстроганъ столь внезапною переменою въ нашемъ состояніи, но представивъ себѣ все нами претерпѣнное, и видѣвъ столь жалостное положеніе моихъ товарищей, я предложилъ имъ принести благодареніе Богу за Его къ намъ милосердіе. На это всѣ до одного человѣка охотно со мною согласились, и я, вынувъ изъ кармана молитвенникъ, взятый мною съ корабля, когда я въ послѣдній разъ пошелъ наверхъ изъ своей каюты, сталъ читать псалмы, при слушаніи коихъ на лицѣ cadaго живо были изображены умиленіе и живѣйшее чувство благодарности ко Всевышнему. Исполнивъ сію священную обязанность, матросы стали у меня просить по полубутылкѣ грогу на cadaго, но я, опасаясь дурныхъ слѣдствій, отказалъ въ ихъ просьбѣ, а смѣшавъ съ водою небольшое количество рому, далъ имъ понемногу.

Когда шкуна приблизилась къ намъ, мы увѣдомили ее о нашемъ состояніи. Она тотчасъ легла въ дрейфъ, и приняла насъ всѣхъ, а суда наши взяла на буксиръ. Теперь невозможно было воздержать людей нашихъ, и многіе изъ нихъ пили такъ много воды, что почувствовали чрезвычайную боль въ желудкѣ, но сдѣлавшись осторожнѣе отъ этого урока, не имѣли ни какихъ другихъ опасныхъ припадковъ.

Такъ какъ вѣтеръ съ берега дулъ весьма крѣпко, то мы не прежде достигли пристани на островѣ Ковѣ, какъ въ четыре часа вечера. Всѣ женщины и дѣти изъ цѣлой деревни съ двумя или тремя рыбаками (прочіе были

на промыслѣ) вышли на берегъ, чтобъ насъ видѣть. Они чрезвычайно были тронуты нашимъ положеніемъ и помогали намъ выходить изъ шкуны, и на рукахъ переносили насъ по камнямъ до своихъ жилищъ.

Мы весьма были счастливы, что увидѣли берегъ около сего мѣста; ибо далѣе къ сѣверу онъ неприступенъ, будучи окруженъ опасными каменными грядями, къ которымъ мы тотчасъ стали бы править, если бъ увидѣли ихъ ночью. Мы находились въ такомъ положеніи, что я рѣшился пристать къ первому берегу, который бы намъ открылся, и тогда мы всѣ должны были бы погибнуть (*).

***Крушеніе голландскаго остъ-индскаго корабля
Фригейда, случившееся близъ Дуэра, 23-го
Ноября 1802 года.***

Когда корабль Англійской Остъ-Индской Компаніи, именуемый Замокъ Мельвиль, совершилъ обыкновенное число въ службѣ ея путешествій, она опредѣлила его продать, и продала повѣренному Голландской Остъ-Индской Компаніи. Корабль сей былъ отведенъ въ Амстердамъ, гдѣ въ верхнихъ частяхъ его починили, положили новую обшивку, и снова обили мѣдью. Между тѣмъ полусгнившія книсы и члены вообще оставлены были въ прежнемъ ихъ положеніи. Такимъ образомъ починивъ корабль, такъ сказать, на живую нитку, компанія отдала его вваемъ своему правительству, которому тогда нужно было отправить войска и снаряды на Мысъ Доброй Надежды и въ Батавію, съ правомъ привезти обратно грузъ для себя. Сарваеру предписано было освидѣтельствовать корабль, который, по его донесенію, былъ совершенно въ хорошемъ состояніи,

(*) Послѣ авторъ описываетъ хорошій пріемъ, сдѣланный имъ начальникомъ и жителями колоніи, и способъ, коимъ возвратились онъ въ Англію; но какъ въ этомъ окончаніи нѣтъ ничего особенно любопытнаго или служащаго къ наставленію мореплавателя, то оно и не помѣщено въ переводѣ.

Прим. перев.

и кромѣ нѣкоторыхъ снарядовъ для вооруженія его, ни въ чемъ не имѣлъ нужды. Въ слѣдствіе сего донесенія корабль оснастили, снабдили всѣмъ нужнымъ, выкрасили кругомъ и наименовали Фригейдъ.

8-го Ноября 1802 года, войска, назначенныя къ отправленію на корабль Фригейдъ, получили повелѣніе итти изъ Роттердама въ Амстердамъ, гдѣ выбрали 320 чело-вѣкъ лучшихъ людей въ полку изъ тысячи, составлявшей второй баталіонъ морскихъ солдатъ Батавской Республики.

20-го числа перевезли ихъ на корабль безъ малѣйшаго замедленія, а рано слѣдующаго утра переѣхали на оный адмиралъ, полковникъ и всѣ офицеры съ своими женами, дѣтьми и служителями.

Послѣ сего корабль тотчасъ отправился въ путь при благополучномъ вѣтрѣ, продолжавшемся до утра 22-го числа, а тогда сдѣлался онъ совершенно съ противной стороны, и скоро превратился въ настоящій штормъ. Капитанъ велѣлъ спустить брамъ-репъ и брамъ-стеньги, отчего корабль, казалось, былъ покойнѣе; но въ продолженіе утра вѣтеръ безпрестанно усиливался, и не взирая на всевозможное стараніе экипажа, состояніе ихъ часть отъ часа дѣлалось хуже, ибо теперь открылось, что корабль, по ветхости своей, былъ въ большой опасности. Въ сіе время положеніе дамъ особенно было достойно жалости: нѣкоторыя изъ нихъ обнимали своихъ дѣтсей и плакали надъ ними, не будучи въ состояніи промолвить ни слова; другія, по незна-нію, тщетно умоляли мужей своихъ доставить имъ способъ выѣхать на берегъ, и болѣе не пускаться уже въ морское путешествіе. Командиръ корабля, Капитанъ Шерманъ, самъ находившійся въ весьма жалостномъ положеніи: онъ имѣлъ съ собою жену и грудное дитя; горестъ Г-жи Шерманъ еще увеличивалась тѣмъ, что она видѣла, какъ многія другія женщины, рыдая надъ дѣтьми своими, упрасивали мужа ея спасти ихъ, но онъ не могъ ихъ убѣдить, чтобъ онъ не докучали ему, и не мѣшали заниматься должностію, сопряженною въ это опасное время съ важнымъ его званіемъ.

Корабль несло по вѣтру почти до трехъ часовъ пополу-днѣ, и тогда буря превратилась въ настоящій ураганъ.

Вскорѣ послѣ того сломило гротъ-мачту; она упала съ ужаснымъ трескомъ, и сбросила нѣсколько человѣкъ за бортъ, которые потонули, а трое или четверо были ранены. Это несчастіе увеличило всеобщій страхъ на кораблѣ; теперь самъ капитанъ, адмиралъ и другіе офицеры начали помышлять, что жизнь ихъ находится въ величайшей опасности, ибо хотя они столь близко находились отъ береговъ провинціи Кента, что могли хорошо различать предметы, но волненіе, тогда бывшее подобное горамъ, не позволяло имъ надѣяться ни на какую помощь.

Сигналъ, означающій бѣдствіе, былъ поднятъ, и они съ превеликимъ трудомъ стали на якорь при входѣ въ Заливъ Гайтъ (Hythe Bay); но какъ тогда было очень темно, то съ берегу никто къ нимъ на помощь не пріѣзжалъ, не взирая на то, что вѣтеръ дулъ не такъ крѣпко, какъ прежде. Въ кораблѣ открылась течь; немедленно всѣ помпы приведены были въ дѣйствіе; но въ то же время вѣтеръ сталъ крѣпчать съ большимъ усиліемъ. Теперь распространился по кораблю всеобщій ужасъ. При каждомъ жестокомъ порывѣ вѣтра, вопль и крикъ женщинъ и дѣтей достаточны были поколебать самыя неустрашимыя сердца. Этимъ несчастнымъ было оказано всякое вспоможеніе, какое только позволяли обстоятельства: многія изъ нихъ, обнявъ своихъ мужей и отцевъ, лишились всѣхъ чувствъ и лежали замертво.

Въ такомъ ужасномъ положеніи они находились нѣсколько часовъ, въ которые экипажъ сохранялъ величайшій порядокъ; но около шести часовъ утра 23-го числа, подорвало плехтова канатъ, и корабль повесло къ мѣстечку Димъ-чарчъ-валъ, находящемуся въ разстояніи около трехъ миль на западъ отъ Гайта. Во все утро палили сигнальныя пушки, и держали флагъ, означающій, что имѣютъ нужду въ помощи. На разсвѣтѣ лоцманскій ботъ изъ Дувра подъѣзжалъ къ кораблю, и лоцманы совѣтовали капитану повернуть и идти въ Диль или Гайтъ, гдѣ и остаться пока вѣтеръ не утихнетъ: «Если вы этого не сдѣлаете (говорили они), ни одинъ человѣкъ не спасется; вамъ неизвѣстны здѣшніе берега, слѣдовательно если штормъ

еще продолжится, то уже ничто васъ спасти не можетъ.» Но капитанъ, полагая, что опасность не такъ велика, какъ они ее представляли, пренебрегъ ихъ совѣтомъ. Онъ надѣялся, что съ наступленіемъ дня вѣтеръ станетъ утихать, и тогда онъ будетъ въ состояніи самъ войти въ какой либо заливъ или портъ, не будучи принужденъ платить лодманамъ по ихъ требованію, ниже пошлеть за положеніе якоря на Дильскомъ Рейдѣ.

Едва лодманы успѣли отойти отъ корабля, какъ командоръ эскадры, стоявшій въ Дилѣ отправилъ два бота пригласить его на рейдъ; но несчастное безразсудное упрямство капитана простиралось до того, что онъ, не думая о томъ, что дѣлалъ командоръ, велѣлъ оставить корабль на произволъ вѣтра. Боты сдѣлали даже по кораблю нѣсколько выстрѣловъ, но безъ всякаго дѣйствія; одинъ изъ нихъ чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того прошелъ подъ самую корму корабля, и уговаривалъ капитана немедленно повернуть и идти въ ближайшій портъ, и тѣмъ нужнѣе было это сдѣлать, что у него потеряна была гротъ-мачта. На это увѣщаніе не было дано ни какого отвѣта; между тѣмъ вѣтеръ еще усилился, и боты скоро скрылись изъ виду. Въ это время злосчастный капитанъ пришелъ въ чрезвычайное замѣшательство, горько плакалъ и раскаивался, что не взялъ лодмановъ, но уже поздно. Волненіе было ужасное, и прибой у береговъ не позволялъ сдѣлать экипажу ни какой помощи.

Вѣтеръ или лучше сказать ураганъ дулъ отъ Z и ZW; съ корабля безпрестанно падали и капитанъ два раза покушался новоротить его, но тщетно. Онъ теперь находился близъ мѣстечка Димъ-чарчъ-вала, гдѣ, для защиты берега отъ волненія, были на двѣ вдоль его набиты пребольшія сваи. Мѣстечко это, для большей еще безопасности, укрѣплено двумя деревянными мулами, далеко выдавшимися въ море. Корабль нанесло на первую изъ этихъ мулъ.

Въ этомъ отчаянномъ положеніи, когда вѣтеръ часть отъ часу дѣлался свирѣпѣе, капитанъ велѣлъ срубить бизань-мачту, и разбить водяныя бочки въ трюмѣ, чтобъ вылить прѣсную воду. Между тѣмъ часть служителей, подъ управленіемъ офицеровъ, безпрестанно дѣйствовала помпами. По-

что весь баластъ былъ брошенъ за бортъ. Но не смотря на всѣ эти средства, опасность ежеминутно увеличивалась. Офицеры не могли воздержаться, чтобъ не укорять капитана въ пренебреженіи совѣта англійскихъ лоцмановъ; онъ въ полной мѣрѣ чувствовалъ свою ошибку, но раскаianie было уже бесполезно.

По совѣту адмирала, отдали запасный якорь и вытравили два каната, въ надеждѣ задержать корабль, который между тѣмъ было на сваяхъ страшнымъ образомъ, и волненіемъ такъ его заливало, что люди не могли болѣе оставаться въ трюмѣ; помпы же, совершенно засорившись нескомъ и пломъ, сдѣлались вовсе бесполезны. Смерть была неизбежна: фокъ-мачта скоро упала за бортъ, сбросивъ въ воду 12 матросовъ, которые въ ту же минуту пошли на дно. Въ это время дамы раздѣлись донага (надобно думать, что въ подобныхъ случаяхъ голландскія женщины обыкновенно такъ поступаютъ (*)), и при помощи своихъ мужей, отправились на буширить. Другія же рѣшились ожидать своей участи на шканцахъ, гдѣ также находились адмиралъ и полковникъ съ своими супругами. Сии послѣднія занимались оказываніемъ помощи несчастной капитаншѣ, которая сидѣла у ногъ своего супруга, и кормила грудью дитя.

Около осьми часовъ увидѣли, что руль соскочилъ съ крючьевъ, и румпелемъ все на нижнемъ декѣ ломало, а въ порты вода лилась ручьями. Въ это время большая часть пассажировъ и нѣкоторые изъ экипажа начали торжественно и громогласно совершать молебствіе. Между тѣмъ море волновалось ужаснымъ образомъ, и валы лились прямо чрезъ молящихся, такъ, что они съ большимъ усиліемъ едва могли держаться за снасти. Страшный шумъ, происшедшій отъ

(*) Странное замѣчаніе! Я думаю, что въ подобныхъ случаяхъ какъ мужчины, такъ и женщины въ цѣломъ свѣтѣ такъ поступаютъ. Авторъ согласится, что долѣе можно держаться на водѣ и легче спастись влавъ будучи нагимъ, нежели въ платьѣ, а гдѣ смерть въ глаза смотреть, тамъ стыдъ въ стору.

рева бури и отъ волненія, заглушалъ сигнальные выстрѣлы, и они лишены были надежды на помощь съ берега. Капитанъ велѣлъ отъдать остальные якоря, почитая это послѣднимъ средствомъ къ спасенію, но первый большой валъ подорвалъ канаты, и тогда корабль съ величайшимъ стремленіемъ понесло далѣе на сваи.

Теперь только одна мгновенная смерть была въ виду у сихъ несчастныхъ страдальцевъ: все, что можно было сдѣлать для спасенія корабля, было сдѣлано — но безъ успѣха! И такъ, ничего уже болѣе не предпринимая, оставались они неподвижны, и въ страшномъ безмолвіи съ трепетомъ ожидали той минуты, въ которую надлежало имъ разстаться съ здѣшнимъ міромъ!

Путру погода была чрезвычайно пасмурная, а корабль находился не далѣе четырехъ или пяти кабельтовыхъ отъ берега, такъ что экипажъ могъ видѣть людей, собравшихся на валу, которые однако жъ не могли имъ оказать ни какого пособія, а это еще болѣе умножало ужасы страшной картины. Наконецъ, около половины десятого часа, огромный валъ ударилъ въ корабль съ такою силою, что нѣтъ его члены затрещали. Трескъ этотъ продолжался нѣсколько секундъ, и потомъ корабль развалился на двѣ части; при семъ случаѣ около ста семидесяти человѣкъ были въ одно мгновеніе залиты и поглощены волнами. На кораблѣ же, такимъ образомъ распавшемся надвое, находилось еще до трехъ сотъ несчастныхъ, державшихся за разныя его части, бывшія поверхъ воды; въ числѣ ихъ было много женщинъ и дѣтей, которыя пронзительнымъ и отчаяннымъ своимъ воплемъ наполняли воздухъ, и почти заглушали шумъ, происходившій отъ вѣтра и волненія.

По усиленной просьбѣ адмирала, капитанъ велѣлъ спустить висѣвшій за кормою ялъ, въ которой онъ самъ (адмиралъ), полковникъ и восемь женщинъ были спущены. Г-жа Шерманъ безпрестанно плакала, но не хотѣла разстаться съ своимъ мужемъ, чтобъ послѣдовать за ними. Недалеко они отбѣхали, какъ залило ихъ преобладающимъ валомъ, и ялъ въ одно мгновеніе исчезъ; чрезъ нѣсколько секундъ показался полковникъ, старавшійся поддержать

на водѣ свою супругу, но послѣдующій большой валъ покрылъ ихъ, и они болѣе уже не показывались.

Корабль погружался очень скоро, и теперь всякій уже самъ по себѣ предпринималъ что нибудь для своего спасенія. Капитанъ уговаривалъ свою супругу привязаться вмѣстѣ съ нимъ къ большому курятнику, и предать себя на произволъ волнамъ, которыя могли ихъ вынести на берегъ. Въ слѣдствіе сего ихъ желанія, матросы привязали обоихъ ихъ и дитя къ курятнику, и спустили съ кормы на воду. Они были уже принесены почти къ самой стѣнѣ крѣпости, какъ волненіемъ нанесло на нихъ большое дерево, оторванное отъ корабля, которымъ мгновенно ихъ потопило въ глазахъ всѣхъ оставшихся на кораблѣ, и съ великимъ безпокойствомъ и страхомъ на нихъ смотрѣвшихъ. Сколь ни отчаянно было положеніе сихъ послѣднихъ, а особливо послѣ сего несчастнаго происшествія съ ихъ капитаномъ и его супругою, однако жъ они не остались въ недѣятельности, но рѣшились испытать другіе способы, чтобъ добраться до берега. На кормовой части корабля оставался еще одинъ лейтенантъ съ своею женою, двѣ служанки несчастнаго адмирала и нѣсколько человѣкъ нижнихъ чиновъ. Послѣдніе согласились сдѣлать плотъ; для сего связали они люкъ съ отломленную частью кормовой галереи и нѣсколькими досками, къ которымъ привязали женщинъ, а лейтенантъ, умѣвшій очень хорошо плавать, раздѣлся и привязавъ по поясу отъ плота веревку, спустился вмѣстѣ съ нимъ на воду. Чрезъ нѣсколько минутъ однако жъ набѣжалъ страшный вихрь, который, подхвативъ плотъ, поворотилъ его низомъ вверхъ, отъ чего всѣ бывшіе на немъ погибли!

Въ это время какъ былъ отломленъ отъ корабля; на немъ находились нѣсколько офицеровъ, женщинъ и нижнихъ чиновъ, всего около ста человѣкъ, и какъ волненіемъ и силою буруновъ эту часть корабля постепенно прибывало ближе и ближе къ берегу, то оставшіеся на кормѣ съ ужасомъ и въ безмолвіи ожидали видѣть участь своихъ товарищей. И когда они считали уже ихъ внѣ опасности, въ самое то время нашелъ на нихъ преобладающей валъ, и

поглотилъ всѣхъ въ одно мгновеніе! Море немедленно покрылось ихъ тѣлами; многіе, будучи еще живы и въ силахъ, употребляли всевозможное усиліе выплыть на берегъ; но валы, одинъ за другимъ на нихъ находившіе, изнурили ихъ и заставили погибнуть. При семъ случаѣ самое трогательное и жалостное явленіе представлялъ капитанъ морскихъ солдатъ: долго онъ поддерживалъ себя на водѣ одною рукою, а другою держалъ жену свою; напоследокъ, потерявъ силы, онъ повернулся, обнявъ ее обѣими руками, и погрузился на дно!

Между тѣмъ оставшіяся двѣ части корабля часъ отъ часа становились слабѣе, и находившіеся на нихъ служители, покушаясь по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ достигъ берега на разныхъ обломкахъ корабля, всѣ погибали. Напоследокъ на обѣихъ половинахъ осталось не болѣе 45-ти человѣкъ, которые, бывъ свидѣтелями неудачныхъ предпріятій своихъ товарищей, не осмѣливались слѣдовать ихъ примѣру. Ихъ участь однако жъ скоро приближалась къ концу: обшивныя доски со всѣхъ сторонъ отрывало, и при нашествіи всякаго большаго вала уносило по два и по три человѣка, потерявшихъ силы болѣе другихъ. Наконецъ двое изъ матросовъ рѣшились попытать своего счастья: они привязали себя къ большому корыту, и спустились на воду. Чудеснымъ образомъ избѣжали они корабельныхъ обломковъ, угрожавшихъ имъ гибелью, и достигли берега благополучно. Эти два человѣка были первые, вышедшіе на берегъ изъ множества другихъ, тщетно покушавшихся спасти себя.

Успѣхъ ихъ ободрилъ и вселилъ надежду въ оставшихся на обломкахъ корабля: они тотчасъ приступили къ работѣ, и въ нѣсколько минутъ слѣлали плотъ, которому вѣрили судьбу свою. Едва успѣли они нѣсколько отдалиться отъ корабля, какъ весьма большой валъ ударилъ въ него съ такою силою и стремленіемъ, что онъ развалился на разные обломки, которые понеслись къ берегу, и угрожали бывшимъ на плоту неизбѣжною гибелью. Однако жъ ихъ хорошо несло къ стѣнѣ, доколѣ не столкнулись они съ однимъ большимъ корабельнымъ членомъ, который сорвалъ

съ плота осмнадцать человѣкъ изъ тридцати трехъ, а остальныхъ ушибъ болѣе или менѣе опаснымъ образомъ. Спустя десять минутъ послѣ сего несчастнаго приключенія, принесло ихъ къ берегу, на который вытащили ихъ почти полумертвыхъ отъ изнуренія и ушибовъ.

Такимъ образомъ изъ 472-хъ человѣкъ, бывшихъ на кораблѣ Фригейдъ, спаслось не болѣе осмнадцати (десять матросовъ и восемь солдатъ), которымъ жители окружнаго берега сдѣлали всякое возможное вспомошествованіе. Они также собрали выкинутыя на берегъ тѣла, и похоронили ихъ приличнымъ образомъ. Капитану же Шперману, супругѣ его и дитяти, который былъ найденъ у груди своей матери, и офицерамъ съ ихъ женами сдѣлано было погребеніе со всею званію ихъ пристойною почестью.

Должно замѣтить, что купеческое судно, вышедшее изъ Текселя въ одинъ день съ Фригейдомъ, взяло подлѣ Маргета лоцмана: оно выдержало бурю, и приведено было въ портъ благополучно (*).

(*) Изъ сего описанія видно, что причиною потери корабля Фригейда было упрямство или скупость капитана, который не хотѣлъ взять лоцмана. Но я думаю, что это произошло отъ его незнанія и неискусства въ морскомъ дѣлѣ; ибо изъ упрямства или отъ скупости никто не подвергнетъ себя явной гибели. Вѣрно капитанъ не имѣлъ подлежащаго понятія о дѣйствіи теченій при такихъ берегахъ, каковы въ Англійскомъ Каналѣ, Сѣверномъ Морѣ и проч., при жестокихъ вѣтрахъ, которые сообщаютъ имъ совсѣмъ другое направленіе и силу отъ бывающихъ въ обыкновенное время, и свѣдѣніе о коихъ ни какую лоцію невозможно сообщить достаточнымъ образомъ. Одна только долговременная и безирестанная практика можетъ познакомить съ ними. Слѣдовательно у такихъ береговъ лоцманъ необходимо нуженъ, и никогда не должно упускать случая имѣть его. Стыдно и непростительно, для сбереженія нѣсколькихъ червонцевъ, подвергать опасности корабль и экипажъ!

Прим. перев.

•

Крушеніе англійскаго фрегата Пандоры, подъ командою Капитана Эдуардса, случившееся въ Великомъ Океанѣ на каменномъ рифѣ, 28-го Августа 1791 года.

Выше сего описаны возмущеніе, происшедшее на шлюпѣ Боунти, и бѣдствія, претерпѣнныя въ слѣдствіе онаго командиромъ шлюпа, Лейтенантомъ Бляемъ. Когда извѣстіе о семъ происшествіи получено было въ Англіи, правительство отправило, для поиска бунтовщиковъ, фрегатъ Пандору, подъ начальствомъ Капитана Эдуардса. Онъ пошелъ на островъ Отаити десять человѣкъ изъ нихъ, которыхъ и взялъ, но, на возвратномъ пути, будучи по близости Новой Гвинее, въ разстояніи отъ острова Тимора около 1100 миль, фрегатъ нашелъ на неизвѣстный каменный рифъ, и погибъ 28-го Августа 1791 года. Всего спаслось съ него 99 человѣкъ, включая десять преступниковъ. Всѣ они размѣстились на четырехъ гребныхъ судахъ, а именно на осьми-весельной шлюпкѣ, на двухъ шести-весельныхъ ялахъ и на барказѣ. Фрегатъ, нашедши на рифъ, чрезъ нѣсколько часовъ сошелъ съ него; тогда отдали якорь, но фрегатъ скоро наполнился водою, и пошелъ на дно при восхожденіи солнца 29-го числа.

Капитанъ Эдуардсъ приказалъ гребнымъ судамъ, въ случаѣ разлученія, править къ острову Тимору, и пристать въ селеніи Купангѣ, находящемся на семъ островѣ.

Оба яла разлучились съ Капитаномъ Эдуардсомъ, бывшимъ на своей шлюпкѣ; онъ прибылъ въ Купангъ 16-го Сентября по его счету, а по счисленію на островѣ 17-го Сентября.

Во время сего перехода, первые три дня каждый человѣкъ получалъ въ сутки по три унціи сухарей, а потомъ только по двѣ, и по три небольшихъ рюмки воды или вина; мяса же ни какого они не могли спасти.

При такой крайней нуждѣ замѣчено, что они болѣе страдали отъ недостатка питья, нежели пищи. Это могло произойти отъ чрезмѣрнаго жара, который они терпѣли въ томъ климатѣ; напротивъ того, многихъ изъ молодыхъ лю-

дей голодъ больше мучилъ чѣмъ жажда. Капитанъ Эдуарсъ обыкновенно предъ тѣмъ, какъ надобно было ему пить, полоскалъ ротъ морскою водою, но отнюдь не глоталъ ея ни капли, ибо она увеличиваетъ жажду, и по другимъ причинамъ вредна здоровью; также иногда завертывался онъ въ епанчу, обмоченную въ соленой водѣ: онъ находилъ, что это его освѣжало и укрѣпляло тѣло. Гребныя суда благополучно достигли Тимора; люди въ нихъ всѣ были живы, и довольно здоровы, кромѣ того, что чувствовали большую слабость.

Крушеніе англійскаго остъ-индскаго корабля Гальсвелъ, послѣдовавшее у мѣстечка Сикомба, на островъ Пурбекъ, при берегахъ Дорсетскихъ, 6-го Января 1786 года.

Англійскій остъ-индскій корабль Гальсвелъ, въ 758 тоновъ, подъ начальствомъ Ричарда Пирса, былъ избранъ директорами для третьяго его путешествія къ берегамъ Бенгальскаго Залива. Въ слѣдствіе сего опредѣленія, 16-го Ноября 1785 года, пришелъ онъ въ Гревсендъ, гдѣ окончивъ нагрузку, и взявъ въ мѣстечкѣ Гопъ всѣхъ своихъ пассажировъ, прошелъ 1-го Января 1786 года Дуврскимъ Проливомъ, а въ слѣдующее утро, когда онъ находился противъ мыса Доноса, наступило безвѣтріе.

Этотъ корабль былъ одинъ изъ лучшихъ въ компанейской службѣ, и въ такой совершенной исправности и порядкѣ, какихъ только желать можно. Начальствовалъ надъ нимъ человекъ въ морскомъ дѣлѣ искусный и съ отличными дарованіями. Офицеры были люди опытные и знающіе свое дѣло. Нижніе чины состояли изъ лучшихъ мореходцевъ, какихъ только можно было набрать, и въ полномъ числѣ по штатному положенію, а сверхъ того на кораблѣ находилось не малое число рекрутъ для войскъ Остъ-Индской Компаніи.

Пассажировъ было много: между прочими находились семь молодыхъ благородныхъ дѣвицъ (*), изъ коихъ нѣ-

(*) Въ подлинникѣ исчислены имена свѣхъ несчастныхъ.

которые, получивъ воспитаніе въ Англіи, возвращались къ родителямъ, а другія съ родственниками своими ѣхали въ Индію; въ числѣ послѣднихъ были двѣ дочери самого капитана.

Въ Понедѣльникъ, 2-го Января, въ три часа пополудни, вѣтеръ подулъ съ юга: тогда корабль подошелъ къ берегу, чтобъ отпустить лоцмана. Къ вечеру погода сдѣлалась пасмурная, съ такими переменными вѣтрами, которые въ девять часовъ ночи заставили капитана положить якорь на осьмнадцать саженьхъ глубины. Экипажъ успѣлъ закрѣпить марсели, но фока и грота не могъ убрать, ибо тогда шелъ большой снѣгъ, который тотчасъ замерзалъ вмѣстѣ съ парусами, коль скоро на нихъ ложился.

Во Вторникъ, 3-го числа, въ четыре часа по полуночи началъ дуть отъ ОНО весьма крѣпкій вѣтеръ, которымъ стало корабль дрейфовать. Это заставило капитана отрубить канатъ, и пуститься въ море. Въ полдень попался имъ купеческій бригъ, шедшій въ Дублинъ, на который отправили они лоцмана, а сами пошли въ путь, вдоль Канала. Въ восемь часовъ вечера вѣтеръ сдѣлался еще сильнѣе и отошелъ къ югу: тогда они зарифили марсели. Въ десять часовъ началась отъ S ужасная буря; она принудила экипажъ нести всѣ возможные паруса, чтобъ только не приблизиться къ берегу. Когда корабль находился въ такомъ опасномъ положеніи, волненіемъ выбило хлюсть-саки, которые, по вновь-введенному обыкновенію (*), вставлены были изнутри корабля, отчего въ нижнюю палубу влилось чрезвычайное количество воды.

Въ то же самое время, смѣривъ воду въ льялѣ (пять футовъ), нашли, что въ кораблѣ открылась течъ; въ слѣдствіе этого капитанъ приказалъ взять гротъ-марсель и гротъ на гитовы; онъ хотѣлъ закрѣпить ихъ, но никакъ не могъ.

(*) Они и должны быть вставлены изнутри корабля; иначе сильнымъ волненіемъ ихъ такъ крѣпко вобьетъ въ хлюззы, что и вынуть весьма трудно; но на этомъ кораблѣ ихъ выбило вѣрно отъ того, что они не такъ были вставлены, какъ должно.

Прим. перев.

Между тѣмъ, по открытіи течы, всѣ помпы приведены были въ дѣйствіе.

Въ Среду, 4-го числа, въ два часа ночи, экипажъ покушался поворотить корабль чрезъ фордевиндъ безъ всякаго успѣха. Это заставило капитана немедленно срубить бизань-мачту, и опять попытаться, но и вторичное покушеніе было не лучше перваго, а въ кораблѣ уже было семь футовъ воды, и помпы ни мало не уменьшали количества ея. Въ такомъ опасномъ положеніи корабля, готоваго погрузиться на дно, сочтено было за необходимое, для спасенія его, срубить гротъ-мачту: при паденіи ея сброшены были въ воду и утонули квартирмейстеръ и четыре матроса. Къ восьми часамъ мачту совсѣмъ очистили, и поворотили корабль на другой галсъ, на которомъ въ теченіе двухъ часовъ посредствомъ помпъ уменьшили воду въ трюмѣ на два фута.

Въ десять часовъ утра вѣтеръ замѣтно смягчился, но волненіемъ качало корабль страшнымъ образомъ, и качкою сломило форъ-стенгу, которая паденіемъ своимъ фокъ изорвала въ куски. Въ одиннадцать часовъ вѣтеръ перешелъ къ W, и погода прочистилась: тогда показался мысъ Берригедъ, въ разстояніи четырехъ или пяти миль. Между тѣмъ экипажъ, поставивъ фальшивую гротъ-мачту, и поднявъ брамсель вмѣсто грота, спустился къ Портсмуту; остальное время этого дня употреблено было на постановленіе фальшивой бизань-мачты.

Въ Четвертокъ, 5-го числа, въ два часа по полуночи, вѣтеръ отошелъ къ S, опять сталъ дуть крѣпко и наступила мрачная погода. Въ полдень Портландъ былъ видѣнъ на NO, въ разстояніи двухъ или трехъ лигъ. Въ восемь часовъ вечера, при крѣпкомъ вѣтрѣ отъ юга, съ корабля видѣли портландскій маякъ на NW, въ разстояніи четырехъ или пяти лигъ; тогда капитанъ поворотилъ на другой галсъ къ западу. Но увидѣвъ, что на семь галсѣ корабль много валяло подъ вѣтеръ и прижимало къ берегу, опять поворотилъ на прежній галсъ, и сталъ держать къ осту, въ надеждѣ пройти на вѣтрѣ мыса Певерея. Если бъ ему удалось это сдѣлать, то намѣреніе его было стать на

якорь въ заливѣ Стадландѣ. Въ одиннадцать часовъ ночи, усмотрѣвъ Мысъ С. Албанъ подъ вѣтромъ, только въ полторѣ миляхъ разстоянія, экипажъ тотчасъ убралъ паруса, и положилъ дагликсъ, отдавъ до цѣлаго каната. Корабль, простоявъ на семъ якорѣ около получаса, сталъ дрейфовать. Тогда немедленно былъ отданъ запасный якорь также съ цѣлымъ канатомъ. Послѣ сего корабль еще стоялъ около двухъ часовъ, а потомъ опять начало его дрейфовать.

Находясь въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, капитанъ послалъ за первымъ своимъ офицеромъ, Г. Меритонъ, и спрашивалъ его совѣта, какими бы средствами лучше спасти экипажъ. Сей отвѣчалъ равнодушно и откровенно, что онъ не надѣется имѣть въ этомъ предпріятіи ни какого успѣха, ибо корабль быстро несло къ берегу, и они должны ожидать каждую минуту, что онъ станетъ на мель. Капитанъ и Г. Меритонъ были оба того мнѣнія, что въ теперешнемъ положеніи корабля гребныя сула будутъ бесполезны; однако жъ они согласились, на случай, когда обстоятельства позволятъ употребить ихъ, сообщить тайнымъ образомъ офицерамъ, чтобъ сберегли барказъ для нихъ самихъ и для дамъ. Согласно съ симъ намѣреніемъ и были приняты всѣ нужныя мѣры.

Въ Пятницу, 6-го числа, около двухъ часовъ ночи, корабль продолжало дрейфовать, и онъ весьма скоро приближался къ берегу. Г. Меритонъ въ это время пошелъ въ каюту, гдѣ находился тогда капитанъ. Послѣдній чрезвычайно безпокоился на счетъ положенія несчастныхъ своихъ дочерей, и въ превеликой заботѣ упрасивалъ его придумать какое нибудь средство для ихъ спасенія. Г. Меритонъ чистосердечно признавался, что онъ не находилъ къ тому ни какой возможности, и что развѣ по наступленіи дневнаго свѣта можетъ представиться имъ какой либо благопріятный для сего случай. Отвѣтъ этотъ повергъ Капитана Пирса въ крайнее отчаяніе: вздохнувъ и поднявъ въ молчаніи руки къ небу, онъ залился слезами!

Въ эту минуту корабль былъ брошенъ на мель съ такою силою, что тѣ изъ находившихся въ каютѣ, которые стояли, ударились головою въ палубу. При семъ случаѣ

корабль затрещалъ страшнымъ образомъ, и въ то же время по всѣмъ каютамъ и декамъ раздался пронзительный вопль и громкій крикъ отчаянія!

Многіе изъ матросовъ, въ продолженіе бури, были весьма нерадивы въ исполненіи своихъ должностей, и даже уходили съ опредѣленныхъ имъ мѣстъ, и прятались въ койкахъ, оставляя работать наверху и дѣйствовать помпами однихъ офицеровъ и малое число нижнихъ чиновъ, не потерявшихъ еще стыда, и сохранившихъ присутствіе духа. Но когда корабль ударился о камень, всѣ подлые трусы, которыхъ прежде офицеры ни ласками, ни угрозами (*) не могли заставить помогать имъ, когда еще ихъ пособіе могло быть нужно, теперь въ одну минуту выскочили наверхъ; но уже было поздно. Корабль сильно било на камняхъ; онъ вскорѣ наполнился водою, и повалился на бокъ къ сторонѣ берега. Когда онъ въ первый разъ ударился, многіе изъ служителей, полагая, что онъ немедленно разобьется на части, схватились за кормовой флагштокъ!

Увидѣвъ гибельное положеніе экипажа, Г. Меритонъ предложилъ несчастнымъ своимъ товарищамъ единственное средство къ спасенію: онъ совѣтовалъ имъ спуститься на ту часть корабля, которая ниже всѣхъ лежала на камняхъ, и выбирая время, стараться достигъ берега поодиначкѣ. Давъ сей совѣтъ, пошелъ онъ въ верхнюю каюту, гдѣ находились всѣ пассажиры и большая часть офицеровъ; послѣдніе, пренебрегая опасностью и не взирая на угрожавшую имъ гибель, старались казаться равнодушными, утѣшать и успокоивать дамъ! Что должны были чувствовать родители сихъ несчастныхъ въ эту минуту? Что чувствовалъ Капитанъ Пирсъ?

(*) На остъ-индскихъ корабляхъ подчиненность наблюдается строже, нежели на обыкновенныхъ купеческихъ, но совсѣмъ не такъ и не по тѣмъ законамъ, какъ на военныхъ: за многія преступленія на сихъ послѣднихъ полагается смертная казнь, а на остъ-индскихъ корабляхъ, за то же, только тѣлесное наказаніе; отчего на нихъ весьма часто нижніе чины оказываютъ неповиновеніе своимъ офицерамъ. *Прим. перес.*

Корабль сталъ на камня близъ мѣстечка Сикомба, на островѣ Пурбекѣ, который лежитъ между мысами Певерель и С. Албанъ. Въ этой части берега утесы чрезвычайной высоты, и поднимаются почти перпендикулярно, а въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сталъ корабль, есть пещера, вдавшаяся въ утесъ на десять или на двѣнадцать ярдовъ (пять сажень), въ отверстіи же шириною въ 70 ярдовъ. Стороны пещеры такъ отвѣсны, что почти невозможно подняться по нимъ наверхъ, а по пизу ея разбросаны острые неровной величины камни, повидимому, оторванные отъ стѣнъ ея какимъ нибудь необыкновеннымъ дѣйствіемъ природы. При самомъ отверстіи сей-то пещеры лежалъ корабль Гальсвелъ, занимая своею длиною почти всю ея ширину, и повалившись декомъ въ страшной пропасти, находящейся въ пещерѣ; но когда корабль привнесло къ берегу, тогда темнота не позволила экипажу видѣть весь ужасъ своего положенія.

Число людей, находившихся въ верхней каютѣ, простиралось до пятидесяти, включая трехъ негритяпокъ и двухъ солдатскихъ жепъ, одной изъ которыхъ и мужъ тутъ же паходился, но матросамъ офицеры не позволили войти, хотя нѣкоторые изъ нихъ просили позволенія только взять огня. Капитанъ Цирсъ сидѣлъ на диванѣ между двумя своими дочерьми, которыхъ попеременно прижималъ къ сердцу. Всѣ же другія лица этого печальнаго собранія сидѣли на полу, по которому были разбросаны музыкальные инструменты, ноты, дамскіе рабочіе ящички, и проч.

Въ этой каютѣ Г. Меритонъ зажегъ нѣсколько восковыхъ свѣчъ и всѣ стеклянные фопари, какіе только могъ найти, а потомъ сѣлъ въ намѣреши дожидаться разсвѣта, чтобъ тогда попытаться какимъ нибудь способомъ спасти себя и несчастныхъ своихъ сострадальцевъ. Но замѣтивъ, что дамы были весьма утомлены и охрипли, онъ сыскалъ гдѣ-то корзинку апельсиновъ, и уговаривалъ ихъ освѣжиться ими.

Вышедъ опять на декъ, онъ нашелъ въ кораблѣ большую перемену: стѣны примѣтнымъ образомъ раздались, палуба опустилась и многіе другіе признаки показывали, что

корабль скоро долженъ развалиться. Покушавъ пробраться на бакъ, онъ тотчасъ увидѣлъ, что корабль въ среднѣхъ переломился, и передняя его половина перемѣнила свое положеніе, увалившись нѣсколько далѣе отъ берега. Въ этой крайности онъ рѣшился въ ту же минуту искать своего спасенія, ибо слѣдующая уже могла быть для него пагубна: онъ принялъ намѣреніе послѣдовать примѣру матросовъ и солдатъ, изъ коихъ многіе оставили корабль и покушались добраться до берега, ужасное положеніе котораго они еще не знали.

Для лучшаго успѣха въ своемъ предпріятіи, Г. Меритонъ, съ нѣкоторыми другими, хотѣлъ положить кормовой флагштокъ съ корабельнаго борда на каменья; но лишь только они успѣли спустить его внизъ, какъ его тотчасъ изломало волненіемъ. Однако жъ, съ помощью фонаря, Г. Меритонъ усмотрѣлъ какое-то дерево запаснаго рангоута, которое, повидимому, доставало съ корабля до каменьевъ. Посредствомъ этого дерева онъ рѣшился искать своего спасенія, но когда легъ на оное и нѣсколько проползъ впередъ, то увидѣлъ, что оно недостаетъ до каменьевъ, однако жъ онъ добрался до конца дерева, на которомъ, скользя, упалъ на каменья и больно ушибся; но прежде нежели успѣлъ онъ стать на ноги, бурунъ сдернулъ его съ каменьевъ въ море, и онъ нѣсколько секундъ плавалъ, пока сильнымъ прибоемъ не ударило его объ стѣну впуть пещеры, гдѣ ему удалось схватиться за небольшой высунувшійся изъ стѣны камень; только, по причинѣ онѣмѣлости членовъ, онъ хотѣлъ было опуститься, но одинъ изъ матросовъ, стоявшій уже весьма твердо, протянулъ къ нему руку и пособилъ ему подняться на небольшой уступъ стѣны, откуда онъ взлѣзъ еще выше, такъ что прибой не могъ уже доставать до него.

Третій по командѣ офицеръ, Г. Роджерсъ, находился съ капитаномъ и съ дамами минутъ около двадцати послѣ того, какъ Г. Меритонъ оставилъ корабль, но чрезъ нѣсколько времени какъ послѣдній вышелъ изъ каюты, капитанъ спросилъ объ немъ. Г. Роджерсъ отвѣчалъ, что онъ пошелъ на декъ посмотреть нельзя ли чего предпри-

нять для ихъ спасенія. Въ это время большой валъ, ударивъ въ корабль, перелился чрезъ него; тогда дамы боялись, не погибъ ли при этомъ Г. Меритонъ. Г. Роджерсъ хотѣлъ выйти посмотрѣть, что съ нимъ дѣлается, но онѣ его не пустили, опасаясь, чтобъ и его не лишиться.

Валы ударили въ носовую часть корабля, и доставали до самой гротъ-мачты. Капитанъ Пирсъ и Г. Роджерсъ вышли съ фонаремъ на кормовую галерею, чтобъ яснѣе осмотрѣть каменья. Обозрѣвъ ихъ, капитанъ спросилъ Роджерса, какъ онъ думаетъ, можно ли спасти дочерей его; на это Роджерсъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, нѣтъ ни какой возможности, ибо они кромѣ чернаго перпендикулярнаго каменнаго утеса ничего не могли видѣть, и не примѣтили пещеры, въ которой оставившіе корабль нашли убѣжище. Послѣ сего они возвратились въ каюту, гдѣ Капитанъ Пирсъ сѣлъ опять между своими дочерьми, стараясь скрыть выступившія на глазахъ его слезы.

Валы продолжали бить въ корабль очень сильно и часто. Это заставило Гг. Роджерса, Шутца и Макмануса попытаться достигнуть берега. Съ этою цѣлью вышли они на ютъ; но едва успѣли добраться до него, какъ вдругъ перекатился чрезъ корабль преужасный валъ, которымъ залило и изломало верхнюю каюту; въ ту же секунду услышали они вопль и крикъ женскихъ голосовъ, которые временно были заглушаемы шумомъ волнъ.

Г. Браймеръ пошелъ вмѣстѣ съ Роджерсомъ на ютъ, гдѣ, при нашествіи роковаго вала, оба они ухватились за курятникъ, на которомъ тотъ же валъ, погубившій всѣхъ внизу находившихся, вынесъ ихъ на камень; при семъ случаѣ они получили опасныя раны и ушибы.

На камнѣ находились уже 27 человекъ, но тогда была малая вода; и какъ они были увѣрены, что приливомъ снесетъ ихъ съ камня, то и старались добраться до пещеры, въ которой могли бы на стѣнахъ ея укрыться отъ морскаго прибоя. Но изъ всѣхъ ихъ только восемь человекъ, въ томъ числѣ Гг. Роджерсъ и Браймеръ спаслись, а изъ прочихъ нѣкоторые утонули, другіе же по-

гибли уже въ пещерѣ. Эти два офицера, достигнувъ пещеры, взлѣзли по стѣнамъ ея на небольшіе каменные уступы. Роджерсъ былъ такъ близко къ Меритону, что они могли разговаривать и поздравить другъ друга съ избавленіемъ. Но между ими было человѣкъ двадцать, которые находились въ такомъ положеніи, что ни одинъ изъ нихъ не могъ пошевелиться, не подвергая жизни своей величайшей опасности. Когда Г. Роджерсъ добрался до удобнаго мѣста, то силы его такъ ослабѣли, что онъ погибъ бы непременно, если бъ нужно ему было еще нѣсколько минутъ лѣзть на утесъ.

Хотя весьма многіе достигли каменьева, находившихся внизу, но большая часть изъ нихъ погибла, покушаясь подняться на верхъ пещеры, а нѣкоторымъ удалось взлѣзть по утесамъ на самую высоту, такъ, что они были безопасны отъ прилива. Впрочемъ настоящаго положенія своего они не знали, и ни мало не помышляли, что, избавившись немедленной смерти, должны были еще встрѣтить множество препятствій и перенести великія затрудненія для своего спасенія. Они могли только видѣть одну часть корабля, и утѣшались мыслию, что онъ до разсвѣта не развалится; ибо, надобно отдать имъ справедливость, не взирая на собственное ихъ бѣдствіе, участь погибающихъ женщинъ трогала ихъ до глубины сердца: они желали имѣть случай спасти сихъ несчастныхъ; но каждый валъ, ударяя въ корабль, грозилъ ему совершеннымъ разрушеніемъ, и утешалъ ихъ.

Къ несчастію, страхъ ихъ оказался основательнымъ! Едва Г. Роджерсъ успѣлъ добраться до безопаснаго мѣста, какъ вдругъ услышали они на кораблѣ страшный крикъ и вопль отчаянія: женскіе голоса пронзительностью своею навели на нихъ необыкновенный ужасъ, но въ одну минуту все замолкло; лишь были слышны свистъ вѣтра и шумъ буруновъ. Что же касается до корабля, то и признаковъ его не осталось: все поглотила морская бездна! Такимъ образомъ погибъ корабль Гальсвелъ а на немъ состояніе, честь, искусство, мужество, красота и дарованія!

Этотъ ударъ поразилъ, какъ громомъ, дрожащихъ, полу-

мертвыхъ мореплавателей, такъ сказать прильнувшихъ къ стѣнамъ пещеры! Они, бѣдствуя сами, должны были въ то же время оплакивать своихъ жепъ, родителей, братьевъ, сестеръ, можетъ быть, и любовницъ! Почти всякій изъ нихъ лишился какой нибудь дражайшей ему особы!

Но бѣдствія ихъ не кончились еще симъ ужаснымъ происшествіемъ: разныя другія суждено было имъ испытать въ эту роковую ночь. Многіе, занимавшіе нетвердыя мѣста по утесамъ, отъ усталости, изнеможенія или отъ онѣмѣнія членовъ, не могли долѣе держаться, и падали стремглавъ на каменья или въ морской прибой, и погибая у ногъ своихъ товарищей, громкими воззваніями къ небу и послѣдними своими вздохами наводили на нихъ страхъ, такъ сказать, предрекая и имъ подробную участь.

Наконецъ несчастные, испытавъ въ продолженіе трехъ часовъ крайнюю степень человѣческихъ бѣдствій, увидѣли дневной свѣтъ, который, вмѣсто облегченія ихъ участи, показалъ имъ вполне весь ужасъ ихъ состоянія. Они знали, что жестокая буря, въ продолженіе ночи свирѣпствовавшая, и морской прибой препятствовали жителямъ слышать сигнальные выстрѣлы, которые они дѣлали до нашествія корабля на мель; но если бъ ими былъ встревоженъ весь округъ и собрался на берегъ, то они теперь увѣрились, что ни одинъ человѣкъ не могъ бы ихъ увидѣть въ томъ подземельѣ, въ которомъ они находились; отъ корабля же не осталось наружѣ ни одного члена, который могъ бы показать мѣсто его сокрушенія. Съ моря же ни какое судно не дерзнуло бы приблизиться къ грозному берегу. Да если бъ жители какъ нибудь и узнали о мѣстѣ ихъ пребыванія, то они не находили ни какихъ способовъ, посредствомъ коихъ было бы можно съ верху утесовъ спустить веревку къ нимъ въ пещеру.

Придумывая всѣ возможные способы для своего спасенія, они находили только одинъ, обѣщавшій нѣкоторый успѣхъ. Онъ состоялъ въ томъ, чтобъ стороною пещеры выполнить къ отверстію ея, изъ коего, посредствомъ высунувшагося камня, величиною съ ладонь, выбратся на утесъ, стоявшій почти отвѣсно, и по сему утесу взби-

ратся на вершину его, имѣвшую около двухъ сотъ футовъ высоты. Сколь отчаянно ни было это предпріятіе, но нѣкоторые покусились привести его въ дѣйство, и были столь счастливы, что достигли желаемой цѣли. Другіе же напротивъ, отважась на это, оробѣли; страхъ произвелъ дрожаніе членовъ и безпамятство, въ которомъ они падали и погибали.

Квартирмейстеръ Томсонъ и корабельный поваръ, помогая и поддерживая другъ друга, первые поднялись на вершину утеса, и тотчасъ поспѣшили извѣстить жителей ближняго селенія о бѣдственномъ положеніи своихъ товарищей. Прежде всѣхъ узналъ объ нихъ Г. Гарландъ, правитель здѣшнихъ каменоломней; онъ тотчасъ собралъ мастеровыхъ своего вѣдѣнія, и, распорядивъ ими, употребилъ всѣ зависѣвшіе отъ него способы, чтобъ спасти несчастныхъ мореходцевъ.

Когда Г. Гарландъ съ своими людьми прибылъ къ утесу, Г. Меритонъ былъ уже близъ вершины его. Впередъ его лѣзъ солдатъ, который стоялъ на небольшомъ высунувшемся изъ утеса камнѣ, а Г. Меритонъ за тотъ же самый камень держался руками. Каменоломщикъ, увидѣвъ солдата, бросилъ ему веревку и сталъ его тащить. Солдатъ же, чтобъ скорѣе подняться, сильно уперся ногами въ камень и отломилъ его. Г. Меритонъ навѣрное погибъ бы, если бъ въ самую эту секунду не успѣлъ ухватиться за веревку, къ нему брошенную: спасеніе его было чудесно.

Но участь Г. Браймера заслуживаетъ особеннаго сожалѣнія: она ужасна. Только за девять дней до отправленія корабля въ походъ, онъ женился. При кораблекрушеніи онъ добрался до пещеры вмѣстѣ съ Г. Роджерсомъ; поутру въ свою очередь изъ нея вышелъ; но когда къ нему спустили веревку, то или отъ холода руки у него такъ онемѣли, что онъ не могъ ее завязать какъ должно, или въ-торопяхъ вовсе не завязалъ, только послѣдствія были для него пагубны: онъ сорвался съ утеса, и въ одинъ мигъ лишился жизни въ глазахъ своихъ сослуживцевъ, которые оплакали въ немъ пріятнаго товарища и весьма искуснаго морскаго офицера.

Способъ, употребленный Г. Гарландомъ для извлеченія бѣдствовавшихъ изъ пещеры, дѣлаетъ большую честь ему и его рабочимъ, и заслуживаетъ особеннаго вниманія. Надобно знать, что отъ вершины утеса до пещеры, надъ которою онъ нависъ, было, по крайней мѣрѣ, сто футовъ, изъ коихъ только на десять съ самаго верха утесъ имѣлъ небольшую отлогость, а впрочемъ былъ почти перпендикулярный. На самомъ краю этой пропасти стояли двое отъ важныхъ каменоломовъ, привязавшись къ веревкамъ, кои были закрѣплены за толстый желѣзный ломъ, утѣренный на вершинѣ утеса; нѣсколько ниже ихъ стояли еще два человѣка, также привязанные, потомъ еще два, и такъ далѣе. Между ими была спущена толстая веревка, хорошо наверху закрѣпленная, за которую они держались, а другая съ петлею, сдѣланною удавкой, опускалась до самаго отверстія пещеры. Такъ какъ вѣтеръ дулъ весьма крѣпко, то силою его конецъ сей послѣдней веревки вносило въ пещеру, и находившіеся тамъ могли иногда достать оную, не выползая изъ отверстія. Такимъ образомъ, тотъ, кому удавалось поймать веревку, накладывалъ петлю себѣ по поясу, и неустрашимые каменоломы вытаскивали его наверхъ съ величайшею осторожностью.

Не взирая однако жъ на все это, многіе изъ нихъ имѣли одинакую участь съ несчастнымъ Г. Браймеромъ. По причинѣ холода, слабости, необыкновеннаго волненія нѣ крови или отъ неудобности положенія тѣла, они не въ силахъ были пользоваться предлагаемымъ имъ пособіемъ, срывались съ утеса и разбивались въ пропасти о камень, или, бывъ унесены буруномъ, поглощаемы волнами!

Изъ числа несчастныхъ сихъ страдальцевъ смерть барабанщика была особенно трогательна. Онъ упалъ въ воду и прибоемъ отнесло его отъ берега, къ которому онъ никакъ не могъ приблизиться, а напротивъ бурунами несло его далѣе; но какъ онъ умѣлъ отменно хорошо плавать, то весьма долго боролся съ волнами въ виду своихъ товарищей; наконецъ, въ совершенномъ изнеможеніи, предъ ихъ же глазами погрузился на дно!

Уже поздно вечеромъ всѣ изъ пещеры были подняты

въ безопасное мѣсто, кромѣ одного солдата, Вилліама Трейтона, который въ опасномъ своемъ положеніи оставался до слѣдующаго утра, и во все это время находился въ чрезвычайномъ страхѣ.

Г. Гарландъ всѣхъ спасенныхъ имъ принялъ въ свой домъ, гдѣ по счету нашлось, что изъ двухъ сотъ сорока человѣкъ остались только семьдесятъ четыре. Полагаютъ, что болѣе пятидесяти человѣкъ погибло въ каютѣ вмѣстѣ съ капитаномъ и дамами, около осьмидесяти человѣкъ достигли до каменьевъ, но были снесены съ нихъ буруномъ или попадали съ утеса. Но всѣ тѣ, которые были вытащены на верхъ утеса, остались живы, кромѣ троихъ, умершихъ въ самое то время, когда ихъ тащили, и одного негра, который умеръ чрезъ нѣсколько часовъ по прибытіи въ домъ Г. Гарланда. Очень многіе однако жъ были весьма больно ушибены, даже такъ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ жизнь находилась въ опасности.

При семъ случаѣ не должно умолчать о благородномъ поступкѣ содержателя гостиницы въ Бландфордѣ, именуемой Корона. Когда спасенные матросы прибыли въ этотъ городъ, онъ всѣхъ ихъ принялъ въ свой домъ, накормилъ хорошимъ обѣдомъ, и далъ каждому изъ нихъ по полукронѣ (*) на дорогу.

Потеря англійскаго купеческаго корабля Фанни, подъ управленіемъ Капитана Робертсона, случившейся 29-го Ноября 1803 года, въ Китайскомъ Морѣ.

Извѣстіе о семъ кораблекрушеніи сообщилъ намъ Г. Пейджъ, бывшій вторымъ офицеромъ на кораблѣ Фанни. Въ Мартѣ 1803 года отправился онъ въ Восточную Индію на кораблѣ Эльфистонѣ, подъ начальствомъ Капитана Крейга, въ качествѣ вольнопрактикующаго мореходца. Чрезъ двѣнадцать дней по отбытіи ихъ изъ Діалы, прибыли они къ острову Мадерѣ; въ половинѣ Мая достигли Мыса До-

(*) 72 копѣйки серебромъ.

брой Надежды, имѣя на семъ переходѣ много перемѣннѣхъ вѣтровъ и дурную погоду.

Пребываніе его на Мысѣ Доброй Надежды было непродолжительно, ибо войска, за которыми единственно они туда заходили, отправились на другомъ кораблѣ, за нѣсколько дней до ихъ прихода, а потому они скоро пошли въ путь, и 7-го Іюля прибыли въ Бомбей.

Въ Бомбей, съ помощію рекомендательныхъ писемъ, привезенныхъ имъ къ разнымъ особамъ изъ Англіи, вступилъ онъ въ должность втораго офицера на корабль Фанни, подъ начальствомъ Капитана Робертсона: кораблю сему надлежало плыть въ Китай.

8-го Августа поутру отправились они въ путь. Плаваніе ихъ до самаго Малаккаго Пролива совершилось благополучно, но тамъ стали они на мель, и у корабля отбило руль, который однако жъ они, снявшись съ мели, опять вставили, и продолжали, по-прежнему, плыть довольно счастливо до половины Сентября. Плаваніе въ семъ мѣсяцѣ, Китайскимъ Моремъ, чрезвычайно опасно, ибо по большей части тогда перемѣняется муссонъ, а перемѣны эти всегда сопровождаются ужасными бурями, которымъ рѣдкіе корабли могутъ противиться. Бури сіи, или ураганы называются тифонами отъ китайскаго реченія: *тай-фуиъ*, то есть, крѣпкій вѣтеръ. Г. Барро, въ Путешествіи своемъ въ Китай, описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

«Эти ураганы дуютъ съ такою ужасною силою, что если бъ можно было, говорить одинъ опытный морской капитанъ остъ-индской службы, заставить нѣсколько тысячъ человѣкъ играть на трубахъ и бить въ барабаны на бакѣ, въ минуты самой величайшей свирѣпости тифона, то вѣрно на шканцахъ того же корабля звука этого нельзя было бы слышать. Множество китайскихъ судовъ разбивается во время тифоновъ; извѣстно, что изъ одного порта Кантона, при сихъ буряхъ, ежегодно погибаютъ отъ десяти до двѣнадцати тысячъ человѣкъ.»

15-го Августа, паружный видъ луны предвѣщалъ бурю, которая дѣйствительно настала 19-го числа, и произвела большое волненіе, увеличивавшееся по мѣрѣ постепен-

наго прибавленія силы вѣтра; по 20-го числа на небѣ показался яркій красноватый цвѣтъ, тучи быстро носились по всѣмъ направленіямъ, и на морѣ произошло странное толкучее волненіе. Всѣ эти явленія предзнаменовали что нибудь необыкновенное, и потому на кораблѣ, на всякій случай, сдѣланы были всѣ нужныя приготовленія и приняты мѣры къ отвращенію бѣдствія. Корабль Фанни былъ крѣпокъ и хорошо построенъ, слѣдовательно экипажъ не страшился встрѣтить всякую обыкновенную бурю.

Въ полдень 21-го числа началъ свирѣпствовать жестокий вѣтеръ, который къ осьми часамъ вечера усилился до такой степени, что на кораблѣ нельзя было поднять ни какого паруса. Жестокость бури во всю ночь усиливалась болѣе и болѣе, и волненіе было чрезвычайно велико. Это продолжалось до осьми часовъ утра: тогда вдругъ вѣтеръ прекратился, и настала совершенная тишина.

Никто на кораблѣ не предвидѣлъ наступленія тифона, который, въ половинѣ девятаго часа, началъ дуть ужаснымъ образомъ, превосходящимъ всякое описаніе. Онъ произвелъ такое волненіе, что море походило на кипящую въ котлѣ воду. Около девяти часовъ утра сломилась фокъ-мачта, которая, задѣвъ за руль, въ минуту оторвала его: тогда корабль стало нести по направленію вѣтра и волнъ. Въ это время у него было три фута воды въ трюмѣ, а потому весь экипажъ принялся за помпы. Къ несчастію еще, старшій штурманъ, помѣшался въ умѣ и дошелъ до совершеннаго бѣшенства, а самъ капитанъ до того впалъ въ уныніе, что не могъ дѣлать ни какихъ распоряженій. Что принадлежить до Г. Пейджа, то онъ находился у помпъ, и не переставалъ ободрять людей. Не взирая однако жъ на ужасное ихъ положеніе, Провидѣніе опредѣляло имъ испытать несравненно горшую еще того чашу!

Въ полночь вѣтеръ немного сдѣлался тише, и экипажъ, безпрестанно дѣйствуя помпами, успѣлъ къ десяти часамъ утра 23-го числа отлить изъ корабля воду до девяти дюймовъ. Между тѣмъ корабль, по пемѣнню руля, продолжалъ нестись по вѣтру: если бъ они лишились всѣхъ своихъ мачтъ, то и это несчастіе не было бы столько для

нихъ ощутительно, какъ потеря руля (*) Въ это время они находились посреди опасностей, будучи въ широтѣ 17° 42' сѣверной, долготѣ 112° 18' восточной (**). Вѣтеръ теперь примѣтно утихалъ, и потому зыбью качало корабль чрезвычайно, и, къ несчастію, нельзя было поднять на немъ ни одного паруса, чтобъ уменьшить качку, отъ которой въ десять часовъ ночи сломилась гротъ-стенга; она паденіемъ своимъ убила до смерти одного человѣка, а пятерыхъ ранила.

24-го числа удалось имъ поставить фальшивую фокъ-мачту; послѣ того около мѣсяца шли они кое-какъ по здѣшнему морю; правили посредствомъ парусовъ, и оттого нѣсколько разъ находились, такъ сказать, на волосѣ отъ гибели. Наконецъ 13-го Октября увидѣли они гайанскій берегъ, и того же дня стали при немъ въ одномъ небольшомъ заливѣ на якорь, а на другой день вставили временной руль, который сдѣлали, пока находились въ морѣ.

Послѣ полудня, 15-го числа, крѣпкимъ вѣтромъ подорвало у нихъ канатъ, и вынесло корабль изъ залива. Хотя они очень сожалѣли о потерѣ якоря, и тѣмъ болѣе, что печѣмъ было замѣнить его, но, по крайней мѣрѣ, ихъ утѣшало то, что они успѣли вставить руль, слѣдовательно теперь могли опять править кораблемъ какъ должно.

Когда корабль пришелъ въ заливъ, старшій штурманъ уѣхалъ на берегъ, объявивъ, что онъ рѣшился лучше проводить жизнь свою съ дикими звѣрами, чѣмъ оставаться на кораблѣ, гдѣ онъ сдѣлался не только чело-вѣкомъ бесполезнымъ, но даже и въ тягость всему экипажу, и что находясь съ онымъ, онъ болѣе расстроитъ свое здоровье. Онъ отправился на берегъ въ посланной за водою

(*) Я не могу при семъ случаѣ не замѣтить пользы, которую привнесъ нашимъ мореплавателямъ чиновникъ 7-го класса А. Я. Глотонъ, напечатаніемъ собранныхъ имъ описаній всѣхъ донынѣ извѣстныхъ способовъ дѣлать временные рули.

Прим. перев.

(**) Это было во 120-ти итал. миляхъ отъ острона Гайана къ юго-востоку.

Прим. перев.

иллюпкъ, которая не успѣла возвратиться прежде того времени, какъ корабль вынесло бурей изъ залива, а потому, кромѣ штурмана и его слуги, остались на берегу еще четыре человѣка.

16-го числа корабль претерпѣлъ еще одну бурю, а 17-го увидѣли они берегъ, и стали на якорь въ заливъ Тонгосоѣ, на юговосточной сторонѣ острова Гайнана. Заливъ сей, хорошо закрытый отъ сѣверовосточнаго муссона, позволилъ кораблю пребыть въ немъ три недѣли. Экипажъ запасся достаточнымъ количествомъ прѣсной воды, но съѣстныхъ припасовъ не могъ получить, ибо, не взирая на усиленные просьбы капитана, жителямъ было запрещено торговать съ кораблемъ. Но такъ какъ экипажъ издержалъ все свое сарачинское пшено, то для содержанія не имѣлъ ни какого другаго запаса, кромѣ четырехъ мѣшковъ индѣйскаго гороха. Правда, у нихъ было еще сорокъ мѣшковъ пшена, но никто на кораблѣ не зналъ, гдѣ оно положено (*), а чтобъ отыскать его, надлежало перерыть весь трюмъ, на что нужно было бы употребить по крайней мѣрѣ цѣлый мѣсяцъ, ибо главный грузъ корабля состоялъ въ хлопчатой бумагѣ, которую кладутъ въ трюмъ, нажимая домкратами съ большимъ трудомъ, а притомъ для такой работы потребно много людей; слѣдовательно, если бъ они и знали мѣсто, гдѣ погружена круна, то, по малолюдству, не могли бы достать ее. Увидѣвъ, что жители Гайнана не были расположены снабжать ихъ съѣстными припасами, капитанъ нашелся принужденнымъ опредѣлить на каждого человѣка по полуфунту гороху въ сутки. Служители терпѣливо переносили сей недостатокъ: хотя и были голодны и примѣтнымъ образомъ теряли силы, однако жъ никогда не роптали.

(*) Не только на купеческихъ судахъ, на которыхъ часто некому записывать, гдѣ какая вещь погружена; но даже и на казенныхъ транспортахъ, имѣющихъ много офицеровъ, нерѣдко случается то же самое, а особливо когда грузъ состоитъ изъ многихъ разнородныхъ вещей. А весьма нужно, по многимъ отношеніямъ, знать, гдѣ именно въ кораблѣ какой грузъ положенъ.

До отбытія корабля изъ сего мѣста, капитанъ получилъ письмо отъ своего штурмана, который извѣщалъ его, что онъ и оставшіеся съ нимъ на берегу матросы взяты въ плѣнъ жителями, которые привели ихъ въ мѣстечко, находящееся недалеко отъ корабля, и поступаютъ съ ними самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, что жестокость ихъ совершенно излечила его отъ сумасшествія, и онъ усерднѣйше проситъ капитана освободить его и несчастныхъ его товарищей.

Между тѣмъ четыре человека изъ экипажа взяли потихоньку барказъ съ намѣреніемъ бѣжать, и пустились къ берегу, однако жъ барказъ занесло въ бурунь и разбило на мелкія части, а какъ жители не хотѣли выдать сихъ людей безъ выкупа, то Англичане, имѣя четыре шести-фунтоваго калибра пушки, рѣшились принудить ихъ къ тому силою. Намѣреніе ихъ было, застрашать жителей, для чего хотѣли они съ кораблемъ подойти къ самому селенію и объявить, что если не выдадутъ ихъ людей, то всѣ эти жилища будутъ превращены въ прахъ.

На сей конецъ 4-го Ноября снялись они съ якоря, но вскорѣ послѣ того вѣтеръ слѣлался имъ противный и крѣпкій, которымъ отнесло ихъ отъ берега. Въ два часа пополудни изорвало у нихъ гротъ, который скоро замѣнили они другимъ, и поворотивъ, стали держать въ заливъ. Корабль достигъ уже 30-ти сажень глубины, какъ вдругъ оторвало у него руль: отчего понесло ихъ въ море среди опасностей, и тогда, какъ пагубный рифъ, называемый Парасельсъ, который никогда не былъ хорошо описанъ (*), находился у нихъ подъ вѣтромъ.

Счастливы они были тѣмъ, что ихъ понесло между рифами и берегомъ Кохинхины. Не взирая однако жъ на это, корабль ежечасно встрѣчалъ новыя опасности, которыхъ избѣгалъ чудеснымъ образомъ. Напоследокъ экипажу удалось кое-какъ поворотить корабль на другой галсъ; тогда понесло ихъ къ юговостоку мимо южной окопечности

(*) Нынѣ онъ извѣстенъ очень хорошо. См. Остъ-Индскую Лоцію, послѣднее изданіе 1819 года.

Прим. перев.

рифа Парасельсь. Такимъ образомъ несло ихъ до 21-го Ноября: тогда они кончили и вставили новый временной руль.

Будучи теперь опять въ состояніи править кораблемъ, капитанъ велѣлъ держать въ продолженіе ночи къ SO, а на разсвѣтъ слѣдующаго утра вдругъ увидѣли они вокругъ себя камня и песчанья мели; старались найти проходъ между ими, но не могли, и потому принуждены были стать на якорь.

На корабль была небольшая китайская лодка, которую экипажъ получилъ на островѣ Гайнанѣ, только въ такомъ дурномъ состояніи, что не было ни какой возможности спустить ее на воду, а потому рѣшено было починить ее и послать для отысканія прохода между рифами. На эту починку употреблено было трое сутокъ, въ теченіе конхъ корабль становился ближе и ближе къ подвѣтреннымъ камнямъ, ибо при всякомъ порывѣ вѣтра его понемногу дрейфовало. Онъ находился не далѣе одной мили отъ ближайшаго къ нему рифа, на которомъ ходилъ ужасный бурунь. На корабль только и было два якоря, которые оба были положены. Къ несчастію экипажа, онъ не могъ хорошо починить лодку, которая почти столько же текла, сколько и прежде, а потому имъ оставалось одно средство спасти себя: они подняли одинъ якорь, а другой отрубили и вступили подъ паруса.

Въ это время подвѣтренный рифъ находился отъ нихъ не далѣе 100 ярдовъ (50 сажень) разстоянія, однако жъ они могли бы миновать его, если бъ, къ несчастію ихъ, вдругъ не перемилился вѣтеръ; они хотѣли поверотить на другой галсъ и употребили всѣ средства спасти корабль, но тщетно: онъ сталъ на камень!

Несчастіе это случилось въ часъ пополудни 26-го Ноября. Первымъ ударомъ отбило у нихъ руль, который стоялъ имъ столь много трудовъ и времени. Потомъ буруны били корабль чрезвычайнымъ образомъ, и подвигали далѣе и далѣе на рифъ. Опасаясь, чтобъ его совсѣмъ не разбило, экипажъ счелъ за пужное срубить бизань-мачту; послѣ сего корабль стоялъ покойнѣе и скоро сдѣлался недвижимъ.

Когда корабль сталъ на мель, была полная вода, и потому они, кромѣ мелководія, ничего вокругъ себя не видали, но при отливѣ начали показываться вершины каменевъ, а въ самую малую воду они окружены были на нѣсколько миль открывшимися каменными грядами. Во время полной воды подъ кораблемъ глубина была 12 футовъ, и его весьма много накрепило, а потому капитанъ велѣлъ спустить рей, и употребить ихъ вмѣсто стрѣлъ для поддержанія корабля.

Положеніе мореходцевъ при наступленіи ночи было таково, что они не чаяли уже видѣть восхожденія солнца! Едва ли вообразить себѣ можно состояніе, ужаснѣе и отчаяннѣе того, въ которомъ они находились! Корабль стоялъ на каменномъ, до сего неизвѣстномъ рифѣ, въ широтѣ $9^{\circ} 44' N$; долготѣ $113^{\circ} 51' O$ (по луннымъ разстояніямъ) въ такое время, когда сѣверовосточный муссонъ дулъ съ величайшею своею силою. Ближайшею къ нимъ землею былъ берегъ Кохинхины, въ разстояніи отъ нихъ 250 миль, но берега сего, по причинѣ противнаго муссона, они достигъ никакъ не могли. Къ одному только острову Пуло-Ауро, находившемуся отъ нихъ въ 800 миляхъ, была имъ возможность прійти, но они не имѣли ни одного гребного судна, которое было бы въ состояніи поднять ихъ; экипажъ же въ это время состоялъ изъ 56-ти чело-вѣкъ. И ко всему этому надлежитъ присовокупить, что они ожидали всякую минуту погибнуть на разбившемся кораблѣ; къ счастью, однако жъ, онъ былъ такъ крѣпокъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ дней могъ выдерживать удары буруновъ. Бѣдные Индѣйцы, слѣзавшіеся, такъ сказать, полумертвы отъ голоду и отъ страху, не могли быть употреблены ни къ какой тяжелой работѣ.

Послѣ многихъ совѣтовъ, разсужденій и споровъ (*),

(*) Весьма обыкновенныхъ, въ опасныхъ случаяхъ, на купеческихъ судахъ, а не рѣдко и на военныхъ, гдѣ нѣтъ надлежащаго порядка и строгости, и гдѣ капитанъ протикозаконными поступками, какъ напримѣръ пьянствомъ, торговлею и проч., подаетъ поводъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ не ува-
жать его, и не бояться его представлений. *Прим. перев.*

рѣшено было снять съ корабля ютъ, и сдѣлать изъ него два плоскодонные паромы (flat-bottomed floats); въ немъ только однимъ способъ экипажъ находилъ нѣкоторую надежду спасти себя. Хотя бѣдствующіе крайне сомнѣвались въ успѣхѣ своего предпріятія, по охотно принялись за работу, и на другой день сняли ютъ, и приготовили доски для паромовъ. Между тѣмъ выбросили они въ воду нѣсколько кипъ хлопчатой бумаги, чтобъ не допустить корабля совсѣмъ повалиться на бокъ. Доставая кипы изъ трюма, къ величайшему удовольствію всего экипажа, нашли они 26 мѣшковъ сарачинскаго пшена, которое было въ весьма хорошемъ состояніи. Нашель это сокровище, они досыта накормили бѣдныхъ ласкаровъ (*); эта любимая ихъ пища придала имъ бодрости и духу, и они тотчасъ принялись помогать Англичанамъ; но одинъ изъ нихъ прямо сказалъ, что скорѣе лишится жизни, чѣмъ станетъ работать; объ участи этого человѣка будетъ сказано въ послѣдствіи.

Г. Пейджъ, усмотрѣвъ, что ихъ яликъ, имѣвшій около 12-ти футовъ длины, можетъ быть исправленъ, предложилъ капитану починить его, чтобы въ случаѣ, если корабль разобьется прежде окопчанія паромовъ, можно было имъ спастись на немъ. Намѣреніе его было, починивъ ялъ, повѣсить его за кормою, положить въ него нѣкоторое количество сарачинскаго пшена, прѣсной воды и нѣсколько бутылокъ вина, и если корабль до того ослабнетъ, что нельзя будетъ безъ опасности на немъ оставаться, тогда капитанъ съ своимъ слугою, констапель и онъ могутъ тайнымъ образомъ отправиться отъ экипажа на яликъ; буде же паромы будутъ готовы прежде разбитія корабля, тогда они на немъ же могутъ ѣхать вмѣстѣ съ ними. Капитанъ тотчасъ согласился на это мнѣніе, и они скоро приступили къ тому. Это случилось 29-го Ноября: тогда въ кораблѣ было два фута семь дюймовъ воды, которая 2-го Декабря поднялась до четырехъ футовъ девять дюймовъ.

(*) Ласкарами называются индѣйскіе матросы, служащіе на англійскихъ торговыхъ судахъ.

Прим. перев.

2-го Декабря боть былъ уже совершенно исправленъ и по наружности казалось, что онъ не будетъ имѣть течи. Капитанъ и Г. Пейджъ освидѣтельствовали его съ кормы до носа, обмѣрили и расчислили грузъ, который онъ поднять можетъ; но констапель ничему не хотѣлъ вѣрить, кромѣ опыта, и потому влилъ въ боть съ подлюжины ведро воды, которая, къ величайшей ихъ горести, полилась изъ него, какъ изъ рѣшета. Опытъ сей до того ихъ изумилъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ они не могли сказать ни слова, но съ ужасомъ смотрѣли то на ялъ, то другъ на друга!

Между тѣмъ въ трюмѣ было уже воды шесть футъ два дюйма, а какъ единственную свою надежду полагали они на ялъ, то, прервавъ прежнюю свою работу, снова начали починивать его. Поутру 3-го Декабря, вода въ трюмѣ поднялась уже до семи футъ девяти дюймовъ; вечеромъ была восемь футъ шесть дюймовъ; слѣдующаго утра (4-го числа) девять футъ десять дюймовъ, а въ полдень корабль совершенно наполнился, ибо вода въ трюмѣ пришла въ уровень съ поверхностью моря. Въ это время члены корабля во многихъ мѣстахъ стали расходиться, и обшивныя доски начали трещать и ломаться. Это привело экипажъ въ чрезвычайное смятеніе, ибо никто уже не думалъ, чтобъ послѣ сего корабль долго могъ оставаться въ цѣлости. Въ пятый день ялъ былъ снова починенъ, и найденъ совершенно крѣпкимъ и на счетъ течи безопаснымъ. Теперь постигло ихъ новое горе: недостатокъ прѣсной воды, который однако жъ былъ отвращенъ всеильною рукою Провидѣнія, ибо нѣсколько часовъ шелъ проливной дождь, и доставилъ имъ случай, посредствомъ растянутыхъ парусовъ, налить три или четыре бочки воды. Между тѣмъ они съ величайшимъ прилежаніемъ продолжали строить свои паромы.

Рифъ, на коемъ они находились, весь состоялъ изъ остроковечныхъ каменьевъ, кромѣ того мѣста, гдѣ стоялъ корабль; тутъ было песчаное дно, и мѣсто это во время отлива походило на небольшой заливъ. Если бы ихъ бросило только на нѣсколько сажень въ сторону отъ сего мѣста,

то въ нѣсколько часовъ корабль разбился бы на части, но Провидѣніе невидимо ихъ руководствовало. Въ малую воду, когда каменья совсѣмъ обсыхали, экипажъ собиралъ по нимъ раковины, въ числѣ коихъ попадалось много устрицъ, но мясо ихъ было такъ жестко, что одни только Индѣйцы могли ѣсть его.

Пробывъ около двухъ недѣль въ семъ мѣстѣ, они начали чувствовать дѣйствіе гнилаго запаха, происходившаго отъ подмоченной хлопчатой бумаги. Воздухъ сдѣлался отъ нея такъ ядовитъ и заразителенъ, что серебряная ложка, будучи на самое короткое время опущена въ трюмъ, начинала чернѣть, а люди тотчасъ заболѣвали. Эта необыкновенная зараза начиналась опухолью лица и головы, и дѣйствовала такъ скоро, что тѣ, кои ложились спать въ совершенномъ здоровьѣ, вставали поутру такъ обезображенными опухолью, что ихъ узнать было нельзя. Капитанъ также занемогъ, но его болѣзнь гнѣздилась въ печени, и произошла отъ долговременнаго употребленія одного сарачинскаго пшена и соленого мяса. Онъ скоро слегъ въ постель, и день отъ дня становилось ему хуже. Весь экипажъ былъ боленъ: въ одну недѣлю умерли четыре человѣка; да и всѣ прочіе доведены были до чрезвычайной слабости и величайшаго унынія, а потому сооруженіе паромовъ не имѣло почти ни какого успѣха. Ко всѣмъ симъ бѣдствіямъ должно присовокупить и то, что корабль часъ отъ часу во всѣхъ своихъ членихъ раздавался болѣе и болѣе. Въ такомъ злополучномъ состояніи пребывали они до 22-го Декабря, когда, къ неизреченному ихъ удивленію, усмотрѣли они на востокъ корабль, прямо къ нимъ шедшій.

Принявъ судно это за малайское, отнесенное бурей отъ береговъ острова Борнео, и зная варварскій нравъ сего народа, они не хотѣли имѣть съ нимъ ни какого сообщенія, а такъ какъ между ими протягивалась большая каменная гряда, то Малайцы ни какъ не могли приблизиться къ нимъ, не подвергая себя большой опасности. Когда это судно подошло ближе, они разсмотрѣли, что это былъ бригъ подъ американскимъ флагомъ; тогда и они подняли

англійскій флагъ, гюйсомъ внизъ, въ знакъ претерпѣваемаго ими бѣдствія. Американецъ, увидѣвъ сигналъ, тотчасъ подошелъ къ самому рифу, и легъ въ дрейфъ, въ разстояніи около двухъ миль отъ ихъ корабля; потомъ отъправилъ къ нимъ шлюпку; она пошла вдоль рифа, на коемъ море разбивалось страшными волнами.

Въ срединѣ сего рифа былъ только одинъ узкій проходъ, которымъ гребное судно могло пройти; но какъ Г. Пейджъ боялся, что Американцы не усмотрятъ его, то самъ съ тремя людьми на яликѣ поѣхалъ къ проходу, и махая шляпою, показалъ его Американцамъ, которые, подѣхавъ къ самому рифу, и увидѣвъ, что и въ проходѣ бурюнь былъ не малъ, приглашали знаками Г. Пейджа выѣхать къ нимъ. Желаніе ихъ онъ легко могъ исполнить, ибо ялъ его былъ особенной постройки, весьма удобный для мелководныхъ мѣстъ, по его удерживала мысль, что выѣхавши на тихую, глубокую воду, можетъ быть, онъ не будетъ уже имѣть возможности возвратиться къ кораблю. Въ такомъ случаѣ ему надлежало бы отправиться на американскомъ бригѣ, оставивъ несчастныхъ своихъ товарищей на погибшемъ кораблѣ. Но рѣшиться на такой поступокъ онъ никакъ не могъ, и хотя имѣлъ вѣрный случай спастись, но не желалъ имъ воспользоваться, а приглашалъ къ себѣ знаками Американцевъ, которые, опасаясь, пуститься въ проходъ, поѣхали на свой бригъ, тогда и Г. Пейджъ возвратился къ кораблю.

Тотчасъ по пріѣздѣ американской шлюпки на бригъ, онъ пошелъ отъ рифа. Бѣдствующие думали, что Американецъ рѣшился совсѣмъ ихъ оставить, однако жъ ошиблись: около полудня онъ опять подошелъ къ рифу, гораздо ближе прежняго, и послалъ гребное судно, которое, послѣ многихъ безполезныхъ покушеній, наконецъ успѣло пройти за рифъ, и прибыло на корабль. Тогда Англичане узнали, что бригъ сей изъ Филадельфіи и называется Пенсилванією; за 43 дня предъ симъ вышелъ онъ изъ Малакки, и идетъ къ Кантонъ восточнымъ путемъ (*).

(*) Eastern passage: Англичане восточнымъ проходомъ назы-

Это извѣстіе объяснило причину встрѣчи брига въ здѣшнихъ водахъ, столь рѣдко посѣщаемыхъ европейскими мореплавателями. Американцы привезли къ Капитану Гобертсону письмо отъ ихъ начальника, который предлагалъ свои услуги и хотѣлъ сего же дня весь экипажъ перевести на бригъ, а на другой день забрать съ корабля пужные ему снаряды и вещи. На это предложеніе капитанъ отвѣчалъ, что онъ рѣшился не оставлять корабля иначе, какъ на паромехъ, которые теперь у него строятся, впрочемъ онъ не попрепятствуетъ никому изъ своихъ подчиненныхъ переѣхать на бригъ, буде они пожелаютъ.

Офицеръ, пріѣхавшій съ брига, отозвавъ въ сторону Г. Пейджа, совѣтовалъ ему не упускать сего случая, можетъ быть, единственнаго, который представился ему, спасти себя, а въ убѣжденіе примолвлялъ, что теперь уже всѣ договоры и обязательства между имъ и капитаномъ сами собою уничтожаются, ибо корабль погибъ невозвратно, и что по всѣмъ причинамъ онъ въ правѣ оставить его, и за сей поступокъ никто въ Кантонѣ винить его не будетъ. Не взирая однако жъ на то, что всѣ ласкары готовы были оставить корабль, а старшій штурманъ давно уже съ него ушелъ, Г. Пейджъ не рѣшился принять сей дружескій совѣтъ, но сказалъ Американцу въ отвѣтъ, что онъ весьма сожалеетъ о себѣ и о своемъ капитанѣ, который принялъ столь отчаянное намѣреніе, но какъ онъ считаетъ поступокъ, оставить корабль и своего начальника прежде самой послѣдней крайности, недостойнымъ морскаго офицера, то и не можетъ никакъ согласиться на его предложеніе (*).

ваютъ путь между Молукскими Островами и вдоль береговъ Филиппинскихъ Острововъ къ сѣверу, и потомъ въ Кантонъ. Корабли плывутъ симъ путемъ, когда упустятъ время попутнаго муссона въ Китайскомъ Морѣ. *Прим. перев.*

(*) Не показываетъ ли это, что даже купеческихъ кораблей чиновники за стыдъ и безчестіе вмѣняють при кораблекрушеніяхъ оставлять свои суда, доколѣ не принудить ихъ къ тому совершенная невозможность оставаться на нихъ? А воен-

Послѣ сего американская шлюпка отправилась на свой бригъ, начальникъ коего, извѣстясь о намѣреніи Англичанъ, прислалъ Капитану Робертсону нѣсколько сахара, уксусу, сухарей и проч., и велѣлъ сказать ему, что онъ теперь не хочетъ взять на бригъ болѣе четырехъ чело-вѣкъ, и тѣ, чтобъ были христіане. Объявленіе это жестоко онечало всѣхъ прочихъ; но дѣлать было нечего: жребій палъ на четырехъ матросовъ изъ Португальцевъ, которые, взявъ съ позволенія капитана, нѣсколько снастей и парусовъ, отправились на бригъ.

На другой день поутру (25-го числа) бригъ еще находился въ виду, а въ десять часовъ пополудни скрылся. Наши бѣдствующіе очень были рады, что онъ удался отъ нихъ изъ вида, и не напоминалъ имъ сильнѣе о несчастномъ положеніи, въ коемъ они находились. Легко можно себя представить, какъ провели они сей день Рождества Христова: всѣ они, вспоминая о прежнихъ подобныхъ праздникахъ, проведенныхъ счастливо въ кругу своихъ родственниковъ, друзей и знакомыхъ, заливались слезами.

Сахаръ, уксусъ и сухари въ нѣсколько дней возстановили здоровье капитана, и онъ могъ уже лично надсматривать надъ строеніемъ паромовъ, которые наконецъ были приведены къ окончанію 31-го Декабря. Суда эти, нѣкоторымъ образомъ, походили на весьма большіе ящики или сундуки, переднія или носовыя части коихъ имѣли уклонъ 45°, наподобіе употребляемыхъ въ Англіи грузовыхъ *баржей* (*). Длинною они были 17½ футовъ на двѣ, а

ные офицеры еще болѣе должны дорожить своею честію: имъ никогда не надобно забывать, что въ ованскихъ случаяхъ на морѣ, стихіи представляютъ непріятеля, а корабль крѣпость въ осадѣ.

Прим. перев.

(*) Barge, river-lighter: грузовое, плоскодонное и плосконосое судно. Любопытные могли прежде и на Невѣ видѣть остатки этихъ нескладныхъ машинъ: онѣ плавали между Петербургомъ и Кронштадомъ, и извѣстны были подъ названіемъ плоскодонныхъ ботовъ. Въ Англіи, гдѣ есть сильный приливъ и от-

вверху, по причинѣ уклона носовой части, 20 футъ; глубины имѣли пять футъ и столько же ширины, а какъ стѣны ихъ также имѣли небольшой уклонъ, и именно 15° отъ вертикала, то ширина вверху была восемь футъ. Паромовъ было два, и судя по числу экипажа, они были очень малы, а притомъ открыты, ибо малость ихъ не позволяла сдѣлать палубъ. Строеніе сихъ судовъ было весьма затруднительно и шло медленно, потому что для укрѣпленія ихъ по подлежащему, должно было отрывать отъ корабля баргоутныя доски и мѣдь. По окончаніи паромовъ три дня были употреблены на оснастку и нагрузку: они положили въ нихъ, сверхъ запасныхъ снастей и парусовъ, съѣстные припасы и прѣсную воду, по послѣдней только было по полторы бочки большой руки (butt) (*) въ каждомъ паромѣ.

Наконецъ, 4-го Января 1804 года, послѣ сорокодневнаго пребыванія на каменьяхъ, оставили они ихъ и погибшій корабль, вѣривъ опять судьбу свою непостоянству стихій. Они помѣстились на сихъ необыкновенныхъ судахъ весьма тѣсно: на одномъ изъ нихъ находился капитанъ, штурманъ и всѣ Европейцы, числомъ 23 человѣка, а на другомъ всѣ ласкары, въ числѣ 24 человѣкъ. Суда ихъ, по образу своего строенія, могли плыть только по вѣтру и волненію; а при боковомъ, крѣпкомъ вѣтрѣ, они тотчасъ погибли бы, ибо волненіемъ могло ихъ скоро залить и пустить на дно. Малзкка была ближайшая земля, къ которой они имѣли возможность пристать съ нѣкоторою безонасностью, но она находилась отъ нихъ въ 1,100 мпяхъ; островъ Пуло-Ауро былъ гораздо ближе (800 миль); только онъ обитаемъ Малайцами, народомъ варварскимъ, который, по всѣмъ вѣроятностямъ, лишилъ бъ ихъ жизни, если бы имъ и удалось донлыть до сего острова.

Опасности угрожали имъ со всѣхъ сторонъ; они могли

ливъ, съ помощію коихъ ходять сіи суда, они удобны, но къ намъ введены не надолго пристрастіемъ къ англійскому.

Прим. перев.

(*) Butt: бочка, содержащая 32½ ведра.

только выбрать одно зло предпочтительнѣе предъ другимъ. Но всякое предпріятіе было лучше, нежели оставаться на каменьяхъ и умереть съ голоду; и такъ, сообразивъ всѣ обстоятельства, они рѣшились пуститься къ Малаккѣ. На корабль было одиннадцать ружей и нѣсколько аммуниціи, которыя капитанъ взялъ на свое судно, ибо ласкары слишкомъ робки, чтобъ могли защищать сами себя, а потому Англичане взяли оборонять ихъ. Китайскій свой ялъ привязали они за корму, и, съ помощію Божіею отправились въ путь.

Но предпріятіе ихъ въ самомъ началѣ было ознаменовано несчастнымъ происшествіемъ: покушаясь пройти за рифъ, оба паромъ стали на каменья, гдѣ ихъ было съ такою силою, что несчастные мореходцы ожидали каждую минуту гибели. Два часа пробыли они въ такомъ отчаянномъ положеніи; наконецъ добрались до находившагося въ рифѣ ущелья, имѣвшаго восемь футъ глубины, гдѣ на ночь стали на якорь. Удары, претерпѣнные капитанскимъ паромомъ на каменьяхъ, весьма много повредили у него дно и оторвали часть обшивной мѣди; отъ сего течъ сдѣлалась столь велика, что два человѣка должны были во всю ночь безпрерывно отливать воду.

Понутру 5-го Января, долго искали они сквозь рифъ прохода, который наконецъ удалось имъ найти; только онъ былъ такъ узокъ, что паромъ ихъ едва могъ пройти и выйти на чистую воду. Послѣ сего отправили они свой ялъ на помощь къ другому парому, бывшему тогда въ превеликой опасности; однако жъ, посредствомъ необыкновеннаго усилія и трудовъ, удалось имъ и его вывести за рифъ.

Люди, возвратившіеся на ялъ, привезли извѣстіе, что ночью одинъ изъ ласкаровъ отравилъ себя опиумомъ: это былъ тотъ самый Индѣецъ, который, въ бытность ихъ на мели, не хотѣлъ работать. Теперь оказалось, что онъ не могъ перенести укоризнъ и насмѣшекъ своихъ товарищей, и отъ стыда лишилъ себя жизни.

Будучи на просторѣ, они поставили паруса, и стали править настоящимъ своимъ курсомъ. Паромы ихъ были

только девять дюймовъ выше воды, будучи въ грузу четыре фута три дюйма, иначе нельзя было бы нести паруса; отъ сего плескало въ нихъ много воды, которую безпрестанно должно было выливать. Для отвращенія сего неудобства, они возвысили стѣны еще на девять дюймовъ досками, а потомъ парусиною во всю ширину оной. Сей способъ удерживалъ волненіе, но всплески не преставали попадать временно.

Для облегченія другаго парома, они посадили двухъ ласкаровъ на ялѣ, бывшій у нихъ за кормою, и научили ихъ, какъ имъ править. Въ продолженіе дня они плыли очень хорошо, а на ночь подняли фонарь на мачтѣ, для означенія своего мѣста товарищамъ, которыхъ, на слѣдующее утро, къ величайшему ихъ удовольствію, увидѣли не въ дальнемъ отъ себя разстояніи.

Поутру 8-го Января, Англичане не видали другаго парома, и хотя во весь тотъ день шли подъ весьма малыми парусами, но онъ не показывался, а потому, заключивъ, что онъ потонулъ ночью, пошли они своимъ путемъ, ожидая и сами рано или поздно имѣть ту же участь. Но ялѣ поднимался на волнахъ весьма легко; нужно было только хорошо имъ править, а потому штурманъ безпрестанно предостерегалъ бывшихъ въ немъ людей: *на рулю не злѣвать*, какъ говорятъ морскіе. Совѣтъ сей нѣсколько времени имѣлъ свое дѣйствіе, но 9-го Января рулевой *оплошалъ*, и волна опрокинула ялѣ вверхъ дномъ: одинъ изъ ласкаровъ успѣлъ схватиться за буксиръ и спасся, а другою, вскричавъ: Алла, Алла, пошелъ на дно. Ялѣ же былъ брошенъ, чтобъ не мѣшалъ править.

Послѣ сего несчастнаго происшествія, плыли они нѣсколько дней, наблюдая всевозможныя осторожности, чтобъ ихъ не залило; но въ семнадцатый день ихъ плаванія, волненіе увеличилось до такой степени, что они каждую минуту ожидали быть погребенными въ водахъ Океана, и приготовились къ сему страшному случаю!

Они находились въ самомъ ужасномъ положеніи, какое только себѣ можно представить: не говоря уже о смерти, которой всякую секунду они должны были ожидать, по-

стигли ихъ разныя болѣзни. Капитанъ не могъ владѣть ни руками, ни ногами, а всѣ прочіе заразились цынготю; десять человѣкъ изъ нихъ не могли ничего дѣлать: десны и горло у нихъ распухли и покрылись ранами такъ, что они ничего не могли глотать; даже старыя раны, которыя за нѣсколько лѣтъ до того были залечены, теперь опять открылись. Болѣзнь эта произошла отъ подмоченнаго морскою водою сарачинскаго пшена, которое они ѣли. Вообще всѣ они болѣе или менѣе страдали цынготю, хотя и могли съ нуждою заниматься дѣломъ, кромѣ штурмана, котораго одного небо сохранило для общаго ихъ спасенія. Не смотря однако жъ на всѣ эти бѣдствія, они были такъ счастливы, что 23-го Января увидѣли берегъ, называемый Южный Апамбасъ.

26-го числа сильнымъ теченіемъ снесло ихъ по западную сторону необитаемаго острова Пуло-Тингея, къ которому они пристали, и простояли у него два дня въ надеждѣ сыскать какихъ нибудь пособій противъ цынги, но не найдя ничего, налили только пустыя бочки прѣсною водою, и пошли въ путь.

30-го числа, находясь въ Малаккскомъ Проливѣ, встрѣтили они бригъ, шедшій въ мѣстечко Райо, на островѣ Бентагъ, для покупки у Малайцевъ перцу. Капитанъ брига снабдилъ Англичанъ небольшимъ количествомъ съестныхъ припасовъ, и совѣтовалъ имъ держаться ближе къ малаккскому берегу, потому что проливъ наполненъ морскими разбойниками, которые недавно напали на его бригъ, убили у него старшаго штурмана, а самого его ранили, и бригъ весьма повредили. Принявъ сей совѣтъ, бѣдныя наши мореходцы пошли своимъ путемъ, но теченіемъ приблизило ихъ къ берегамъ острова Суматры, которыхъ они старались избѣгать всѣми средствами.

Пять дней шли они въ Проливѣ Малаккскомъ, наконецъ, 4-го Февраля, подошли къ гавани сего имени; находясь отъ нея въ шести миляхъ, встрѣтили они рыбацкую лодку, на которой отправили записку къ губернатору, и въ тотъ же день получили отъ него, на двухъ ботахъ, достаточное количество живности, плодовъ, зелени и вина.

Боты взяли паромъ на буксиръ, и на слѣдующее утро ввели его въ рѣку, при многочисленномъ стеченіи жителей, собравшихся смотрѣть странниковъ.

Почетные граждане города старались, паперерывъ другъ передъ другомъ, оказать имъ всякое пособіе и гостепріимство. Опасно больныхъ немедленно отправили въ госпиталь, а прочихъ размѣстили по квартирамъ.

Вскорѣ послѣ ихъ прибытія, вошло въ портъ купеческое судно, на которомъ находился одинъ изъ ласкаровъ, бывшихъ на другомъ паромѣ; отъ него свѣдали, что плотъ ихъ, по разлученіи съ ними, шелъ прямо по вѣтру, доколѣ не подошелъ къ одному небольшому островку, въ проливѣ лежащему, къ которому они пристали по нуждѣ въ прѣсной водѣ; но безчеловѣчные Малайцы, напавъ на беззащитныхъ полумертвыхъ людей, всѣхъ ихъ перебили, кромѣ вышепомянутаго ласкара, спасагося бѣгствомъ въ лѣсъ. Ночью спустил онъ потихоньку лодку, и переѣхалъ на островъ Бентангъ, гдѣ нашелъ христіанское судно, капитанъ коего принялъ его и доставилъ въ Малакку.

Капитанъ Робертсонъ и Г. Пейджъ, пробывъ въ Малаккѣ около двадцати дней, отправились оттуда на Остъ-Индскомъ Флотѣ, шедшемъ изъ Китая въ Бомбей, куда и прибыли благополучно.

Крушеніе англійскаго шлюпа Провидѣнія, находившагося въ 1797 году, подѣ начальствомъ Капитана Бротона, въ путешествіи для открытій, и погибшаго въ Сѣверномъ Тихомъ Океанѣ.

Капитанъ Бротонъ, бывъ еще лейтенантомъ, командовалъ въ 1791 году вооруженнымъ тендеромъ Чатамомъ, и служилъ подѣ начальствомъ Капитана Ванкувера, въ путешествіи его, предпринятомъ, для открытій. Послѣдній отправилъ его изъ залива Нутки съ донесеніемъ въ Англію. Въ Октябрѣ 1793 года, Бротонъ былъ назначенъ командиромъ шлюпа Провидѣнія, недавно, подѣ началь-

ствомъ Капитана Бляя, возвратившагося изъ Западной Индіи, куда доставилъ онъ хлѣбныя деревья съ острова Отаити. Шлюпъ сей былъ совершенно готовъ предпринять путешествіе кругомъ свѣта, однако жъ Бротонъ отправился въ путь не прежде Февраля 1795 года. Онъ имѣлъ секретную инструкцію, съ предписаніемъ явиться въ команду Капитана Друри, начальствовавшаго тогда надъ военнымъ кораблемъ Трасти, который шелъ съ конвоемъ въ Средиземное Море. Капитанъ Бротонъ, вышедши съ конвоемъ, пошелъ своимъ путемъ; приставалъ къ острову Тенерифъ и въ Ріо-Жанейръ; 10-го Іюня видѣлъ островъ Гуфа (Gough's), и 18-го Августа прибылъ въ портъ Стифинсъ, гдѣ простоялъ одну недѣлю. Здѣсь нашли они поселившихся между жителями четырехъ Англичанъ, которые, за пять лѣтъ предъ тѣмъ, на открытой лодкѣ ушли изъ Портъ-Джаксона. Эти люди, получивъ увѣреніе, что съ ними дурно не поступятъ, съ трудомъ согласились пріѣхать на шлюпъ. Нѣкоторые изъ нихъ были здѣсь женаты, но оставили своихъ женъ и дѣтей безъ сожалѣнія.

27-го Августа путешественники достигли Портъ-Джаксона, въ которомъ пробыли до 13-го Октября; потомъ, прошедъ сѣвернѣе Новой Зеландіи, заходили къ острову Отаити, а 1-го Января 1796 года прошли къ Сандвичевымъ Островамъ. Здѣсь Бротонъ узналъ отъ экипажа одного американскаго судна, что Капитанъ Ванкуверъ съ обоими своими судами отправился въ Англію. На островѣ Овайги, владѣтель онаго Тамеама снабдилъ Англичанъ большимъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, а особливо свиней. За это они обязаны соотечественнику своему Юнгу, который уже шесть лѣтъ находился на упомянутыхъ островахъ, и имѣлъ большое вліяніе на короля ихъ.

Шлюпъ оставилъ Сандвичевы Острова 22-го Февраля, а 17-го Марта прибылъ въ заливъ Нутку. Онъ имѣлъ нужду въ исправленіи, и какъ для этого надобно было его кренить, то онъ и не могъ оставить залива прежде Мая. Изъ Нутки Капитанъ Бротонъ пошелъ къ югу вдоль сѣверозападнаго берега Америки, и заходилъ въ заливъ Монтерей.

«Теперь надлежало мнѣ, повѣствуетъ онъ, сдѣлать какое нибудь рѣшеніе о будущихъ моихъ дѣйствіяхъ. Я имѣлъ повелѣніе Адмиралтейства описать полуденную часть юго-западнаго берега Америки, по предположенію, что Капитанъ Ванкуверъ, имѣвшій такое же точно предписаніе, не могъ его исполнить. Но какъ я достовѣрно узналъ, что онъ оставилъ Монтерей за 18 мѣсяцевъ предъ симъ, и что оба его судна, Дисковери и Чатамъ, паходились тогда въ хорошемъ состояніи, то я не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія, чтобъ этотъ искусный мореплаватель не исполнилъ сей части его инструкціи, и тѣмъ болѣе, что мнѣ извѣстно было объ отправленіи его изъ порта Вальпарайсо, лежащаго въ широтѣ 30° S, съ намѣреніемъ про-извести вышепомынутую опись. И такъ, при сихъ обстоятельствахъ, я долженъ былъ самъ составить планъ будущимъ занятіямъ вѣрнной мнѣ экспедиціи; на сей конецъ я приказалъ каждому изъ офицеровъ подать свое мнѣніе письменно. Мое же собственное желаніе было употребить шлюпъ для пріобрѣтенія сколько возможно большихъ свѣдѣній, относящихся къ усовершенствованію мореплаванія и географіи, и я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что мнѣніе офицеровъ во всемъ согласовалось съ моимъ собственнымъ: мы полагали, что не можемъ ничего лучше сдѣлать, какъ произвести опись азійскаго берега отъ острова Сахалина (въ шир. 50°), до устья рѣки Нанкинъ (въ шир. 30°). Я имѣлъ также намѣреніе усовершенствовать опись соседственныхъ острововъ, какъ-то: Курильскихъ, Эссо и Японіи, недоконченную въ послѣднее путешествіе Капитана Кука. Я думалъ, что такая опись можетъ принести большую пользу географіи, ибо чрезъ нее опредѣлились бы предѣлы Азіи и Америки, доколѣ можетъ простираться мореплаваніе, и тогда Сѣверный Тихій Океанъ былъ бы уже совершенно извѣстенъ.

«Другая причина сему предпріятію заключалась въ томъ, что я хотѣлъ доставить бывшему со мною астроному случай, исполнить данное ему отъ *Коммисіи опредѣленія долготы на морѣ* (*) предписаніе, которымъ повелѣвалось

(*) The Board of longitude: такъ называется въ Англіи ко-

опредѣлить географическое положеніе мѣстъ, кои до сего не были извѣстны; прежде онъ не имѣлъ такого случая потому, что обстоятельства заставили насъ плыть по слѣдамъ Ванкувера. Надобно знать, что по всему Сѣверному Тихому Океану мы ничего не могли сдѣлать, кромѣ опредѣленія положеній нѣкоторыхъ малозначащихъ острововъ; но изслѣдованіе азійскаго берега и сосѣдственныхъ ему острововъ, могло быть несравненно полезнѣе и важнѣе для географіи, нежели опись всѣхъ другихъ земель сего Океана, доселѣ мало еще извѣстныхъ. И такъ какъ эта опись, по всѣмъ вѣроятнымъ предположеніямъ, не могла быть кончена прежде Іюня или Іюля мѣсяца 1798 года, то я хотѣлъ заняться ею до Рождества, потомъ итти въ Кантонъ за снарядами и съѣстными припасами, и начать продолженіе оной рано по веснѣ слѣдующаго года.»

Въ слѣдствіе сего плана, Капитанъ Бротонъ отправился къ Сандвичевымъ Островамъ, а оттуда къ Островамъ Японскимъ и Курильскимъ, которые онъ описывалъ въ Сентябрѣ, Октябрѣ и Ноябрѣ, а въ Декабрѣ пришелъ въ Китай.

Въ Китаѣ купилъ онъ прекрасную шкуну, величиною отъ осьмидесяти до девяноста тоновъ, и въ Апрѣлѣ 1797 года, когда позволилъ муссонъ, отправился въ путь, имѣя на обоихъ своихъ судахъ съѣстныхъ припасовъ на пятнадцать мѣсяцевъ. Но въ Маѣ случилось съ нимъ ужасное и неожиданное происшествіе, едва было не положившее конца всѣмъ дальнѣйшимъ его изслѣдованіямъ: я разумно разбитіе плюпа Провидѣнія, ставшаго на каменный рифъ подлѣ одного острова, находящагося отъ восточнаго берега Формозы въ разстояніи около ста лигъ, и извѣстнаго на картахъ подъ именемъ Тайпинсана. О семъ происшествіи Капитанъ Бротонъ, начиная съ 17-го числа Мая, повѣствуетъ слѣдующее:

«(17-го числа). Мы правили прямо къ востоку съ намѣреніемъ осмотрѣть сѣверные берега острововъ, которые въ прошломъ году прошли мы по южную ихъ сторону. Въ

митетъ, учрежденный для изслѣдованія способовъ точнѣйшаго опредѣленія географической долготы на морѣ. *Прим. перев.*

два часа пополудни увидѣли со шканцевъ небольшой песчаный островъ на SO 15°, въ разстояніи пяти лигъ, а въ три часа открылся другой къ востоку. Тогда мы привели на ONO, и въ четыре часа сдѣлали шкунѣ сигналъ привести бейдевиндъ на лѣвый галсъ. Въ половинѣ шестаго часа, мы также привели къ вѣтру и убавили парусовъ, чтобъ дать способъ шкунѣ держаться съ нами. Въ семь часовъ вечера за окончечностью другаго острова видѣнъ былъ холмъ, похожій на отдѣльный островъ, на SO 60°, а самый крайній мысъ земли, открывшійся на O, теперь былъ на ZW 10° около пяти миль разстоянія. Въ это время вахтенный штурманскій помощникъ, находившійся на салингѣ, донесъ, что отъ вышепомянутыхъ острововъ ни къ O, ни къ N, и ни въ какомъ другомъ направленіи земли не видать, а также и по виду подвѣтреннаго берега, бывшаго у насъ на траверзѣ къ ZO, нельзя было ожидать ни какой опасности. И потому я продолжалъ итти прежнимъ галсомъ, намѣреваясь поворотить въ восемь часовъ, и потомъ до разсвѣта держаться на разные галсы. Луна должна была взойти въ самую полночь. Мы лежали NOtN $\frac{1}{2}$ O, и шли по 4 $\frac{1}{2}$ узла, съ поставленнымъ гротомъ. Взявъ послѣдніе пеленги, я тотчасъ пошелъ въ каюту, чтобъ на картѣ опредѣлить наше мѣсто: оно находилось по сѣверную сторону острова, который прошли мы Декабря 3-го прошлаго года; жители называли его Тайпинсанъ; крѣпкій вѣтеръ, тогда дувшій, не позволилъ намъ съ островомъ имѣть сообщенія.

«Около половины осьмага часа вдругъ съ обоихъ крамболовъ закричали: *бурунъ виднѣтъ впереди!* и почти немедленно послѣ сего шлюпъ сталъ на коралловый рифъ. Почувствовавъ ударъ, я тотчасъ выбѣжалъ на шканцы; офицеры и нижніе чины также въ одну минуту были наверху, и мгновенно положили всѣ паруса на стеньгу. Когда я вышелъ на декъ, то нашелъ, что руль былъ положенъ на вѣтеръ на бордъ; шлюпъ носомъ стоялъ къ ONO съ наполненными парусами. Если бъ, при открытіи опасности, руль положили подъ вѣтеръ (*), то, я думаю, мы избѣжали бы ея.

(*) При встрѣчѣ нечаянной опасности на морѣ въ темную

«Мы тотчасъ сдѣлали шкунѣ приличный сигналъ, и послали своего штурмана съ приказаніемъ поставить ее на якорь, какъ можно ближе къ намъ, чтобъ посредствомъ ея можно было стянуть шлюпъ съ мели. Между тѣмъ онъ все уклонялся подъ вѣтеръ, и уже пришелъ на О; мы убрали всѣ паруса на гротъ-мачтѣ, а прочіе сдѣлали левинтигъ, съ тѣмъ, чтобъ не давая хода шлюпу, допустить его катиться кругомъ. Но прежде нежели онъ уклонился на Z, ударился опять на рифъ, и сталъ на мели недвижимо, носомъ прямо къ Z. Тогда бурунъ ходилъ недалеко отъ насъ по направленію на оба крамбола, и мы имѣли глубину съ правой стороны подъ русленями отъ 5-ти до 15-ти сажень, а подъ кормою и подъ носомъ только 2¹/₂ сажени. Укрѣпивъ руль закладками въ гнѣздѣ, мы спустили стеньги, и начали спускать гребныя суда, для чего именно оставили нижнія реи на своихъ мѣстахъ. Въ это время не очень сильно било шлюпъ о каменья, и въ немъ

ночь, по большой части руководствуетъ счастье къ избѣжанію оной, ибо тогда некогда уже разсматривать, разсуждать, сообщать, но надобно дѣйствовать вдругъ. Однако жъ бываютъ случаи, въ коихъ должно слѣдовать извѣстнымъ правиламъ, напримѣръ: увидѣвъ опасность во время тумана, когда неизвѣстно, какимъ движеніемъ лучше можно удалиться отъ нея, а глубина, грунтъ и состояніе погоды позволяютъ, надлежитъ стать на якорь. Идучи съ боковымъ вѣтромъ и усмотрѣвъ опасность прямо впереди, должно вдругъ положить паруса на стеньгу и оглядѣться. Если же корабль идетъ бейдевиндъ, а опасность откроется предъ носомъ, то буде вѣтеръ позволяетъ, надобно тотчасъ поворачивать оверъ-штагъ, выпустивъ совсѣмъ вѣтеръ изъ переднихъ парусовъ, дабы корабль при поворотѣ сколько возможно менѣе имѣлъ ходу, и проч. Иногда бываетъ нужно идти въ самыя темныя ночи, и даже нести много парусовъ, когда есть поводъ ожидать встрѣчи какой либо опасности: тогда уже надлежитъ брать осторожности, соотвѣтствующія мѣстнымъ обстоятельствамъ; но одна изъ нихъ есть непремѣнная и во всѣхъ такихъ случаяхъ необходимая: самъ капитанъ и весь экипажъ должны быть во всю ночь наверху, при своихъ мѣстахъ. *Прим. перев.*

прибыло воды не болѣе какъ 19 дюймовъ; но, къ несчастію, вѣтеръ отъ NNW усилился и произвелъ большое волненіе, которымъ отбило руль, и мы удержали его только на кабельтовѣ. Тогда было девять часовъ; мы ожидали съ нетерпѣніемъ, чтобъ шкуна стала скорѣе на якорь, дабы можно было намъ закрѣпить на пей завозы, и попытаться стащить шлюпъ съ мели; между тѣмъ вода въ трюмъ прибывала очень скоро, а сильные удары угрожали паденіемъ нашимъ мачтамъ. Течь столько увеличилась, что едва успѣли мы спустить барказъ, какъ уже было семь футовъ воды въ трюмѣ.

«Шкуна стала подлѣ насъ на 25-ти саженьяхъ глубины, и штурманъ возвратился на шлюпъ, который въ самое это время вдругъ переѣнилъ положеніе: покатился къ О, и скоро пришелъ носомъ на N; во все это время было его ужаснымъ образомъ. Мы не успѣли еще завести кабельтова на шкуну, какъ тимерманъ донесъ мнѣ, что вода поднялась до орлопъ-дека, и что шлюпъ проломился въ носовой части. Это извѣстіе принудило насъ оставить всякое помышленіе о снятіи его съ мели, ибо тогда онъ потонулъ бы непремѣнно. Хотя мы дѣйствовали всѣми помпами, но онѣ не помогали, и вода начала выступать на гонъ-декъ. Въ невозможности спасти шлюпъ всѣ офицеры были со мною одного мнѣнія. Мы думали срубить мачты, но и это не принесло бы ни какой пользы, потому что шлюпъ, будучи, какъ мы полагали, проломленъ подъ лѣвою скулою, быстро погружался носовою своею частью.

«И такъ теперь надлежало мнѣ только помышлять о спасеніи людей. На этотъ конецъ я велѣлъ готовить гребныя суда, приказавъ въ то же время собрать все ручное оружіе и принадлежащія къ нимъ снаряды, а также слесарные и плотничьи инструменты; но какъ въ это время шлюпъ лежалъ уже на боку, и гонъ-декъ былъ полонъ воды, которою выбило переборки и вмѣстѣ съ сундуками (*)

(*) На всѣхъ англійскихъ военныхъ судахъ матросы имѣютъ сундуки для своего платья и бѣлья; капитаны приказываютъ имъ имѣть оныя для того, что ихъ можно переносить съ мѣста

носило ихъ по палубѣ, то и не было возможности спасти много сихъ вещей. На одной сторонѣ у насъ глубина простиралась до 3¹/₂ сажень, а на другой только шесть футовъ. Носовая часть погрузилась въ воду, а чрезъ шканцы началъ ходить бурунъ, слѣдовательно мы были въ такомъ положеніи, что ничего не могли спасти, и потому я велѣлъ отправлять служителей. Они вступили на гребныя суда, отвалили удачно, и скоро послѣ одиннадцати часовъ ночи прибыли на шкуну благополучно, только съ потерей всего принадлежавшаго имъ имущества. Катеръ возвратился за мною и за остальными офицерами: въ часъ пополудни мы оставили погибшій нашъ шлюпъ Провидѣніе.

«Луна взошла около полуночи, и тогда же вѣтеръ усилился; шкуна стояла на двухъ якоряхъ, и на весьма дурномъ грунтѣ, а потому я счелъ за нужное поднять одинъ якорь; канатъ же другаго подорвало въ четыре часа пополудни, но, къ счастью, шкуна покатила на ту сторону, гдѣ не было опасности. Мы тотчасъ поставили паруса, и тѣмъ спаслись отъ другаго кораблекрушенія, которое, если бъ послѣдовало, то мы непременно должны были бы погибнуть. Хотя состояніе наше теперь было крайне худо, но, при всемъ томъ, мы имѣли причину радоваться и благодарить Бога за двукратное избавленіе насъ отъ смерти.»

на мѣсто, и тѣмъ удобнѣе содержать корабль въ чистотѣ и наблюдать, чтобъ въ палубахъ не было сырости, мокроты или гнили. Англичане весьма рѣдко дѣлаютъ тѣ неподвижныя, на хлѣбныя закромы похожіе ящики, столь обыкновенныя въ другихъ флотахъ, которые, доставляя капитану способъ поощрять наружною чистотою, служатъ хранилищемъ всякой дряни и сора, и ускоряютъ и распространяютъ гнилость въ самыхъ важныхъ членахъ корабля.

Прим. перев.

Спасеніе офицеровъ китоловнаго корабля Честерфильда, и плаваніе ихъ на гребномъ суднѣ отъ береговъ Новой Гвинее до острова Тилора.

Принадлежащее калькутскимъ купцамъ судно Шахъ-Гормацъ и китоловный корабль Честерфильдъ отправились 29-го Іюня 1793 года отъ острова Норфолка въ Батавію, съ намѣреніемъ на пути изслѣдовать хорошенько проходъ между Новою Голландіею и Новою Гвинеею. Предпріятіе это имъ удалось исполнить, а сверхъ того открыли они островъ, въ широтѣ 9° 40', долготѣ 143°, и назвали его Тетовымъ Островомъ. Два гребныя судна были посланы описывать его; они нашли, что островъ обитаемъ, и жители дружески приглашали нашихъ мореходцевъ знаками пристать къ нему, но какъ Англичане не были вооружены, то и не рѣшились исполнить ихъ желаніе. Не взирая на это, дикіе сами пріѣхали на корабль, и промѣнивали экипажу стрѣлы, луки и копья, на перочинные ножи, бисеръ, и проч. Между тѣмъ успѣли они украсть топоръ, который въ послѣдствіи едва не былъ пагубенъ Г. Шау, старшему офицеру корабля, посланному 2-го Іюля на берегъ съ гребнымъ судномъ, на которомъ поѣхали Капитанъ Гиль и Гг. Картеръ и Гаскетъ съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать замѣчанія о свойствѣ земли, произведеніяхъ и жителяхъ острова; съ ними на шлюпкѣ было четверо гребцовъ, и нѣсколько оружія для защиты; сверхъ того запаслись они нѣкоторымъ количествомъ разныхъ вещей для мѣны съ дикими.

Сначала жители приняли ихъ совершенно дружески: помогали имъ выйти на берегъ, цѣловали у нихъ руки, и все это, какъ послѣ обнаружилось, дѣлали съ намѣреніемъ заманить ихъ въ свои сѣти, напасть на нихъ, убить и ограбить. Дикари окруживъ ихъ, вдругъ напали на нихъ и на гребцовъ, находившихся въ шлюпкѣ, въ одно и то же время (*).

(*) Мореплаватели не могутъ быть довольно осторожны про-

топоромъ, украденнымъ дикими, ударъ въ голову, который повергъ его на землю. Г. Шау былъ раненъ, но Гаскетъ успѣлъ выстрѣлить изъ ружья, и тѣмъ обратилъ дикихъ въ бѣгство. Послѣ сего Англичане побѣждали къ шлюпкѣ. Дикіе убили Капитана Гиля и одного матроса, а двумя, оставшимся на шлюпкѣ перерѣзали горло, и бросили ихъ въ воду. Съ великимъ трудомъ Гг. Картеръ, Шау и Гаскетъ добрались до шлюпки, въ которой нашли четвертаго гребца мертваго и ужаснымъ образомъ избитаго; впрочемъ ничего изъ ихъ вещей въ ней не было: дикіе все утащили, кромѣ паруса и нѣкоторыхъ бездѣлицъ.

Проворно вскочили они въ шлюпку, и, къ счастью ихъ, отражая дикихъ ружьями, могли скоро отвалить, и съ помощію паруса удалиться отъ берега. Въ это время Картеръ, отъ истеченія крови, такъ ослабѣлъ, что по перевязаніи его раны, лежалъ безъ чувствъ подъ банками.

Они не успѣли доѣхать до корабля прежде ночи, въ продолженіе коей теченіемъ унесло ихъ въ море; къ несчастію, дикіе лишили ихъ компаса. Въ такомъ бѣдственномъ состояніи не знали они что дѣлать; наконецъ Г. Шау, одинъ только изъ нихъ разумѣвшій морское искусство, предложилъ пуститься къ острову Тимору, до коего они, съ дувшимъ тогда вѣтромъ, могли дойти въ десять дней (*); принявъ сей совѣтъ, предались они на волю Провидѣнія.

Въ третій день ихъ плаванія боль въ ранѣ Г. Картера до того усилилась, что онъ не могъ переносить ея, и

тивъ притворства и ухищреній дикихъ, и тѣмъ болѣе, что они кажутся столь глупыми, что не въ состояніи притворяться и скрывать свои чувства. Многіе, полагая, что дикій тогда только опасенъ, когда на лицѣ его изображенъ видъ звѣрства, дѣлались жертвою своей ошибки.

Прим. перев.

(*) Незнакомые съ тѣми морями могутъ спросить: зачѣмъ Англичане не старались доѣхать до своего корабля, вмѣсто того, чтобъ пуститься въ такую даль? Вотъ зачѣмъ: ихъ отнесло муссономъ, т. е. вѣтромъ, дующимъ нѣсколько мѣсяцевъ съ одной стороны, и постояннымъ теченіемъ, противъ которыхъ невозможно было идти.

Прим. перев.

просилъ своихъ товарищей осмотрѣть и перевязать рану его снова. Обрѣзавъ волосы, увидѣли они, что онъ былъ раненъ топоромъ; они омыли рану морскою водою и перевязали лоскутомъ рубашки; это доставило больному великое облегченіе.

Вскорѣ потомъ нашли они обитаемый островъ, но какъ послѣднія происшествія были у нихъ еще въ свѣжей памяти, то они не имѣли ни малѣйшаго желанія пристать къ берегу, и хотя въ продолженіе трехъ сутокъ ничего не ѣли, однако жъ рыба, предлагаемая имъ дикими съ берега, не могла ихъ искутить: они прошли мимо. Гг. Шау и Гаскетъ, поочереды, смѣняясь чрезъ каждые два часа, правили весломъ, а руля у нихъ не было.

Въ пятый день поймали они двухъ небольшихъ птицъ, одну изъ нихъ, раздѣливъ поравну, съѣли съ жадностью, а другую оставили въ запасъ. Даже и эта ничтожная пища подкрѣпила ихъ примѣтно. Они продолжали плыть къ западу: днемъ правили по солнцу, а ночью по звѣздамъ. Въ эту ночь, пришедъ на мелководье и усмотрѣвъ буруны, стали па дрекъ на пяти саженьяхъ глубины, и легли отдохнуть.

На шестой день поутру увидѣли они по обѣимъ сторонамъ впереди землю; открытіе это сначала жестоко ихъ огорчило, но примѣтивъ, что тутъ было теченіе, они скоро нашли проходъ между островами; и какъ они не видали жителей, то и пристали къ берегу съ намѣреніемъ поискать прѣсной воды. Гг. Шау и Гаскетъ, вышедъ на берегъ, тотчасъ нашли яму съ водою, которую пили съ большимъ удовольствіемъ, и наполнили ею боченокъ, но послѣ почувствовали, что вода была почти такъ же солоная, какъ и морская. Между тѣмъ рана Г. Картера начала опять сильно болѣть, и опять была омыта морскою водою и перевязана. При сей перевязкѣ товарищи его нашли, что изъ черепа выпали три кости. Это обстоятельство они скрыли отъ него, и увѣрили, что рана сдѣлалась лучше.

Зарѣзавъ другую птицу, они напоили кровью Г. Картера, а мясо раздѣлили поравну. Питье это принесло больному много пользы.

Въ седьмой день они были доведены до такой крайности, что пили собственную свою урину; средство это сколько ни было отвратительно, но облегчало ихъ. Около девяти часовъ вечера Гг. Шау и Гаскетъ, отъ чрезвычайной слабости, не могли править шлюпкою, и сонъ столько ихъ тяготилъ, что они, презрѣвъ всякую опасность, привязали весло въ такомъ положеніи, что боть ихъ шель по вѣтру, а сами легли спать. Сонъ ихъ однако жъ былъ непродолжителенъ, ибо они невольно просыпались отъ беспокойства мыслей, и осматривали кругомъ себя, нѣтъ ли какой опасности. Со всѣмъ тѣмъ онъ подкрѣпилъ ихъ, и въ осьмой день позволилъ опять приняться за весло; но теперь работа эта сдѣлалась гораздо труднѣе, по причинѣ усилившагося вѣтра и волненія. Въ этомъ горестномъ положеніи они утѣшались увѣреніями Г. Шау, который обнадеживалъ ихъ, что чрезъ день или два они прійдутъ къ острову Тимору. Сего числа пришли они на мелководье и вдали усмотрѣли буруны: тогда волненіемъ стало заливать шлюпку. Отъ этого Г. Картеръ находился въ самомъ жалостномъ положеніи: не имѣя довольно силы, чтобъ сидѣть на банкахъ, онъ привужденъ былъ лежать на днѣ шлюпки, въ которой было столько воды, что онъ едва могъ держать голову поверхъ ея. Въ добавокъ къ симъ бѣдствіямъ, случилось съ ними другое несчастіе: весломъ столкнуло Г. Гаскета въ воду, и онъ былъ спасенъ только необыкновеннымъ усиліемъ Г. Шау.

Въ девятый день они прошли мелководье, и опять очутились въ открытомъ морѣ. Рану Г. Картера они еще разъ перевязали, вынувъ изъ нея четыре кости головнаго черепа, о чемъ однако жъ они ему не хотѣли сказать, а увѣряли, что она заживаетъ. Отъ недостатка прѣсной воды, они находились въ послѣдней крайности, и уже отчаялись въ спасеніи, рѣшась умереть съ истинно христіанскою твердостью; но въ самое это время Г. Гаскетъ вдругъ вскричалъ: «берегъ, берегъ!» Слова эти воскресили ихъ, и они, полагая, что видимый берегъ принадлежитъ къ острову Тимору, тотчасъ стали къ нему править. Приблизившись, увидѣли они жителей, которые приглашали ихъ знаками

пристать, но, по прежнему опыту, боясь вѣроломства, они не отваживались этого сдѣлать, пока Г. Шау не убѣдилъ ихъ, что лучше вѣрить судьбу свою жителямъ, которые, можетъ быть, спасутъ ихъ, чѣмъ подвергаться неизбежной гибели въ морѣ. Тогда они рѣшились войти въ заливъ. Гг. Шау и Гаскетъ одинъ съ ружьемъ, а другой съ боченкомъ, вышли на берегъ за водою, и робко подошли къ жителямъ, которые вдругъ, вмѣсто всякаго привѣтствія, обрадовали Англичанъ, вскричавъ: Блай, Блай! Вспомнивъ, что Капитанъ Блай былъ принятъ жителями острова Тимора весьма человѣколюбиво (*), они теперь были увѣрены, что счастье привело ихъ къ тому же самому мѣсту.

Жители дали Г. Шау печеный корень ямъ, но у него горло до того засохло, что онъ не могъ проглотить ни одного куска, пока не напился свѣжей воды у источника, къ которому привели его. Здѣсь они наполнили боченокъ своей водою, и отнесли къ Картеру: онъ давно уже съ нетерпѣніемъ требовалъ воды. Между тѣмъ, какъ все это происходило, жители смотрѣли на нихъ съ величайшимъ удивленіемъ.

Англичане часто упоминали слово Тиморъ, и жители тоже повторяли, показывая къ югу, и на стоявшую на берегу проу (**), давая чрезъ то знать, что они отвезутъ ихъ на ней на островъ Тиморъ. За это доброхотное предложеніе Англичане подарили имъ два ружья и нѣсколько оставшихся у нихъ ножей и ножницъ, а сами отправились на своемъ собственномъ суднѣ на помянутый островъ, въ переходъ къ коему, гналась за ними проу, но они, поставивъ парусъ и прошедъ чрезъ рифъ, ушли отъ нея. При наступленіи ночи, они чувствовали необыкновенную усталость, и были столь слабы, что не могли править шлюпкою, и потому, приведя въ вѣтру вдоль берега и закрѣпивъ весло, нашли, что шлюпка ихъ сама собою держалась подъ парусомъ очень хорошо; тогда они легли спать, и поутру встали: сонъ ихъ нѣсколько укрѣпилъ, а береговой вѣтеръ освѣ-

(*) См. стран. 163-ю первой части.

Прим. перев.

(**) Такъ называются всѣ малайскія суда, большія и малыя.

Прим. перев.

жилъ пріятнымъ запахомъ пряныхъ растений. Здоровье Г. Картера поправилось; онъ былъ веселъ и нѣсколько разъ шутилъ съ своими товарищами, увѣряя ихъ, что они скоро будутъ обѣдать съ губернаторомъ острова Тимора. Это предсказаніе однако жъ не сбылось: по причинѣ мелей и выдавшихся далеко въ морѣ мысовъ, они принуждены были еще одну ночь провести на шлюпкѣ такимъ же образомъ, какъ и прошлую.

Въ одиннадцатый день волненіе было довольно велико, и вѣсломъ, коимъ правилъ Г. Шау, сбросило его въ воду: онъ былъ чрезвычайно слабъ, однако жъ могъ схватиться за фальшъ-бортъ и удержаться, пока Г. Гаскетъ не втащилъ его опять въ шлюпку.

Не бывъ въ состояніи обойти находившагося впереди у нихъ мыса, они рѣшились спуститься въ небольшой заливъ, съ намѣреніемъ выйти въ немъ на берегъ. Жители, увидѣвъ ихъ, стекались на берегъ, дѣлали имъ знаки пристать и кричали: Блай, Блай (*)! Когда они пристали, жители помогли имъ выйти изъ шлюпки, посадили ихъ и подали имъ кокосовыхъ орѣховъ, ямовъ и индѣйской пшеницы; смотрѣли на нихъ въ молчаніи, но съ удивленіемъ, и спрашивали знаками, чтобъ они ѣли.

Г. Картеръ просилъ своихъ товарищей перевязать его рану и омыть ее прѣсною водою; когда Г. Шау развязалъ ее, то, къ великому удивленію и радости, нашелъ, что она почти совсѣмъ зажила.

При помощи жителей Англичане отправились въ селеніе, находившееся на вершинѣ крутой горы, приступной только посредствомъ двухъ перпендикулярныхъ лѣстницъ, по коимъ взойти помогли имъ ихъ провожатые. Они тотчасъ были отведены, среди множества народа, собравшагося смотрѣть ихъ, въ домъ старшины, гдѣ ихъ опять подчивали мансомъ, ямомъ и тодіемъ (**); послѣ того старшина хотѣлъ, чтобъ они легли спать. Увидѣвъ подлѣ две-

(*) Далримплъ полагаетъ, что жители кричали не Блай, а бай, по-малайски: хорошо, добрый.

(**) Тоди, аракъ съ теплою водою.

рей двухъ человекъ въ караулъ, они нѣсколько оробѣли, не взирая на то, что старшина самъ спалъ между ими и часовыми: онъ имѣлъ подлѣ бока рогатину. Ночью Г. Шау всталъ, и пошелъ нарочно въ двери, чтобъ посмотреть что будутъ дѣлать караульные: онъ съ удовольствіемъ увидѣлъ, что они были тутъ поставлены для ихъ услугъ, и тотчасъ сообщилъ эту радостную вѣсть своимъ товарищамъ.

Поутру 14-го Іюля, то есть, въ двѣнадцатый день несчастнаго съ ними приключенія, узнали они, что находятся на островѣ Сарретѣ, который отдѣленъ только однимъ проливомъ отъ Тимора, и что они были на семъ послѣднемъ острову, когда въ первый разъ приставали къ берегу; что Танаборъ отъ нихъ лежитъ къ сѣверу, и что ежегодно приходитъ сюда проу для торговли. Это извѣстіе чрезвычайно ихъ обрадовало, а притомъ они увѣрились, что жители были человеколюбивы и услужливы. Въ продолженіе двухъ недѣль ничего важнаго не случилось, кромѣ пропажи ножицъ, украденныхъ однимъ мальчикомъ. Пропажка эта ничего не значила, но какъ ножицы были нужны для обрѣзыванія волосъ около рапы Г. Картера, то и надобно было объявить о пей старшинѣ, который тотчасъ собралъ совѣтъ, состоящій изъ стариковъ. Послѣ совѣщанія, продолжавшагося цѣлый часъ, они разошлись, а на другой день ножицы были возвращены хозяину.

25-го Іюля нашли, что рана Г. Картера совсѣмъ зажила: всего изъ нея было вынуто тринадцать кусковъ разбитаго черепа.

До 25-го Ноября они всѣ трое находились въ совершенномъ здоровьи, а сего числа Г. Картеръ занемогъ горячкою и умеръ 10-го Декабря 1793 года, къ величайшему сожалѣнію его товарищей и самихъ жителей.

Гг. Шау и Гаскетъ жили на острову до прибытія приходящаго сюда ежегодно одинъ разъ съ острова Банды судна, которое, къ неизъяснимой ихъ радости, прибыло 12-го Марта 1794 года. Изъ Тимора они отправились 10-го Апрѣля, а на островъ Банду пришли 1-го Мая. Тамъ приняты они

Часть II.

были губернаторомъ весьма хорошо; онъ доставилъ имъ случай ѣхать въ Батавію, куда прибыли они 10-го Октября.

Что же принадлежить до кораблей, то они шесть дней ждали своей шлюпки; наконецъ послали, для отысканія ея, два вооруженныя гребныя суда. Жители встрѣтили ихъ, но уже съ осторожностью; показывали Англичанамъ, что шлюпка ихъ пошла къ западу, старались заманить ихъ на берегъ, но какъ имъ не удалось сего сдѣлать, то одинъ изъ старшинъ дикихъ сталъ грозить топоромъ, у котораго на топорницѣ былъ красный знакъ, показавшій, что топоръ сей былъ одинъ изъ находившихся въ шлюпкѣ.

Гребныя суда объѣхали весь островъ, имѣющій восемь миль длины и пять ширины, но не получили ни какого свѣдѣнія о своей шлюпкѣ. Послѣ того Англичане хотѣли захватить одного изъ жителей, чтобъ отъ него развѣдать, но дикіе стали бросать въ нихъ стрѣлы; для отраженія сего нападенія они выстрѣлили изъ мушкетона: одного человѣка убили, а прочіе разбѣжались. Вечеромъ гребныя суда возвратились на корабль.

Чтобъ наказать варваровъ за вѣроломство, сорокъ два человѣка на трехъ гребныхъ судахъ отправились 10-го Іюля на берегъ. Жители, увидѣвъ ихъ, тотчасъ удалились. На берегу найдены были капоты, фонарь и лоскутья бѣлья, принадлежавшіе бывшимъ на шлюпкѣ, а также нѣсколько человѣческихъ череповъ и высушенныхъ, на веревку наизаванныхъ рукъ. Эти вещи открыли Англичанамъ участь ихъ товарищей: въ отмщеніе, они сожгли нѣсколько жилищъ и шестнадцать большихъ лодокъ; другаго ничего нельзя было сдѣлать.

Бѣдствія, претерпѣнные четырьмя русскими матросами, оставленными въ 1743 году на необитаемомъ острову къ востоку отъ Шпицбергена.

Въ 1743 году купецъ города Мезени, (Архангельской Губерніи), Іеремій Окладниковъ отправилъ къ Шпицбергену судно для китоваго и тюленьяго промысла: экипажъ его состоялъ изъ четырнадцати человѣкъ. Восемь дней сряду вѣтеръ дулъ имъ попутный, а въ девятый перемѣнился, и не допустилъ ихъ на западную сторону Шпицбергена, гдѣ обыкновенно пристають голландскія и другихъ народовъ китоловныя суда; но вмѣсто того принесло ихъ къ небольшому острову, находящемуся на востокъ отъ вышепомянутой земли, и извѣстному подъ именемъ Восточнаго Шпицбергена.

Судно, приблизившись къ берегу на разстояніе двухъ миль ($3\frac{1}{2}$ верстъ), попало въ льды, которые угрожали экипажу неизбѣжною гибелью. Въ этомъ опасномъ положеніи, морехолцы составили общее совѣщаніе, въ которомъ штурманъ Алексѣй Хилковъ объявилъ, что онъ когда-то слышалъ отъ мезенскихъ жителей, что нѣкоторые изъ нихъ хотѣли на семъ острову зимовать, что на сей конецъ для построенія избы они взяли съ собою лѣсъ изъ вышепомянутаго города, и что изба дѣйствительно была поставлена въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега.

Это извѣстіе заставило весь экипажъ единомысленно принять намѣреніе зимовать на семъ острову, если только изба на немъ существуетъ, ибо они ясно видѣли опасность, которой подвергало ихъ дальнѣйшее пребываніе на кораблѣ. Съ сею цѣлю отправились на берегъ четыре человѣка: имъ было велѣно искать избы или какихъ другихъ средствъ для спасенія экипажа. Посланные были: самъ штурманъ Хилковъ, крестникъ его Иванъ Хилковъ, Степанъ Шарановъ и Ѳедоръ Веригинъ. Такъ какъ островъ сей необитаемъ, то они хотѣли запастись нѣкоторымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ; но имъ надлежало почти двѣ мили пробираться до берега по льдинамъ разной величины,

находившимся, по причинѣ волненія, въ безпрестанномъ движеніи, отчего путь ихъ былъ не только многотруденъ, но и весьма опасенъ, а потому они и боялись слишкомъ обременить себя ношами, чтобы не потонуть съ ними между льдинами. Обдумавъ свое положеніе, они рѣшились взять ружье, пороховой рогъ съ двѣнадцатью зарядами, такое же число пуль, топоръ, небольшой котелъ, двадцать фунтовъ муки, ножъ, трутъ и огниво, нѣсколько табаку, и по деревянной курительной трубкѣ на каждого человѣка. Съ симъ запасомъ прибыли они на островъ благополучно, не предвидя угрожавшаго и въ послѣдствіи постигшаго ихъ несчастія. Первый ихъ шагъ былъ осмотрѣть островъ, и отыскать избу, которую они скоро нашли въ разстояніи около полуторы миль отъ берега. Она имѣла тридцать шесть футовъ длины, осьмнадцать ширины и столько же въ вышину. У дверей находилось небольшое отдѣленіе, около двѣнадцати футовъ въ ширину, имѣвшее сообщеніе съ большою горницею посредствомъ узкихъ дверей. Отдѣленіе это способствовало очень много къ сохраненію теплоты въ большой комнатѣ, въ одномъ углу коей стояла печь, сдѣланная изъ глины по образцу русскихъ крестьянскихъ печей, то есть, безъ трубы, и такъ, что въ ней можно было варить кушанье и печь хлѣбы, а наверху съ площадкою, на какихъ простой народъ обыкновенно спитъ замою.

Это открытіе чрезвычайно обрадовало путешественниковъ, не взирая на то, что изба отъ долговременности была не въ весьма хорошемъ состояніи. Въ ней они ночевали, а поутру рано съ нетерпѣніемъ поспѣшили къ берегу, чтобы обрадовать своихъ товарищей успѣхомъ ихъ поисковъ, и свезти съ судна все, что было можно и пужно имъ на зиму. Ни какими словами нельзя выразить объявшаго ихъ ужаса и горести, когда, пришедши на берегъ, увидѣли они, вмѣсто льда, покрывавшаго все пространство моря, доколѣ досягало зрѣніе, одну чистую воду, и судна своего нигдѣ усмотрѣть не могли. Буря, возставшая ночью, была причиною этого несчастія. Они не знали что сдѣлалось съ кораблемъ ихъ: льдами ли его затерло и погубило, или теченіемъ отнесло въ море и онъ пѣлъ, ибо и это съ кито-

ловами случается перѣдко. Впрочемъ, что бы съ нимъ ни случилось, несчастные странники уже болѣе его не видали (*).

Злополучное это происшествіе отпало у бѣдныхъ нашихъ мореходцевъ всякую надежду когда либо увидѣть обитаемый міръ; вѣчное заключеніе на пустомъ острову, въ самомъ свирѣпомъ климатѣ, живо и во всемъ ужасѣ представлялось ихъ воображенію: съ сокрушеннымъ сердцемъ и въ отчаяніи возвратились они съ свою хижину! Оплакавъ свою участь, стали они помышлять о будущемъ: способы продовольствія и исправленіе избы прежде всего обратили на себя ихъ вниманіе. Двѣнадцать зарядовъ давали имъ возможность убить столько же оленей, коими островъ изобиловалъ, но послѣ надлежало помышлять о другихъ средствахъ.

Починить избы стояло имъ немного труда: топоръ и большое количество моху способствовали успѣху этого дѣла; притомъ оно имъ было совершенно обычно; ибо почти всѣ русскіе простолюдины, а особливо сельскіе, сами строятъ свои дома и починиваютъ, и многіе изъ нихъ весьма хорошіе плотники.

Пронзительный холодъ, содѣлывающій полярныя страны удобообитаемыми только для весьма малаго числа животныхъ, неблагопріятствуетъ и растеніямъ. На Шпицбергенскихъ Островахъ не растутъ ни какія деревья, ниже кустарники. Это обстоятельство ужаснымъ образомъ сокрушало бѣдныхъ Россіянъ: возможно ли было безъ огня переносить свирѣпство зимнихъ морозовъ? А безъ дровъ какъ имѣть огонь? Провидѣніе, однако жъ, такъ устроило, чтобъ эти безплодныя страны море снабжало лѣсомъ: бродя по берегу, находили они деревья и собирали; сначала попадались имъ корабельныя обломки, а послѣ цѣлыя, большія деревья съ кореньями, приносимыя изъ странъ, щедрѣ природою снабженныхъ, но неизвѣстныхъ нашимъ мореходцамъ.

(*) И въ послѣдствіи времени никогда ни какого извѣстія о немъ не было, а потому навѣрное должно полагать, что онъ погибъ въ эту ночь.

Въ первый годъ злополучнаго ихъ пребыванія на острову полезнѣ всего для нихъ были доски, выброшенныя на берегъ. Доски эти, конечно, принадлежали какому нибудь несчастному кораблю, разбившемуся при здѣшнихъ отдаленныхъ и опасныхъ берегахъ, ибо въ нихъ находилось много большихъ гвоздей и одинъ желѣзный крюкъ. Эти памятники кораблекрушенія были выброшены на берегъ въ самое то время, когда недостатокъ пороха угрожалъ нашимъ мореходцамъ голодною смертію, ибо застрѣленные ими олени почти всѣ были уже употреблены въ пищу. Вскорѣ за симъ происшествіемъ послѣдовало другое, равно для нихъ благопріятное: они нашли на берегу корень молодой сосны, загнувшійся наподобіе лука.

Съ помощію ножа они скоро превратили корень въ лукъ, а изъ гвоздей хотѣли сдѣлать два копья для защищенія себя отъ бѣлыхъ медвѣдей: по причинѣ необыкновеннаго свирѣпства сихъ звѣрей, они должны были страшиться ихъ нападенія. Сначала они не знали, какъ изъ гвоздей сковать наконечники для копій и стрѣлъ, но нужда всему научить. Раскаливъ найденный ими желѣзный крюкъ, они сдѣлали изъ него, помощію каменьева и гвоздя, молотъ, а имъ на большомъ камнѣ, служившемъ имъ вмѣсто наковальни, наковали нѣсколько стрѣлъ и копій, которыя къ ратовьямъ прикрѣпили оленьими ремнями, а ратовья сдѣлали изъ вѣтвей выкиднаго лѣса.

Вооружась такимъ образомъ, рѣшились они напасть на бѣлаго медвѣдя, и подвигъ этотъ, съ нѣкоторою опасностью, совершили удачно. Животное доставило имъ свѣжій запасъ съѣстнаго; мясо имъ очень понравилось: они находили въ немъ вкусъ говядины, вѣроятно, отъ голода. Съ радостью увидѣли они, что медвѣжьи жилы можно было раздѣлить на самыя тонкія, но весьма крѣпкія нитки. Это открытіе доставило имъ тетивы и уды, и было, можетъ быть, для нихъ самое счастливое. Стрѣлы для нихъ были такъ полезны, что во время пребыванія ихъ на острову, они убили ими болѣе 250-ти оленей и множество песцовъ. Мясо сихъ послѣднихъ они также употребляли въ пищу, а кожи на платье, постели и одѣяла.

Но медвѣдей имъ удалось убить только десять, и притомъ съ крайнею опасностью, ибо звѣрь этотъ очень силенъ, лютъ и защищается съ величайшею смѣлостью и свирѣпствомъ. На перваго они сами напали, а прочихъ убили оборопаясь; ибо нѣкоторые изъ сихъ животныхъ до того были смѣлы, что хотѣли растерзать ихъ въ самомъ ихъ жилищѣ, и влѣзали даже въ сѣни. Впрочемъ не всѣ нападавшіе на нихъ медвѣди были равно свирѣпы: отъ природнаго расположенія или отъ голода, одни были смѣлѣе, а другіе, напротивъ, обращались въ бѣгство отъ одного крика. Частыя нападенія сихъ лютыхъ звѣрей содержали бѣдныхъ Россіянъ въ безпрестанномъ страхѣ. Во все время заключенія ихъ на острову, они, кромѣ мяса оленей, песцовъ и медвѣдей, не имѣли ни какой другой пищи.

Прожаживаясь по острову, нашли они случайно глину, изъ которой тотчасъ сдѣлали сосудъ для ночника; намѣреніе ихъ было имѣть безпрестанный огонь, посредствомъ жира убиваемыхъ ими животныхъ; ибо въ такой странѣ, гдѣ ночь продолжается нѣсколько мѣсяцевъ, быть безъ огня ужасно. Наполнили сосудъ оленьимъ жиромъ, и вставили свѣтильню, слѣланную изъ рубашечныхъ тряпицъ. Но когда жиръ растопился, то глина не могла его удержать: онъ вытекъ весь сквозь скважины. И такъ надлежало какимъ нибудь способомъ поправить этотъ недостатокъ: они сдѣлали другой сосудъ, высушили его совершенно на воздухѣ, и раскаливъ до-красна, опустили въ котелъ, наполненный горячимъ жидкимъ тѣстомъ изъ бывшей у нихъ муки. Потомъ его высушили и сдѣлавъ опытъ, нашли, что сосудъ соответствовалъ ихъ желанію. Но, для вѣрнѣйшей безопасности, они намазали нѣсколько тряпицъ такимъ же тѣстомъ, и оклеили ими сосудъ снаружи. Удача опыта захотила ихъ, на всякій случай, сдѣлать другой такой же сосудъ, чтобы никогда не оставаться безъ огня.

Они прилежно собирали все выбрасываемое моремъ на берегъ; между прочимъ попалось нѣсколько корабельныхъ снастей и пеньки: послѣдняя доставила имъ свѣтильни, а когда пенька вся вышла, то вмѣсто ея употреблялись рубашки и

брюки. Этимъ средствомъ они непрерывно сохранили горящій огонь съ того дня, какъ въ первый разъ сдѣлали ночникъ, что случилось вскорѣ послѣ прибытія ихъ на островъ, до самаго отправленія отсюда.

Износивъ все свое платье и обувь, они должны были изыскивать средства замѣнить оныя другою одеждою. Въ нуждѣ человекъ дѣлается способенъ на все: такъ и наши мореходцы скоро изобрѣли способы отвратить этотъ недостатокъ.

У нихъ было много оленьихъ и песцовыхъ кожъ, но они не знали, какъ ихъ выдѣлать. Наконецъ, по нѣкоторомъ размышленіи, употребили слѣдующій способъ: мочили кожи въ прѣсной водѣ до того, что могли легко выдергивать изъ нихъ шерсть; потомъ мяли ихъ руками, пока онѣ не были почти совсѣмъ сухи; послѣ того поливали ихъ растопленнымъ оленьимъ жиромъ, и опять сильно мяли, отчего кожи дѣлались мягки, гибки и пригодны на всѣ potreбы. А тѣ изъ кожъ, которыя имъ были надобны для теплой одежды, мочили только одиѣ сутки, потомъ, не выдергивая шерсти, выдѣлывали ихъ такъ же, какъ и первыя. Иголки дѣлали они изъ проволоки, а нитки изъ медвѣжьихъ и оленьихъ жилъ, раздѣляя ихъ нитями на тонкія волокна.

Благодаря Провидѣнію, что оно послало имъ способы обезпечить такимъ образомъ физическое свое существованіе, чѣмъ могли они утѣшиться въ своемъ невольномъ уединеніи? Мысль, что имъ не суждено уже никогда видѣть свое отечество, приводила ихъ въ отчаяніе, а сверхъ того каждый изъ нихъ ужасался, когда воображалъ, что съ нимъ будетъ, когда онъ лишится своихъ товарищей!

Они страшились сдѣлаться жертвою дикихъ звѣрей. Болѣе всѣхъ страдалъ штурманъ Хилковъ: у него была жена и трое дѣтей; разлука съ ними и страхъ, что онъ никогда ихъ не увидитъ, доводили его до крайней степени отчаянія.

На шестомъ году пребыванія несчастныхъ на островѣ, одинъ изъ нихъ, Федоръ Веригинъ, умеръ. Онъ съ самаго начала очень ослабѣлъ и въ послѣдній годъ

своей жизни чувствовалъ мучительную внутреннюю боль. Хотя смерть Веригина избавила товарищей его отъ труда ходить за нимъ, и отъ горести, которую они чувствовали, видя его страданія, не бывъ въ состояніи помочь ему, но за всѣмъ тѣмъ, она не мало ихъ огорчила. Они видѣли, что число ихъ уменьшается, и живо представляли себѣ участь послѣдняго: каждый изъ нихъ желалъ умереть прежде другаго.

Веригинъ умеръ зимою, а потому они не могли иначе похоронить его, какъ въ снѣгу, въ которомъ вырыли глубокую могилу, чтобъ медвѣди не могли вытащить тѣла. Пока горестныя воспоминанія, причиненныя смертью ихъ товарища, были еще живы въ ихъ воображеніи, вдругъ, къ неописанной ихъ радости, 15-го Августа 1749 года, показался подлѣ берега корабль. Они тотчасъ развели огни по холмамъ, и подняли на длинномъ шестѣ выдѣланную оленью кожу. Мореходцы съ корабля, усмотрѣвъ сигналы, справедливо заключили, что какіе нибудь несчастные, претерпѣвшіе кораблекрушеніе, просятъ ихъ помощи, и потому, поставивъ судно свое на якорь, прислали за ними шлюпку.

Судно было изъ Архангельска, и шло къ западнымъ берегамъ Шпицбергена, но противныя вѣтры, на счастье бѣдныхъ Россіянъ, принесли его къ острову, гдѣ они находились. Невозможно описать восторга ихъ, когда они увидѣли, что минута избавленія приближается. Корабельщикъ согласился принять ихъ на судно со всѣмъ ихъ имуществомъ, состоявшимъ изъ пятидесяти пудовъ оленьяго жира и не малаго количества песцовъ, а они за то обязались исправлять всѣ по ихъ званію корабельныя работы, и сверхъ того, по прибытіи въ Архангельскъ, заплатить ему восемьдесятъ рублей. Они взяли съ собою всѣ свои вещи, до самой малости, въ воспоминаніе — достопамятныхъ, несчастныхъ годовъ ихъ жизни.

28-го Сентября 1749 года прибыли они въ Архангельскъ, послѣ уединенной жизни, продолжавшейся шесть лѣтъ и три мѣсяца. Они всѣ трое возвратились въ совершен-

номъ здоровьѣ (*), но долго не могли привыкнуть къ хлѣбу, отъ котораго дѣлалась у нихъ въ животѣ боль съ вѣтрами, а крѣпкихъ напитковъ совсѣмъ не могли пить, и довольствовались одною водою.

Крушеніе англійскаго остъ-индскаго корабля Винтертона, погибшаго у береговъ острова Мадагаскара, 20-го Августа 1792 года, описанное третьимъ офицеромъ сего корабля.

Корабль Винтертонъ, подъ начальствомъ Капитана Дандаса, отправился изъ Гравезанда 10-го Марта 1792 года, а изъ Дили 4-го Апрѣля. Пользуясь благополучнымъ вѣтромъ, 11-го числа прошли мы англійскіе берега, и простились съ любезнымъ нашимъ отечествомъ. Капитанъ нашъ въ томъ же званіи прежде бывалъ въ Индіи; онъ имѣлъ случай пріобрѣсть опытность, и почитался весьма свѣдущимъ мореходцемъ.

Съ ними не повстрѣчалось ничего достойнаго повѣствованія до самаго прихода къ Мысу Доброй Надежды: это случилось 20-го Іюля. Тамъ, въ заливѣ, названномъ *Ложнымъ* (False Bay), запасшись водою и другими потребностями, отправились мы, на разсвѣтъ 1-го Августа, въ путь, при свѣжѣмъ вѣтрѣ отъ NW. Мы шли двое сутокъ на SO; потомъ настали переменные вѣтры между S и O, дувшіе

(*) Въ семнадцатомъ вѣкѣ, Голландская Остъ-Индская Компанія, желая сдѣлать наблюденія надъ климатомъ Гренландіи и Шпицбергена, пріискала нѣсколько отъѣзжихъ людей, согласившихся прожить въ вышепомянутыхъ странахъ; но въ продолженіе зимы оба отряда померли. Причиною сему вообще полагали востерпимые морозы; но Русскіе, зимуя часто на Новой Землѣ, а болѣе эти три человѣка, доказываютъ, что климатъ тамъ сносенъ. Должно думать, что Голландцы, будучи снабжены въ изобиліи всѣмъ нужнымъ, вели праздную жизнь, отъ которой заразились цынготною болѣзнію, ихъ погубившею; Русскіе же, напротивъ того, принуждены были находиться въ безпрестанной дѣятельности.

Прим. перев.

до 9-го числа весьма крѣпко, и наконецъ уступившіе мѣсто SW вѣтру, который однако жъ былъ непродолжителенъ: скоро задулъ опять вѣтеръ отъ SO.

При отбытіи нашемъ съ Мыса Доброй Надежды, Капитанъ Дандасъ имѣлъ намѣреніе плыть въ Индію открытымъ путемъ (*), но постоянно дувшій юго-восточный вѣтеръ заставилъ его отступить отъ сего плана: 10-го числа мы спустились въ Мозамбикскій Пролівъ. Встрѣтивъ на семъ пути тихіе переменные вѣтры и штили, корабль весьма немного подался впередъ до 19-го числа, а тогда наступилъ свѣжій вѣтеръ отъ SW, который, по всѣмъ признакамъ, былъ настоящій муссонъ; мы въ это время находились, сколько я могу припомнить (ибо жѹрналовъ спасти было невозможно), въ широтѣ 25° S.

Намъ надлежало править къ сѣверу, но капитанъ хотѣлъ прежде увидѣть мадагаскарскій берегъ по близости Залива Св. Августина, дабы не попасть на мели, называемыя *Бахосъ де Индіасъ*, которыя очень невѣрно положены (**) на нашихъ картахъ. Съ этою цѣлю мы правили на остъ по компасу отъ полудня 19-го числа до самой полночи. Въ это время я вступилъ на вахту, и, по приказанію капитана, находившагося тогда на шканцахъ, перемѣнилъ курсъ къ ONO. Капитанъ имѣлъ два хронометра, одинъ изъ коихъ употреблялся въ прежнемъ его путешествіи. Сей хронометръ показывалъ долготу съ величайшею точностью, а потому изъ выведенныхъ по немъ выкладокъ и по наблюденіямъ лунныхъ разстояній, за четыре дня предъ симъ взятымъ, и съ хронометромъ согласовавшихся, капитанъ съ полною довѣренностью заключилъ, что въ полночь ближайшій берегъ находился отъ насъ въ разстояніи 80-ти миль.

(*) The outer passage: такъ Англичане иногда называютъ путь по восточную сторону острова Мадагаскара.

Прим. перев.

(**) *Bahos de Indias*, т. е. индѣйскія мели: на новѣйшихъ англійскихъ картахъ онѣ положены весьма вѣрно.

Прим. перев.

До двухъ часовъ ночи (20-го числа) мы продолжали править на ОНО, а въ это время капитанъ, вышедши опять наверхъ, приказалъ держать на NOЮ. Ночь была свѣтлая, звѣзды блистали во всемъ своемъ великолѣпнѣ; вѣтеръ умѣренно дулъ отъ SSO, и корабль шелъ по шести миль въ часъ.

Съ бака смотрѣли впередъ со всевозможнымъ вниманіемъ, и капитанъ самъ часто ходилъ туда и смотрѣлъ въ ночную трубу, но ничего не видалъ (*). Къ несчастію, онъ такъ много полагался на свой хронометръ, что ни разу не пришла ему мысль въ голову бросить лотъ (**). Въ исходѣ третьяго часа онъ показалъ мнѣ на картѣ мѣсто корабля, который находился тогда отъ берега слишкомъ въ 60-ти миляхъ. Въ три часа капитанъ пошелъ въ каюту, и приказалъ мнѣ держать на NO, замѣтивъ притомъ, что до разсвѣта мы не можемъ на сей курсъ сдѣлать отшествія къ О болѣе шести миль; слѣдовательно, если мы къ берегу находимся ближе, чѣмъ показываетъ счисленіе наше, то все мы должны его увидѣть, прежде нежели можетъ встрѣтиться какая либо опасность.

Десяти минутъ не прошло послѣ отбытія капитана со шканцовъ, какъ при $6\frac{1}{2}$ узлахъ хода, корабль сталъ на мель. Странно покажется, что при такомъ большомъ ходѣ, ударъ былъ едва чувствителенъ: одни лишь рулевые примѣтили, что корабль напелъ на мель (***). Надобно знать,

(*) Нѣтъ ничего опаснѣе въ подобныхъ случаяхъ, полагаться на ночную трубу: когда бываетъ облачно, то въ ней облака кажутся иногда берегомъ, а часто земля сливается съ облаками, и скрывается отъ зрѣнія. Нерѣдко случается, что въ самую ясную ночь по горизонту лежитъ мрачность, которая простому глазу непримѣтна, а сквозь трубу кажется берегомъ.

Прим. перев.

(**) Англійскіе мореходцы говорятъ, что ни какой мореплаватель не можетъ безопасно главать безъ четырехъ литеръ L: Latitude (широта), Longitude (долгота), Look-out (смотри впередъ), Lead (лотъ), и это совершенная правда.

Прим. перев.

(***) Надобно думать, что въ этомъ мѣстѣ морское дно воз-

что тогда море было совершенно покойно и гладко, даже признаковъ буруна или прибоя не было. Не взирая на свѣтлую ночь и чистый горизонтъ, береговъ мы не видали. Въ это время было новолуніе, и мы стали на мель къ полную воду: два обстоятельства особенно для насъ неблагоприятныя. Мы тотчасъ послали яликъ и катеръ промѣривать: они нашли въ разстояніи менѣе полукабельтова (50 сажень) за кормою глубину пять сажень; тогда мы немедленно положили всѣ паруса на стеньгу, и хотѣли посредствомъ ихъ снять корабль съ мели, но тщетно.

Послѣ сей первой неудачи, завезли мы большой верпъ съ девяти-дюймовымъ кабельтовомъ на глубину пяти сажень, и симъ способомъ пытались стянуться, но безъ всякаго успѣха. Тогда мы закрѣпили паруса, спустили на низъ брамъ-реи и брамъ-стенги, а на воду всѣ гребныя суда и росторы; словомъ, совершенно очистили верхній декъ.

Утро показало намъ наше положеніе. Корабль стоялъ на каменномъ рифѣ въ шести миляхъ отъ берега; почти на половицѣ сего разстоянія находился другой рифъ, весь покрытый въ полную воду. Рифъ, на которомъ мы стояли, простирался къ сѣверу, пока достигало зрѣніе, а къ югу почти во всю длину Залива Св. Августина.

Когда вода пошла на убыль, то корабль сильно стало бить на камняхъ, отчего открылась въ немъ течь. Рекрытъ опредѣлили мы къ помпамъ, которыми они дѣйствовали, пока было нужно. Около осьми часовъ отбило у насъ руль и стали всплывать обшивныя доски, отрывае-
мыя отъ подводной части; тогда подъ скулами корабля было только восемь футовъ воды; но какъ онъ въ это время стоялъ покойно, то мы ласкались надеждою, что при слѣдующемъ приливѣ будемъ въ состояніи снять его съ мели. Послѣ завтрака (*) я получилъ приказаніе

въшалось къ берегу едва чувствительною пологостью, и потому корабль, коснувшись два, постепенно терялъ холъ свой, а напослѣдокъ тихо остановился.

Прим. перев.

(*) Англичане, въ самыхъ важныхъ повѣствованіяхъ, часто озвачаютъ время завтраками, обѣдами, чаями: здѣсь *послѣ завтрака* разумѣть должно въ десятомъ часу. *Прим. перев.*

бросать пушки въ воду: мы спускали по одной изъ нихъ на барказъ, и отвозили на нѣкоторое разстояніе отъ корабля, чтобы подводная часть не могла объ нихъ повредиться, когда приливъ его подниметъ. Въ то же время другой отрядъ поднималъ руль на бортъ, чтобъ его не оторвало. Мы не успѣли еще бросить половины пушекъ, какъ насталъ весьма свѣжій вѣтеръ, причинившій такой бурунъ, что гребныя суда никакъ не могли подойти къ кораблю, который, однако жъ, мы продолжали облегчать, бросая въ воду всѣ вещи, не могшія утонуть. Въ три часа пополудни приливъ дошелъ до самаго большаго своего возвышенія: тогда мы стали тащить корабль съ мели, но вскорѣ увидѣли, что всѣ наши средства, всѣ усилія были бесполезны.

Увѣрившись въ невозможности спасти корабль, мы стали помышлять о спасеніи людей. Чтобы исполнить это важное предпріятіе съ желаемымъ успѣхомъ, надлежало употребить всѣ способы, чтобъ сохранить корабль въ цѣлости столько возможно долѣе: для достиженія сей цѣли, напрягая всѣ силы, мы работали безъ отдыха. Во-первыхъ срубили мачты, отчего корабль чувствительно облегчился; потомъ подняли на палубу всѣ тѣ дерева рангоута, которыхъ не унесло теченіемъ, чтобъ сдѣлать изъ нихъ плоты. Положеніе наше въ это время было чрезвычайно опасно, ибо мы имѣли причину страшиться, что корабль, поврежденный и изломанный, всплыветъ, снесется вѣтромъ на глубину, и послѣ скоро потонетъ; но хотя всѣ обстоятельства были столь для насъ неблагопріятны, что мы не надѣялись получить ни какой пользы отъ нашего предпріятія, однако жъ мы рѣшились, во что бы ни стало, не оставлять его, и потому приготовили нѣкоторое количество солонины, сухарей, водки и другихъ съѣстныхъ припасовъ, а также нѣсколько боченковъ пороху и часть огнестрѣльнаго оружія, словомъ такія вещи, которыя мы считали необходимыми, и все это погрузили въ барказъ. А чтобъ предпріятіе свое исполнить съ лучшимъ успѣхомъ, и не лишиться кого либо отъ пьянства, къ которому въ подобныхъ сему отчаянныхъ случаяхъ, матросы обыкновенно

прибѣгаютъ (*), капитанъ приказалъ разбить всѣ бочки съ крѣпкими напитками, находившіяся наверху груза.

При захожденіи солнца второй офицеръ и комиссаръ отправились на большомъ катерѣ къ берегу, съ приказаніемъ искать удобнаго мѣста для высадки экипажа. Всѣ же другія гребныя суда поставлены были на дрекахъ за кормою корабля въ нѣкоторомъ разстояніи отъ буруновъ, и въ каждомъ изъ нихъ находилось для караула по нѣскольку человѣкъ. Капитанъ Дандасъ, по наблюденію широты въ полдень, нашелъ, что рифъ, на которомъ мы стояли, находился на 63 мили сѣвернѣ Залива Св. Августина.

Вечеромъ, капитанъ, собравъ весь экипажъ, представилъ ему, въ краткой рѣчи, положеніе корабля, и далъ наставленіе, какого пути служители должны держаться по выходѣ ихъ на берегъ, чтобъ достигъ до Залива Св. Августина, въ которомъ, вѣроятно, могли они застать какой либо корабль. Онъ особенно старался, въ самыхъ сильныхъ и убѣдительныхъ выраженіяхъ, доказать имъ необходимость строгаго повиновенія начальникамъ, а въ заключеніе сказалъ: что принадлежитъ до него самого, то онъ рѣшился въ точности исполнить свой долгъ, и не оставитъ корабля, доколѣ не увѣрится совершенно въ возможности спасти всѣхъ до послѣдняго человѣка. Эта благоразумная и мужества исполненная рѣчь возымѣла полное свое дѣйствіе: экипажъ, прокричавъ три раза ура, обѣщался безпрекословно исполнять повелѣнія офицеровъ.

Около полуночи по кораблю сдѣлалась страшная тревога, происшедшая отъ отдаленнаго крика людей, просив-

(*) У слабыхъ начальниковъ англійскіе и французскіе матросы точно прибѣгаютъ къ сему средству позабыть свое горе. Испанцы и Португальцы въ опасностяхъ обыкновенно молятся предъ образомъ и ничего болѣе не дѣлаютъ; но русскій матросъ долженъ сердцемъ молиться, а тѣломъ работать. Я никакъ не могу повѣрить, чтобъ наши люди когда либо, въ какомъ бы отчаянномъ положеніи ни было, перепились, когда имъ не будетъ дано къ тому повода *примѣромъ*.

шихъ помощи. Вникнувъ въ крикъ бѣдствующихъ, мы узнали, что три наши гребныя судна разбило въ куски бурунами, которые отъ усилившагося въ продолженіе ночи вѣтра увеличились и распространились далѣе, нежели мы ожидали. Съ величайшею горестію и ужасомъ взирали мы на несчастныхъ, употреблявшихъ послѣднія свои силы, чтобъ доплыть до корабля, вопреки сильныхъ буруновъ, на пагубу ихъ стремившихся. На корабль употребляли всѣ средства подать имъ помощь; но, при всемъ нашемъ стараніи, намъ удалось спасти только троихъ изъ десяти человекъ; нѣкоторые уже въ самый тотъ моментъ, какъ хотѣли ухватиться за спущенныя къ нимъ веревки, были волненіемъ удалены отъ насъ изъ виду, и погибли! Такимъ образомъ мы лишились послѣдняго возможнаго средства переѣхать на берегъ. Между тѣмъ корабль било о камень такъ сильно, что мы сомнѣвались, будетъ ли онъ въ состояніи выдерживать эти удары до утра. Удобнѣе себѣ представить, нежели описать ужасъ нашего положенія въ эту страшную ночь!

Съ развѣтомъ 21-го числа, мы начали готовить плоты изъ бывшаго у насъ рангоута и досокъ, а чтобъ достать сколько возможно болѣе снѣ послѣднихъ съ кубрика, мы выбросили въ море всѣ канаты и кабельтовы. Сверхъ того, поставивъ подпоры подъ ютъ, перерубили въ концахъ бимсы его, и отдѣлили его отъ корабельныхъ стѣлъ, съ намѣреніемъ употребить вмѣсто плота.

Около девяти часовъ утра большой нашъ катеръ, проѣхавъ съ величайшимъ трудомъ и опасностью чрезъ буруны отъ берега, приблизился къ кораблю, но мы велѣли ему держаться вдали, ибо пристать къ борту не было ни какой возможности. Находившіеся на катерѣ увѣдомили насъ, что у берега по всему пространству, на которое могли они видѣть, ходитъ страшный прибой. Капитанъ опять поѣхалъ къ берегу, и послѣ того мы не видали его уже нѣсколько дней.

Послѣ полудня около осьмидесяти человекъ отправились съ корабля на четырехъ плотяхъ, и достигли берега благополучно. Между тѣмъ спасеніе оставшихся на кораблѣ, по

неимѣнно гребныхъ судовъ, было крайне сомнительно. Сильная и непреоборимая любовь къ жизни заставляла, въ сіи пагубныя минуты, cadaго помышлять о своемъ собственномъ спасеніи. Она заставила Капитана Дандаса нарушить давнее имъ экипажу общашіе: въ самое то время, когда присутствіе его на корабль было наиболѣе нужно, онъ изъявилъ желаніе проводить дамъ на берегъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ въ бѣдственномъ ихъ положеніи, служить имъ подпорою и утѣшеніемъ. Отъ сего намѣренія однако жъ его отклонили, и убѣдили не сѣзжать съ корабля, на которомъ онъ оставался до того времени, что уже поздно было думать о спасеніи.

Сего числа морской вѣтеръ дулъ сильнѣе, нежели прежде, слѣдовательно и бурунъ былъ болѣе. Къ вечеру онъ еще увеличился и подорвалъ кабельтовъ, на которомъ корабль стоялъ кормою къ вѣтру, отчего его поворотило и положило бокомъ на каменья; тогда бурунъ сталъ ходить прямо чрезъ него. Въ семь часовъ корабль переломился въ шкафутахъ; тогда весь экипажъ бросился на ютъ и на шканцы. Въ это время я видѣлъ въ послѣдній разъ Капитана Дандаса, стоявшаго съ дамами на ютѣ. Г. Чамберсъ (*) не хотѣлъ ничего предпринимать для своего спасенія, и когда его къ тому уговаривали, онъ отвѣчалъ, что онъ увѣренъ въ недостатокъ своихъ силъ; слѣдовательно, что бъ онъ ни предпринялъ, все будетъ бесполезно; онъ съ великимъ равнодушіемъ и твердымъ упованіемъ на Бога ожидалъ конца своей жизни, советуя каждому заботиться о своемъ спасеніи. Вскорѣ послѣ сего корабль разломился на части; тогда послѣдовало явленіе, столь ужасное, какого, можетъ быть, никогда не случалось. Въ минуту я, съ четвертымъ и пятымъ офицеромъ (**), бро-

(*) Онъ долженъ быть первый офицеръ по капитанѣ.

Прим. перев.

(**) На англійскихъ остъ-индскихъ корабляхъ они называются помощниками (mate), разумѣется, капитанскими, а иногда просто офицерами; старшинство ихъ между собою различается первымъ, вторымъ и проч.; ихъ иногда бываетъ до десяти человекъ.

Прим. перев.

сились на плотъ, нарочно нами приготовленный, и оттолкнули его отъ корабля. Насъ быстро повнесло отъ него, и вскорѣ удалось на такое разстояніе, что мы не могли уже слышать провзительнаго вопля отчаянія, происходившаго отъ двухъ сотъ несчастныхъ, вмѣстѣ погибавшихъ! Такое явленіе легче себѣ представить чѣмъ описать.

Насъ всю ночь несло по вѣтру, и мы каждую минуту ожидали встрѣтить берегъ; но сколь велико было наше удивленіе, когда по разсвѣтѣ не могли нигдѣ видѣть земли. Зная, однако жъ, направленіе, въ которомъ она отъ насъ находилась, мы употребили всѣ наши силы за веслами, и были столь счастливы, что въ три часа пополудни 22-го числа вышли на берегъ.

Мы направили путь свой по берегу въ полуденную сторону, и на дорогѣ нашли корабельный ютъ, который принесло къ берегу; на немъ спаслось шестьдесятъ человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько пассажировъ и пять дамъ. Послѣднія отъ страха и чрезвычайныхъ трудовъ были весьма изнурены, и заслуживали всякаго состраданія. Спасшіеся на ютѣ ничего немогли сказать о Капитанѣ Дандаѣ, но я послѣ уже слышалъ отъ нашего тимермана, что когда ютъ былъ спущенъ на воду, тогда правый бордъ, отломившись, поворотился горизонтально, и въ это самое время водою вынесло капитана изъ боковой галереи, а потомъ онъ уже не показывался.

Остальные люди переправились на берегъ на корабельныхъ обломкахъ, или переѣхали на лодкахъ жителей, пріѣзжавшихъ на корабль съ намѣреніемъ чѣмъ нибудь поживиться; но всѣ они не прежде перебрались, какъ въ Воскресенье, 26-го числа. При семъ кораблекрушеніи погибли Капитанъ Дандаѣ, Г. Чамберсъ, три молодыя дамы и сорокъ восемь матросовъ и солдатъ. Множество вещей было выброшено на берегъ, но жители завладѣли всѣмъ, что только имѣло какую либо цѣну, угрожая притомъ смертію тѣмъ изъ Англичанъ, которые хотѣли имъ противиться. Будучи и симъ недовольны, варвары начисто насъ ограбили и даже отняли платье у несчастнаго экипажа. Такое расположеніе жителей и потеря гребныхъ судовъ поста-

вили насъ въ совершенную невозможность спасти деньги или часть богатаго груза, находившагося въ кораблѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего спасенія прибыли мы въ мѣстечко Талияръ, резиденцію короля земли Бабы. Сему владѣтелю мы весьма много обязаны за благосклонность и человѣколюбіе, которыя онъ не преставаѣ намъ оказывать во все время пребыванія нашего въ его владѣніяхъ.

По прибытіи въ Талияръ, нѣсколько дней мы очень безпокоились объ участи большаго нашего катера, отъ цѣлости коего зависѣло избавленіе наше; ибо позднее время не позволяло намъ надѣяться, чтобъ въ нынѣшнемъ году могъ зайти сюда какой либо корабль. Къ счастью, прибытіе катера избавило насъ отъ сей заботы; мы привели его въ городъ и приставили караулъ, чтобъ жители, для полученія изъ него желѣза не изломали его. Это они сдѣлали бы непременно, если бъ мы не находились въ королевской столицѣ.

Въ совѣтѣ офицеровъ положено было мнѣ отправиться въ Мозамбикъ, и стараться нанять тамъ судно, и для сей поѣздки исправить катеръ со всевозможною поспѣшностью. По недостатку инструментовъ и другихъ необходимыхъ вещей, наши плотники не могли сдѣлать всѣхъ нужныхъ въ катерѣ передѣлокъ, а только положили фальш-киль, и возвысили бортъ на пять дюймовъ. Въ парусахъ мы нужды не имѣли. Къ счастью нашему, у насъ былъ и компасъ; октантъ мы нашли на берегу; но не имѣли ни какой карты и не было у насъ ни одной навигаціонной книги: небольшому географическому лексикону, которымъ снабдилъ меня одинъ изъ нашихъ солдатъ, суждено было въ послѣдствіи спасти жизнь нашу,

Окончивъ приготовленіе катера, отправился я изъ Талиярскаго Залива 12-го Сентября. Со мною поѣхали четвертый офицеръ, четыре матроса и Г. Суза, одинъ изъ пассажировъ, который намъ былъ нуженъ для португальскаго языка. Два дня мы плыли довольно скоро къ сѣверу, при западномъ вѣтрѣ, который вскорѣ перешелъ къ NNO, и послѣ того никогда уже не былъ намъ попутнымъ. Съ этимъ

горемъ соединилось другое: мы нашли, что весь запасъ нашъ съѣстнаго, состоявшій въ лепешкахъ изъ майса и солонины, попортился и былъ наполненъ червями; и такъ мы не имѣли другой нищи, кромѣ сыраго сладкаго картофеля, сахарныхъ тростей и прѣсной воды по четверти бутылки въ день на человѣка.

20-го Сентября увидѣли мы африканскій берегъ близъ 18° южной широты: теченіемъ снесло насъ гораздо далѣе къ западу, нежели какъ мы ожидали. Трое сутокъ мы старались сколько возможно податься къ сѣверу, но постоянный вѣтеръ отъ NO препятствовалъ намъ. Имѣя недостатокъ въ водѣ, мы перестали упорствовать, и вмѣсто Мозамбика, пошли, по наставленію вышепомянутаго лексикона, къ португальскому селенію Софалѣ, находящемуся въ 20° 30' южной широты.

На пути къ селенію мы заходили въ двѣ рѣки, полагая, что оно при нихъ находится. Въ послѣдней изъ сихъ рѣкъ нашли мы нѣсколько человѣкъ, умѣвшихъ говорить по-португальски. Они совѣтовали намъ извѣстить правителя мѣста о намѣреніи нашемъ итти въ Софалу. Узнавъ о нашемъ положеніи, онъ немедленно прислалъ къ намъ письмо, достаточное количество съѣстныхъ припасовъ и лоцмана для препровожденія насъ въ вышеозначенное мѣсто, въ которое прибыли мы 29-го Сентября. Посредствомъ Г. Сузы извѣстили мы губернатора о постигшемъ насъ бѣдствіи, прося его помощи и совѣта. Онъ принималъ насъ съ непритворнымъ состраданіемъ, снабдилъ платьемъ, въ коемъ мы имѣли надобность, и совѣтовалъ намъ ни о чемъ болѣе не заботиться, какъ только о поправленіи здоровья и о восстановленіи нашихъ силъ; но при всемъ томъ мы замѣтили въ обращеніи его съ нами нѣкоторую недовѣрчивость и подозрѣніе. Вѣроятно, онъ не вѣрилъ сказанному нами, и принималъ насъ за отрядъ экипажа какого нибудь французскаго корабля, пришедшаго къ здѣшнимъ берегамъ ловить негровъ въ неволю.

Подозрѣніе его, однако жъ, скоро миновалось: тогда онъ увѣдомилъ насъ, что сюда приходитъ только одно

судно каждый годъ, что оно ушло за мѣсяцъ предъ симъ, и не прежде возвратится, какъ въ Іюнь будущаго года; что теперь сѣверовосточный муссонъ уже насталъ, слѣдовательно въ это время года намъ невозможно достичь мозамбикскаго берега; но если мы желаемъ, то онъ насъ снабдитъ всѣмъ нужнымъ и дастъ провожатыхъ, которые доведутъ насъ до Сенны, португальскаго селенія, находящагося въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Но предпріятіе это онъ представилъ намъ съ такой неблаговидной стороны, что мы тотчасъ отказались отъ него, а обратились къ губернаторскому боту, который величюю былъ съ барказъ остъ-индскаго корабля. Мы просили губернатора продать намъ ботъ; сначала онъ колебался, напоследокъ рѣшился удовлетворить насъ.

Получивъ, посредствомъ губернатора, все нужное для нашего плаванія, мы 12-го Октября отправились въ путь. Но злой рокъ не преставалъ насъ гнать: послѣ трехъ дней, въ которые мы непрерывно имѣли противные вѣтры, и прошли не болѣе сорока миль, вдругъ открылась въ нашемъ ботѣ столь опасная течь, что со всѣмъ нашимъ стараніемъ мы едва могли удерживать его на поверхности воды. Я не буду здѣсь описывать всѣхъ угрожавшихъ намъ бѣдствій, кои встрѣтили мы до вторичнаго прибытія нашего въ Софалу, что случилось 22-го Октября.

Теперь губернаторъ, къ величайшему нашему удивленію, принялъ насъ совсѣмъ не такъ, какъ прежде. Призвавъ меня и Г. Вильтона, четвертаго офицера, онъ намъ велѣлъ приготовиться ѣхать въ Кильманъ съ курьеромъ, котораго онъ туда отправляетъ съ дѣлами. Тщетно представляли мы ему слабое наше здоровье, разстроенное безпрестанными трудами и несчастіемъ; тщетно умоляли его дать намъ время и способы поправить его и укрѣпиться въ силахъ: онъ былъ непреклоненъ. Тогда мы стали его просить о доставленіи намъ средствъ совершить это путешествіе безъ изнуренія себя; послѣ нѣкоторыхъ отговорокъ онъ наконецъ согласился дать намъ *палаккинъ* (*),

(*) Такъ называются въ Индіи посылки, наподобіе люлекъ.

но рѣшительно отказалъ во всякомъ пособіи Г. Сузѣ и матросамъ. Такое различіе мы отвергли съ презрѣніемъ, и доставъ нѣсколько сукна, на которое можно было бы по дорогѣ вымѣнивать себѣ пищу, выѣхали изъ Софалы 1-го Ноября.

До 20-го числа того же мѣсяца мы перешли болѣе двухъ сотъ миль по безплодной, малолюдной странѣ, вѣроятно, опустошенной торгомъ невольниками, по берегамъ Мозамбика производимымъ. Часто случалось, что на разстояніи сорока миль не видали ни одной хижины, не встрѣчали ни одного человѣка! Всякую ночь мы раскладывали вокругъ себя огни: это спасало насъ отъ лютой хищныхъ звѣрей, коими страна сія наполнена! Но чрезмѣрные жары и необходимость путешествовать въ дневное время изнурили насъ до крайности. Дѣѣ недѣли мы находились въ самомъ отчаянномъ положеніи; пока сенскій губернаторъ, услышавъ объ насъ, не прислалъ за нами паланкиновъ, при помощи коихъ мы прибыли въ Сенну 6-го Декабря. Здѣсь принято было объ насъ всевозможное попеченіе, сверхъ коего мы пользовались еще пособіемъ лекарей. Не взирая на то, Г. Вильтонъ, четвертый офицеръ, молодой, достойный человѣкъ и весьма дѣятельный, искусный мореходецъ, и двое матросовъ лишились жизни во время пребыванія нашего въ семь мѣстѣ.

При первомъ извѣстіи, что судно было готово итти въ море, мы оставили Сенну, и чрезъ нѣсколько дней прибыли въ Кильмантъ, откуда отправились на шлюпѣ, а 12-го Февраля 1793 года пришли въ Мозамбикъ, спустя пять мѣсяцевъ послѣ отбытія нашего съ острова Мадагаскара.

Мы тотчасъ явились къ губернатору, и увѣдомили его о разбитіи нашего корабля и обо всѣхъ происшествіяхъ, случившихся съ нами съ самаго отъѣзда нашего съ Мадагаскара. Я также объявилъ ему, что мы посланы несчастными своими товарищами просить помощи у Мозамбикскаго Правительства, въ надеждѣ, что оно отправитъ

Онѣ служатъ тамъ вмѣсто городскихъ и дорожныхъ экипажей.

Прим. перес.

судно для ихъ избавленія. Губернаторъ увѣрялъ насъ, что нѣтъ человѣка въ свѣтѣ, который бы чувствовалъ болѣе его состраданія о несчастныхъ нашихъ товарищахъ, и имѣлъ столько рвенія какъ онъ, оказать имъ всякую помощь; но теперь не находить ни какой возможности удовлетворить нашей просьбѣ и собственному своему желанію, ибо въ гавани нѣтъ ни одного судна, принадлежащаго Ея Величеству Королевѣ Португальской.

Послѣ сего отзыва, я счелъ себя въ правѣ нанять частное судно отъ имени *почтенной* (*) Остѣ-Индской Компаніи. Долгъ благодарности обязываетъ меня сказать, что въ этомъ дѣлѣ губернаторъ весьма много мнѣ содѣйствовалъ и помогъ въ самоскорѣйшемъ времени приготовить нанятой корабль къ отправленію въ путь.

Мы вышли изъ Мозамбика 1-го Марта, и послѣ двадцатитрехъ дневнаго, скучнаго плаванія прибыли въ Заливъ Св. Августина, откуда я немедленно отправился въ Талиаръ, желая скорѣе извѣстить моихъ товарищей о прибытіи судна, назначеннаго для ихъ избавленія. Не умѣю найти выраженій, достаточныхъ изобразить въ надлежащемъ видѣ ужасное состояніе, въ которомъ нашелъ я тѣхъ изъ нихъ, кои остались въ живыхъ! Терзаемые отчаяніемъ, они страдали еще заразительною горячкою, не имѣя ни какого врачебнаго пособія; ибо всѣ наши лекарства погибли вмѣстѣ съ кораблемъ. Будучи также лишены потребностей жизни, къ коимъ они съ ребячества привыкли, почти половина изъ нихъ не нашлись въ состояніи вытерпѣть стеченія столь многихъ гибельныхъ обстоятельствъ и лишились жизни: я засталъ только 230 человѣкъ, включая пассажировъ. По слабости, въ коей они находились, я никакъ не могъ перевезти ихъ на корабль скорѣе десяти дней. Наконецъ, 3-го Апрѣля, мы оставили пагубные намъ берега Мадагаскара, а 11-го прибыли въ Мозамбикъ. На пути померли семь человѣкъ, изъ коихъ двое были пассажиры.

(*) Nonpourable: титуло сіе принадлежитъ Англійской Остѣ-Индской Компаніи по грамотѣ, въ силу коей она составилась и существуетъ.

Прим. перев.

Губернаторъ и жители Мозамбика имѣютъ полное право на нашу благодарность. Безпомощное наше положеніе возбудило въ нихъ чувства состраданія, приносящія имъ честь. Они приготовили госпитали для больныхъ, и наперерывъ старались оказывать всевозможное пособіе и вниманіе всѣмъ прочимъ, а особливо дамамъ. Хотя больнымъ было сдѣлано всякое возможное по мѣстнымъ обстоятельствамъ пособіе, но, по причинѣ вреднаго климата, здоровье ихъ не скоро восстанавливалось, и въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ лишились жизни еще около тридцати человѣкъ; между тѣмъ болѣзнь прочихъ не прекращалась. А такъ какъ и теперь ни какого казеннаго португальскаго судна здѣсь не было, то я, съ согласія своихъ офицеровъ, рѣшился опять на счетъ компаніи нанять судно для доставленія оставшихся въ живыхъ въ Мадрасъ.

Мы оставили Мозамбикъ 10-го Іюня, а 13 го числа стали на якорь въ Джоаниѣ, чтобъ запастись съѣстными и другими потребностями. При пособіи добросердечныхъ жителей сего острова, мы скоро получили все нужное, и отправились далѣе. Въ это время обманчивая надежда увѣряла насъ, что мы уже преодолѣли всѣ препятствія и затрудненія, и заставила воображеніемъ предупреждать удовольствія, ожидавшія насъ въ Мадрасѣ, но судьба, одному Богу покорная, расположила иначе: 7-го Іюля, въ широтѣ 5°, 40' сѣверной взялъ насъ французскій корсеръ съ Острова Маврикія, называемый ле-Мютенъ. Мы тогда не знали, что между Англіею и Франціею объявлена война.

Непріятель, взявъ на свой корсеръ Поручика Броунирга, меня и 22 матросовъ и солдатъ, отправилъ свой отрядъ на наше судно, съ повелѣніемъ итти немедленно къ Острову Маврикія, самъ же пошелъ въ крейсерство, въ продолженіе коего мы много страдали отъ воспоминанія нашихъ бѣдствій. Страданіе наше, въ нѣкоторой степени, облегчалось ласковымъ обхожденіемъ капитана и офицеровъ корсера.

Корсеръ продолжалъ свое крейсерство до 15-го Іюля, а сего числа напалъ на голландскій остъ-индскій корабль Цеймонъ, подъ начальствомъ Капитана Мунтса, стоявшій

на рейдѣ Тутекоринтѣ; но послѣ, сраженія, продолжавшагося четверть часа, Голландецъ одержалъ верхъ надъ Французомъ: корсеръ спустилъ флагъ и отдался въ плѣнъ, къ величайшему моему и товарищей моихъ удовольствію.

Старые наши союзники почли за счастье представившійся имъ случай освободить Англичанъ изъ плѣна. Мы отправились въ Балламкотай, гдѣ велѣно было приготовить для насъ большой ботъ, на которомъ прибыли мы въ Мадрасъ 20-го Августа 1793 года: ровно чрезъ годъ послѣ случившагося съ кораблемъ нашимъ несчастія.

Объ участи нашихъ товарищей, отправившихся на корсеръ къ Острову Маврикія, не взирая на всевозможное стараніе, какое Остъ-Индская Компанія прилагала, чтобъ объ нихъ развѣдать, ничего никогда не открылось!

*Гибель англійскаго 32-хъ-пушечнаго фрегата
Амфіона, взорваннаго на воздухъ въ Гамозъ (*),
22-го Сентября 1796 года.*

Фрегатъ Амфіонъ, подъ начальствомъ Капитана Изрэаля Пелю, крейсеровалъ нѣсколько времени въ Сѣверномъ Морѣ, потомъ получилъ повелѣніе присоединиться къ эскадрѣ фрегатовъ, находившейся подъ командою Сира Эдуарда Пелю (**). На семъ переходѣ потерпѣлъ онъ жестокую бурю, повредившую у него фокъ-мачту. Поврежденіе это заставило его возвратиться въ Плимутъ, портъ, въ которомъ

(*) Намоазе: такъ называется Плимутская Гавань.

Прим. перев.

(**) Братъ родной начальника фрегата Амфіона: я замѣтилъ это для того, мнѣ что случилось слышать, какъ нѣкоторые любители Англичанъ утверждали, будто по ихъ морскимъ законамъ братъ у брата не можетъ служить подъ начальствомъ; напротивъ того, это у нихъ такъ же часто бываетъ, какъ и у другихъ. По службѣ почти нельзя слѣдять, чтобъ одинъ братъ не былъ подъ начальствомъ у другаго; но для блага службы и самихъ участвующихъ лучше, если подчиненность эта не будетъ непосредственная.

Прим. перев.

онъ первоначально вооружался. 19-го Сентября онъ пришелъ въ Зундъ (*), а на другой день поутру вошелъ въ гавань.

22-го числа около половины пятого часа пополудни раздался по всему Плимуту и окружнымъ мѣстамъ страшный ударъ, подобный сильному землетрясенію, и въ то же время небо надъ гаванью приняло красный, огненный цвѣтъ. Улицы тотчасъ наполнились народомъ, толпившимся въ страхѣ и смятеніи: всѣ спрашивали другъ друга о причинѣ столь необыкновеннаго явленія, и не прежде какъ чрезъ четверть часа стало извѣстно, что оно произошло отъ взрыва фрегата, стоявшаго въ гавани.

Когда замѣшательство и смущеніе, произведенныя этимъ страшнымъ происшествіемъ, миновались, гребныя суда немедленно поѣхали собирать по гавани носившіяся тѣла и разорванные члены погибшихъ мореходцевъ. Многие изъ несчастныхъ, оставшіеся въ живыхъ, были ужаснымъ образомъ обезображены и изуродованы: ихъ тотчасъ отправили въ королевскій госпиталь. Амфіонъ первоначально вооружался въ Плимутѣ, слѣдовательно большая часть служившихъ на немъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ имѣли въ этомъ городѣ родственниковъ и знакомыхъ. Нельзя себѣ представить безъ содроганія и жалости того явленія, которое послѣдовало, когда жители узнали о гибели фрегата. Мужчины, женщины, дѣти толпами собирались къ запертымъ госпитальнымъ воротамъ, и настоятельно требовали, чтобъ ихъ впустили принять послѣдній вздохъ умирающихъ своихъ друзей или родныхъ, или отыскать тѣла уже погибшихъ; ибо всѣ, какъ цѣлыя мертвыя тѣла, такъ и оторванныя части, были собраны и отвезены въ госпиталь.

Въ первый вечеръ ничего не было извѣстно о причинѣ несчастія, хотя щедрая на новости молва, по обыкновенію своему, мгновенно пустила въ народъ разные толки. На другой день оставшіеся въ живыхъ пришли

(*) Sound: такъ называется одинъ изъ плимутскихъ рейдовъ.

Прим. перев.

нѣсколько въ чувство; но они не только не могли сказать достоверно, но даже и не имѣли ни какого подозрѣнія, отчего бы случилось такое происшествіе. Изъ принесенныхъ въ госпиталь служителей одинъ матросъ умеръ того же вечера, другой слѣдующаго утра; боцманъ и одинъ матросъ подавали надежду, что при неусыпномъ попеченіи медиковъ, могутъ вылечиться; но четыре человѣка, находившіеся при взорваніи фрегата на марсѣ, не потерпѣли большого вреда; они взяты были на шлюпку, и здоровье ихъ скоро возстановилось. Только эти шесть человѣкъ, да еще капитанъ, два лейтенанта и одна матросская жена изъ всего экипажа не лишились жизни.

Въ послѣдствіи Главнокомандующій въ портѣ Адмиралъ, Сиръ Ричардъ Кингъ, собралъ о семъ происшествіи слѣдующія свѣдѣнія:

Одинъ изъ мичмановъ брандвахтеннаго фрегата Кембриджа, стоявшаго недалеко отъ Амфіона, объявилъ, что смотря на фрегатъ въ зрительную трубу, какъ на немъ ставили бушпритъ, увидѣлъ, что онъ вдругъ поднялся прямо вверхъ, до того, что киль почти вышелъ изъ воды, и въ эту самую секунду послѣдовалъ взрывъ: мачты, казалось, перпендикулярно поднялись на воздухъ, а днище пошло на дно чрезъ двѣ минуты.

Мастеровой, стоявшій на пристани въ арсеналѣ, объявилъ, что вдругъ услышалъ онъ какой-то шипящій шумъ, и тогда же фрегатъ взорвало: мачты, казалось ему, первыя подыались на воздухъ. Симъ ударомъ перебило множество стеколъ въ стоящихъ по близости гавани домахъ, и даже въ Плимутѣ (*) тряслись окна; но корабли и другія суда, находившіеся въ гавани недалеко отъ Амфіона, были такъ счастливы, что не претерпѣли ни какого вреда.

Фрегатъ готовился на другой день итти въ походъ, и потому во время взрыва находилось на немъ до ста человѣкъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, пріѣхавшихъ про-

(*) Городъ Плимутъ отъ гавани находится въ разстояніи верстъ двухъ съ половиною.

Прим. перев.

щаться съ своими знакомыми, а также у капитана и у офицеровъ обѣдали гости (*).

У Капитана Пелю, въ числѣ прочихъ гостей, были первый его лейтенантъ и корабля Оверъ-Изеля Капитанъ Свафильдъ; они сидѣли за столомъ, когда послѣдовало сначала мгновенное, сильное, необычайное дрожаніе фрегата: тогда Капитанъ Пелю въ ту же секунду бросился сквозь кормовое окно въ воду и спасся; онъ ушибъ только лице, ударившись о карлисъ, когда дрожаніемъ фрегата приподняло его со стула. Первый лейтенантъ также бросился за бортъ и выплылъ на берегъ, но Капитанъ Свафильдъ не имѣлъ столько присутствія духа: онъ погибъ съ прочими (**).

Горестное это происшествіе приписывали разнымъ причинамъ: одни увѣряли, что оно случилось отъ небреженія, ибо огонь на кухнѣ не былъ погашенъ, когда разряжали пушки; но первый лейтенантъ опровергъ это подозрѣніе, доказавъ, что пушки были разряжены до прибытія фрегата въ гавань, и что во время сего происшествія ключъ и печать отъ крѣйтъ-камеры находились въ его каютѣ. Другіе утверждали, что фрегатъ взорванъ измѣною, съ намѣреніемъ; ибо нѣсколько тѣлъ найдено безъ всякаго платья, слѣдовательно эти люди ожидали взорванія и приготовились спасти себя. Но экипажъ Амфіона никогда не показывалъ ни малѣйшей наклонности къ бунту, и всегда велъ себя примѣрно хорошо, слѣдовательно никакъ нельзя повѣрить, чтобъ кто нибудь на немъ покусился на такое

(*) Сколь судьбы Божіи несповѣдимы! Одинъ всю жизнь свою проводить среди опасностей на морѣ, и въ глубокой старости покойно умираетъ на берегу; другой страшится луки, но пріѣзжаетъ на корабль попировать, и погибаетъ на немъ!

Прим. перев.

(**) За сямъ слѣдуютъ три или четыре страницы, на которыхъ сочинитель исчисляетъ имена, званія и достоинства особъ, бывшихъ на фрегатѣ въ гостяхъ, и погибшихъ вмѣстѣ съ экипажемъ; также кто еще были званы, но, какъ бы предчувствуя, отклонились; кто хотѣлъ быть, но не успѣлъ, и проч.

Прим. перев.

отчаянное дѣло. Что же касается до тѣлъ, найденныхъ безъ платья, то вездѣ есть злодѣи, готовые пользоваться несчастіемъ ближняго, что при пожарахъ весьма часто случается: легко могло стать, что ихъ раздѣли и опять пустили на воду.

Взорваніе сперва сдѣлалось въ передней крѣйтъ-камерѣ; если бѣ оно случилось въ задней, то произошло бы гораздо болѣе вреда. Лишь послѣдовалъ взрывъ, какъ Адмиралъ Кингъ тотчасъ всталъ изъ-за стола и поѣхалъ на старый корабль, принадлежащій Амфіону (*). Тамъ взорамъ его представилось самое ужасное и трогательное зрѣлище. Верхняя палуба была покрыта кровью; мѣстами лежали на ней почернѣвшія отъ пороха, обезображенныя части человѣческихъ тѣлъ и внутренности; обрывки вымпела и свастей фрегата Амфіона висѣли по бордамъ корабля, а кругомъ его плавали изломанные члены, и проч.

Въ продолженіе многихъ дней гребныя суда собирали по гавани и доставали изъ воды разныя вещи, принадлежавшія фрегату. Между прочими былъ вытасченъ мѣшокъ съ порохомъ, покрытымъ сухарями. Это обстоятельство подтвердило подозрѣніе, которое нѣкоторые имѣли на артиллерійскаго офицера, что онъ кралъ порохъ, и продавалъ на берегу. Въ тотъ день поутру видѣли его въ Плимутѣ, въ пьяномъ образѣ, а потому и заключили, что когда на фрегатѣ всѣ спѣшили приготовиться къ походу, угощали своихъ друзей и прощались съ ними, то онъ, пользуясь общими суетами, пробрался въ крѣйтъ-камеру, гдѣ нечаянно зажегъ, порохъ и былъ причиною пагубнаго происшествія (**).

(*) Когда англійскіе корабли входятъ для починки въ гавань, имъ даются старыя военныя суда: корабли, фрегаты и проч., смотря по надобности; подлѣ ихъ они становятся, связать на нихъ свои вещи, и экипажъ на время исправленія своего корабля въ нихъ помѣщается: у Англичанъ есть имена для такого рода судовъ: *receiving ship, hulk*, а у насъ нѣтъ.

Прим. перев.

(**) Въ морскихъ законахъ всѣхъ европейскихъ державъ

Крушеніе корабля Бангалора , подѣ начальствомъ Капитана Линча, погибшаго на коралловой мели въ Индѣйскомъ Морѣ, 12-го Апрѣля 1802 года.

Кораблю Бангалору надлежало плыть съ острова Амбоина въ городъ Балби, что на островѣ Ломбокѣ, а оттуда въ Батавію. 12-го Апрѣля, въ девять часовъ вечера, находясь по наблюденіямъ и хронометрамъ въ широтѣ 7° 38' южной, долготѣ 120° 45' восточной, корабль сталъ на неизвѣстную коралловую мель, имѣвшую, какъ по разсвѣтѣ оказалось, около трехъ миль длины отъ N къ S, и мили двѣ въ ширину. Западная сторона мели въ малую воду обсыхала и обнаруживала каменья, похожіе на индѣйскія суда, именуемыя проу, подѣ парусами. Лишь только корабль сталъ на мель, капитанъ тотчасъ приказалъ спустить гребныя суда на воду, и завести съ кормы плехтъ и даглыкъ, а съ носу одинъ изъ запасныхъ якорей, чтобъ симъ способомъ не допустить корабля, на банку, и снять его при полной водѣ. Служители и пассажиры тѣтено напрягали всѣ свои силы спасти корабль, ибо банка эта столь приглуба, что завезенные якоря со ста двадцатью саженьями каната, находились не многимъ далѣе отъ корабля, какъ на обыкновенный штагъ-вейсъ.

Не взирая на сильные удары, кораблемъ претерпѣваемые, онъ до полуночи вовсе не имѣлъ течи, а тогда вдругъ повалился на лѣвую сторону, и вода тотчасъ вы-

строго предписано наблюдать величайшую осторожность въ крѣпкѣ-камерѣ; даже именно означено, какимъ образомъ поступать при входѣ въ это опасное мѣсто; но, къ сожалѣнію, предписанія не всегда исполняются какъ должно. Не рѣдко случается, что канониры бываютъ тамъ, имѣя металлическія пуговицы, въ карманахъ ключи или ножи, и никто объ этомъ не заботится. Капитанъ, которому правительство ввѣряетъ корабль и экипажъ, обязанъ пещись о сохраненіи ихъ; слѣдовательно долгъ его есть неослабно смотрѣть, чтобъ всѣ осторожности, предписываемыя уставомъ, соблюдались во всей точности.

Прим. перев.

ступила на палубу. Экипажъ прежде еще, для облегченія корабля, бросилъ за бордъ множество разныхъ тяжестей и нѣкоторое количество баласта, но, къ несчастію, всѣ эти мѣры были бесполезны, а теперь уже выливаніе воды ведрами и помпами ни къ чему не служило, ибо подводная часть на лѣвой сторонѣ, при паденіи корабля на бокъ, совсѣмъ проломилась.

Лишась надежды спасти корабль, экипажъ сталъ помышлять о своемъ собственномъ спасеніи; на сей конецъ спустили на воду весь настоящій и запасный рангоутъ, и начали дѣлать плотъ. Когда корабль сталъ на мель, ходила большая зыбь, а теперь, къ счастью, она чувствительно уменьшилась, и тѣмъ дала способы экипажу спасти себя; иначе большая часть его долженствовала погибнуть.

На другой день, въ три часа пополудни, плотъ былъ совсѣмъ готовъ: тогда Капитанъ Линчъ помѣстилъ на него шестьдесятъ человѣкъ нижнихъ чиновъ подъ начальствомъ втораго офицера; самъ сѣлъ на шлюпку; старшему офицеру приказалъ ѣхать на ялѣ, а три голландскіе офицера съ семействами, бывшіе пассажирами, и артиллерійскій офицеръ помѣстились въ барказѣ. Сдѣлавъ это распоряженіе, капитанъ приказалъ гребнымъ судамъ взять плотъ на буксиръ, и отправился со всѣмъ экипажемъ къ ближайшему острову подлѣ Мангерая. Въ двое сутокъ не могли они доѣхать до острова, по причинѣ противнаго вѣтра и сильнаго теченія къ сѣверу, а въ ночи на 15-е число, отъ свѣжаго вѣтра сдѣлалась въ барказѣ течь, принудившая его оставить буксиръ. Поутру Капитанъ Линчъ съ двумя гребными судами, находясь довольно далеко отъ барказа, хотѣлъ къ нему приблизиться; но, къ великому его удивленію и горести, барказъ спустился отъ него на востокъ, поставилъ паруса и скоро скрылся изъ вида. Капитанъ Линчъ никакъ не могъ постигнуть причины сему дѣйствию артиллерійскаго офицера, котораго онъ ни мало не считалъ способнымъ сдѣлать какой либо безчестный поступокъ.

Будучи оставленъ въ такомъ безпомощномъ положеніи,

капитанъ не могъ съ своими гребными судами оказать ни какой помощи находившимся на плоту, ибо не имѣлъ ни воды, ни съѣстныхъ припасовъ; равнымъ образомъ и бывшіе на плоту находились точно въ такомъ же состояніи. Но какъ на немъ печальствовалъ второй офицеръ, Г. Ромей, искусный, отважный и расторопный мореходецъ, то капитанъ надѣялся, что онъ, съ помощью перемѣнивагося теченія къ сѣверу и бывшаго у него паруса, успѣетъ привести плотъ къ острову Селейру или къ одному изъ со-сѣдственныхъ ему острововъ, гдѣ онъ можетъ сыскать проу, которая доставитъ его съ командою въ Малакку или Макаassarъ, а потому, взявъ ялъ на буксиръ, сталъ править къ берегу, стараясь достичь вышепомянутаго острова. Но въ продолженіе всѣхъ сутокъ 16-го числа предпріятіе ихъ не имѣло успѣха, а какъ тогда дулъ весьма свѣжій вѣтеръ отъ S, то они стали держать на OSO, и скоро пришли къ острову Мангераю. Въ это время на обѣихъ гребныхъ судахъ находилось 19 человѣкъ.

Около полуночи они вышли на берегъ поискать прѣсной воды, которой однако жъ не могли найти; тогда поплыли вдоль берега, то на веслахъ, то подъ парусами, а въ четыре часа опять пристали къ берегу, и были столь счастливы, что могли утолить свою жажду, и запасться водою. До 20-го числа они не имѣли другой пищи, какъ по одному сухарю на каждого человѣка въ сутки, и во все это время ѣхали вдоль берега острова Мангерая, временно приставали на часъ и на два къ нему для отдохновенія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было жителей; тамъ иногда удавалось имъ пользоваться плодомъ тамариндоваго дерева, растущаго по здѣшнимъ островамъ въ дикомъ состояніи.

20-го Апрѣля, продолжая итти вдоль берега вышепомянутаго острова, увидѣли они подлѣ его макассарскую проу, къ которой рѣшились приблизиться. Капитанъ Линчъ, хорошо зная свойства здѣшнихъ народовъ, боялся открыть имъ бѣдственное свое положеніе, и потому приказалъ старшему офицеру сперва на ялѣ смѣло подойти къ ней, и спросить, какъ называется мѣсто, подлѣ котораго они тогда находились, между тѣмъ высмотрѣть силу этого

судна. Яль чрезъ четверть часа возвратился и донесъ капитану, что на проу было не болѣе 10 или 12-ти человѣкъ, не имѣвшихъ ни какого огнестрѣльнаго оружія. Тогда онъ съ обоими судами пріѣхалъ на нее и увѣдомилъ начальника, что они претерпѣли кораблекрушеніе и находятся въ крайности по неимѣнію пищи и прѣсной воды. Малаецъ проводилъ ихъ къ небольшой рѣчкѣ, гдѣ они тотчасъ запаслись водою на три или на четыре дня. Пока они наливали воду, Малайцы увѣряли капитана, что на Мангераѣ обитаетъ весьма смирный, добродушный народъ, но что жители сосѣдственнаго острова, находящагося въ трехъ лигахъ отъ перваго, суть всѣ разбойники, и опасно имъ вѣрять себя. Въ истинѣ обоихъ сихъ извѣстій, Англичане, однако жъ, очень сомнѣвались, и потому, когда усмотрѣли, что отъ острова шла къ нимъ другая проу, то немедленно пустились далѣе въ путь. Но при захожденіи солнца, къ немалому ихъ удивленію, увидѣли они, что та проу, къ которой они приставали, снялась съ якоря и приближалась къ нимъ весьма скоро; изъ сего Капитанъ Линчъ заключилъ, что Малайцы хотятъ воспользоваться безпомощнымъ ихъ состояніемъ, чтобъ ограбить, а можетъ быть и взять въ неволю.

Начальникъ проу не согласился за сто піастровъ отвезти ихъ въ городъ Балли, на островѣ Ломбокѣ, владѣтель коего весьма хорошо расположенъ къ Англичанамъ. Притомъ Капитанъ Линчъ имѣлъ къ нему письмо отъ губернатора острова Амбоины, и везъ отъ Главнаго Правленія Компаніи разные подарки, потерянные вмѣстѣ съ кораблемъ; но какъ письмо было цѣло, то капитанъ былъ увѣренъ, что владѣлецъ приметъ ихъ хорошо, и доставить, посредствомъ своихъ подданныхъ, производящихъ не малую торговлю по западнымъ островамъ, въ какое либо голландское селеніе на островѣ Явѣ или въ Малакку. Проу преслѣдовала ихъ на веслахъ и подъ парусами до четырехъ часовъ утра; тогда Англичане съ непомѣрными трудами удалились отъ нея изъ виду, 21-го числа также во всѣ сутки шли они вдоль берега. останавливаясь иногда для полученія прѣсной воды и тама-

риндоваго плода, который теперь составлялъ почти единственную ихъ пищу. Изрѣдка попадались имъ въ малую воду улитки, которыхъ они варили съ листьями растенія, называемаго морунга, и почитали это весьма питательною пищею.

22-го числа, продолжая плыть по прежнему вдоль берега Мангерая, остановились они у небольшого острова, гдѣ одинъ изъ ласкаровъ набралъ нѣсколько бобовъ такого рода, который никому изъ бывшихъ на шлюпкахъ не былъ извѣстенъ. Но ласкаръ говорилъ, что онъ очень хорошо знаетъ это растеніе, и не рѣдко прежде сего употреблялъ его въ пищу; а потому всѣ его сопутники, повѣривъ ему, охотно принялись за бобы: нѣкоторые ѣли ихъ сырые, а другіе вареные. На этомъ острову пробыли они два часа, и набрали порядочный запасъ ново-открытой пищи; но едва успѣли сѣсть въ шлюпки и отвалить отъ берега, какъ вдругъ всѣхъ ихъ, кромѣ четырехъ или пяти человѣкъ, начало рвать съ сильными внутренними судорогами. Горю не было возможности пособить, ибо Англичане не имѣли при себѣ ни какихъ лекарствъ, и больные были доведены до такой слабости, что въ продолженіе сего дня подались впередъ на весьма малое разстояніе.

23-го числа они также плыли вдоль берега острова Мангерая, но весьма тихо, ибо большая часть ихъ была изнурена до такой степени, что едва могла дѣйствовать веслами. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи, къ счастью, увидѣли они прекрасный заливъ, берега коего состояли изъ обработанныхъ полей, и между оными находилось довольно обширное селеніе въ малайскомъ вкусѣ. Капитанъ Линчъ надѣялся получить здѣсь нѣсколько съестныхъ припасовъ; надобно знать, что въ это время прошло десять дней, какъ они не имѣли уже ни зерна пшена, и четыре дня, какъ вышли послѣдніе ихъ сухари, коихъ по одному получали они на каждого человѣка въ сутки. Англичане приближались къ селенію медленно, имѣя на своихъ гребныхъ судахъ бѣлые флаги: знакъ этотъ и у Малайцевъ во всѣхъ случаяхъ означаетъ миръ и дружбу.

Малайцы встрѣтили ихъ на лодкѣ, и спрашивали, что они за люди и откуда прѣехали. Капитанъ Линчъ боялся открыть имъ настоящее свое положеніе, и потому объявлялъ, что они посланы съ двухъ англійскихъ кораблей, находящихся недалеко отъ берега, для отысканія удобнаго мѣста, гдѣ бы могли достать свѣстные припасы, и налить прѣсную воду; онъ увѣрялъ ихъ, что Англичане будутъ весьма благодарны старшинѣ, если онъ имъ поможетъ, и за все заплатятъ ему щедро. Находившіеся въ лодкѣ просили Англичанъ стать на якорь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, а они привезутъ имъ отвѣтъ своего начальника.

Минуть чрезъ пятнадцать лодка возвратилась съ отвѣтомъ, что старшина селенія будетъ весьма радъ, когда англійскіе корабли прійдутъ сюда, что у него есть много для нихъ свѣстныхъ припасовъ, и хорошая рѣка, гдѣ они могутъ удобно получить воду. Между тѣмъ прѣехали къ нимъ еще двѣ или три лодки съ четырьмя человѣками въ каждой, которые привезли нѣсколько сарачинскаго пшена, маису и кокосовыхъ орѣховъ, и тотчасъ все это продали англичанамъ. Малайцы, увидѣвъ въ шляпкахъ два сундука, спрашивали съ подозрительнымъ любопытствомъ что въ нихъ хранилось. Раздѣлавшись съ лодками, Англичане поставили паруса и пошли въ путь. Старшина, увидѣвъ это, и будучи извѣщенъ, что въ шляпкахъ есть сундуки, самъ прѣехалъ на берегъ, вдоль коего отправился къ западному мысу, отстоящему отъ селенія въ пяти или шести миляхъ. Съ нимъ находилось около пятидесяти человѣкъ, изъ коихъ человѣкъ шесть и онъ самъ были верхомъ, а прочіе пѣшіе. Вѣтеръ дулъ весьма свѣжо, и оттого шляпки съ большимъ трудомъ могли обогнуть западный мысъ, къ которому старшина прибылъ прежде ихъ и тотчасъ отправилъ лодку пригласить ихъ на берегъ и объявить, что онъ былъ бы очень радъ видѣть начальника шляпокъ; но Капитанъ Линчъ, опасаясь вѣроломства, велѣлъ благодарить старшину за его вниманіе, и сказать, что самому ему пристать къ берегу нѣтъ времени, ибо онъ спѣшитъ ѣхать къ своимъ кораблямъ, которые

прійдутъ въ заливъ на другой день поутру. Старшина, не довольный симъ отзывомъ, прислалъ другую лодку съ такимъ же предложеніемъ, и получилъ прежній отвѣтъ. Въ это время довольно большая проу пришла изъ города къ тому мѣсту, гдѣ находился старшина. Капитанъ Линчъ, примѣтивъ, что въ нее садилось много людей, приказалъ своимъ гребцамъ удвоить силы. Англичане, подкрѣпивъ себя нѣсколько хорошею пищею, употребили все свое усиліе за веслами, и вскорѣ удалились изъ вида варваровъ, угрожавшихъ имъ гибелью.

Въ продолженіе ночи на 24-е число, они проѣхали большое разстояніе, и при солнечномъ восходѣ пришли въ прекрасный песчаный заливъ, въ которомъ найдя небольшой ручей, пристали къ берегу. Здѣсь сварили они кашу изъ сарачипскаго пшена, наѣлись досыта, и два часа отдыхали. Освѣжась и подкрѣпивъ себя такимъ образомъ, отправились далѣе. Въ ночи на 25-е число переѣхали они поперекъ Залива Мангерайскаго, и поутру пристали къ острову Комодо, гдѣ сварили опять себѣ пищу и имѣли второй роздыхъ. Въ десять часовъ утра переѣхали они черезъ проливъ Саппи и около полудня подошли къ Генонгъ-Аппи, или Горящему Острову. Послѣ полудня приливъ перемѣнился, и, сдѣлавшись противъ вѣтра, причинилъ большое толчущее волненіе, отъ котораго обѣ шлюпки находились въ чрезвычайной опасности. Въ это время прошла у нихъ передъ носомъ большая проу, подойдя къ берегу поворотила, спустилась къ шлюпкамъ и приближалась къ нимъ весьма скоро. Капитанъ Линчъ, навѣрное полагая, что она принадлежитъ разбойникамъ, совѣтовался съ своими офицерами о лучшемъ способѣ зацѣпить себя: изъ двѣнадцати ружей, бывшихъ въ обѣихъ шлюпкахъ, только три годились къ употребленію, прочія были испорчены морскою водою. Капитанъ Линчъ спустился на фордевиндъ между островами Генонгъ-Аппи и Сумбавано, при большомъ волненіи, угрожавшемъ имъ ежеминутною гибелью. Когда проу подошла къ нимъ, то Англичане увидѣли, что на ней было четыре или пять мѣдныхъ фалконетовъ, которые Мааайцы поворачивали и въ нихъ наводили. Капи-

танъ Лвнчъ, подпустивъ проу на разстояніе двадцати сажень, вдругъ привелъ къ вѣтру съ намѣреніемъ абординовать ее, если бѣ Малайцы стали стрѣлять, и въ то же время грозно спросилъ ихъ, что имъ надобно. На это Малайцы спрашивали, какія это шляпки и гдѣ находится корабль ихъ. Капитанъ отвѣчалъ, что корабли ихъ недалеко отсюда при входѣ въ проливъ, и что они посланы искать якорнаго мѣста и прѣсной воды; причемъ требовалъ, чтобъ Малайцы немедленно удалились, иначе онъ скоро покажетъ имъ ихъ ошибку. Эта твердость на время возымѣла свое дѣйствіе: проу тотчасъ привела къ вѣтру, и пошла къ берегу, но менѣе чѣмъ чрезъ два часа опять поворотила и преслѣдовала гребныя суда, которыя, держась при весьма свѣжемъ вѣтрѣ, противъ волненія, избѣжали отъ рукъ варваровъ.

26-го числа шли они на веслахъ и подъ парусами вдоль береговъ острова Сумбавы, остановясь во всѣ сутки одинъ разъ для сваренія каши. 27-го числа такимъ же образомъ продолжали плыть, видѣли нѣсколько жилищъ и большихъ селеній, которыя всѣ казались пустыми. По берегамъ показывалось много буйволовъ, коровъ и лошадей, по убить ни одной скотины они не осмѣлились, опасаясь, что Малайцы ихъ подстерегаютъ. Послѣ полудня увидѣли они проу, которая, по-видимому, боялась ихъ, ибо скоро отъ нихъ удалилась, пристала къ берегу, и всѣ люди изъ нее вышли. Капитанъ Лвнчъ правилъ за нею, и подъ вечеръ присталъ къ берегу въ двухъ миляхъ отъ того мѣста, гдѣ стояла проу. Здѣсь Англичане набрали тамариндовъ и запаслись водою на четыре дня. При захожденіи солнца всѣ они возвратились на гребныя суда для отдохновенія. Когда сдѣлалось очень темно, капитанъ увидѣлъ недалеко отъ шляпокъ что-то черное, которое, казалось, шло на шестахъ; онъ тотчасъ встревожилъ людей; они подняли дреки, и приготовились къ оборонѣ. Между тѣмъ разсмотрѣли, что это была та самая проу, которая днемъ отъ нихъ удалилась, а теперь хотѣла на нихъ напасть. Бывшіе на пей Малайцы увидѣвъ, что покушеніе ихъ не удалось, сказали имъ на своемъ языкѣ: «Не бойтесь ничего, братцы!»

Поговоримъ по-дружески; мы здѣсь всѣ люди честные и добрые.» На это Капитанъ Линчъ отвѣчалъ, что если бы они хотѣли говорить съ нимъ по-дружески, то пришли бы днемъ, а не ночью, и требовалъ, чтобъ они удалились. Малайцы не осмѣлились неисполнить сего требованія, а Англичане пошли на веслахъ своимъ путемъ, избѣжавъ въ четвертый разъ злодѣйскихъ поисковъ.

28-го числа они приблизились къ западной оконечности острова Сумбавы, и прошли городъ сего имени; видѣли множество малайскихъ судовъ, изъ которыхъ ни одно къ нимъ не подходило. Ночью переѣхали они поперегъ Пролива Алласкаго, встрѣтили спорное теченіе съ большимъ волненіемъ, которое прошли благополучно, но не имѣли ни на одну минуту покоя. Поутру достигли восточной стороны острова Ломбока. Въ это время находились они близко къ городу Балли, гдѣ надѣялись найти конецъ всѣмъ своимъ трудамъ и опасностямъ; радость ихъ была чрезвычайна, и тѣмъ болѣе, что они не имѣли ни пшена, ни воды. Встрѣтивъ у такъ называемаго Каменистаго Мыса противное теченіе, они пристали къ берегу за водою, но хорошей воды не могли найти; тогда пріѣхала къ нимъ лодка, на которой купили они два небольшіе мѣшка сарачинскаго пшена, изъ коихъ одинъ тотчасъ сварили. Каша съ стручковымъ перцемъ и тамаринадами доставила имъ сытный обѣдъ.

29-го числа въ десять часовъ утра Англичане отправились съ Каменистаго Мыса и погребли къ городу Балли, находившемуся отъ нихъ въ разстояніи двадцати пяти миль; тогда же оставила ихъ помянутая лодка, которая, какъ они полагали, извѣстила объ нихъ одну разбойническую проу, находившуюся подлѣ берега, мили на двѣ впереди шлюпокъ, ибо обогнувъ Каменистый Мысъ, они увидѣли небольшую проу, шедшую къ нимъ прямо на фордевиндъ. Подойдя къ гребнымъ судамъ, люди на проу спустили парусъ, и взявъ весла, скоро поравнялись со шлюпками, которыя между тѣмъ продолжали идти на греблѣ, не обращая наружно ни малѣйшаго вниманія на движенія проу, на коей находилось пять человѣкъ, довольно хорошо одѣтыхъ и вооруженныхъ саблями. Малайцы съ необыкновеннымъ любо-

пытствомъ спрашивали, какія это были гребныя суда, съ какихъ кораблей, гдѣ они находятся, и проч. Капитанъ Линчъ отвѣчалъ имъ по-прежнему, что корабли ихъ находятся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, а они ѣдутъ въ городъ, чтобъ купить тамъ для нихъ свѣжаго мяса, зелени и живности. Накодаи, или начальникъ проу, старался убѣдить Англичанъ, что они на Ломбокѣ подвергнутъ себя большой опасности, ибо жители сего острова люди весьма дурныхъ свойствъ, и всѣхъ ихъ перебьютъ; онъ совѣтовалъ имъ пристать къ его судну, и купить у него все имъ нужное. На эти совѣты капитанъ не обращалъ ни какого вниманія, и продолжалъ идти своимъ путемъ. Малайцы, увидѣвъ, что имъ не удалось обмануть Англичанъ, боясь напасть на нихъ открытою силою, погребли къ берегу со всевозможною поспѣшностью, и, какъ Англичане подозрѣвали, для полученія подкрѣпленія.

Капитанъ Линчъ, ободря своихъ людей, уговаривалъ ихъ грести какъ можно сильнѣе, чтобъ выше забраться на вѣтеръ; но эта осторожность была бесполезна, ибо большая проу, снявшись съ якоря, привела къ вѣтру, и скоро приблизилась къ шлюпкамъ, не взирая на то, что онѣ въ это время шли подъ парусами и на веслахъ, и Англичане, для спасенія своей жизни или для избѣжанія вѣчной неволи, гребли со всевозможнымъ усиленіемъ. Но вскорѣ они потеряли всякую надежду уйти отъ разбойниковъ, ибо проу находилась у нихъ уже на вѣтрѣ не далѣе ружейнаго выстрѣла, и шла прямо на нихъ, по-видимому съ намѣреніемъ сойтись со шлюпками и потопить ихъ. Малайцы въ это время стояли по бордамъ съ копьями въ рукахъ, и требовали, чтобъ шлюпки спустили паруса. На это Капитанъ Линчъ велѣлъ вдругъ всѣмъ своимъ людямъ встать и вооружиться копьями и тесаками, а самъ, взявъ пистолетъ и ружье, прицѣлился въ атамана, который стоялъ на кормѣ, отъ прочихъ особо. Эта рѣшимость, какой Малайцы вѣрно не ожидали, привела ихъ въ крайнее замѣшательство: они всѣ въ одну секунду легли на палубу, не исключая чловека, правившаго рулемъ, и просили пощады, увѣряя, что они люди честные, и не думали сдѣлать имъ ни какого

зла. Капитанъ Линчъ спросилъ ихъ, какъ смѣютъ они называть себя честными людьми, когда поступки ихъ показываютъ совершенно противное. Малайцы до того оробѣли, что позабыли управлять своимъ судномъ, которое въ это время едва было не опрокинулось.

Вскорѣ послѣ сего происшествія отправилась съ разбойническаго судна небольшая лодка на берегъ. Капитанъ Линчъ думалъ, что она поѣхала за подкрѣпленіемъ; вѣроятно, нѣкоторые изъ экипажа сего судна находились на берегу, потому что на проу тогда было не болѣе двѣнадцати человѣкъ; комплектъ же ихъ обыкновенно простирается до тридцати. Англичане, лавируя, продолжали забираться на вѣтеръ, и проу слѣдовала за ними; но шлюпки выигрывали у нее тѣмъ, что поворачивали оверштагъ, а она по вѣтру. Между тѣмъ Малайцы получили съ берега подкрѣпленіе людьми; но какъ они находились въ это время далеко подъ вѣтромъ, то и нельзя имъ было напасть на Англичанъ. При захожденіи солнца гребныя суда, по причинѣ противнаго вѣтра и теченія стали на якорь подлѣ самаго берега, въ разстояніи десяти миль отъ города. Тогда народъ толпами приходилъ къ берегу, и приглашалъ къ себѣ Англичанъ увѣряя, что владѣтель города находится въ семь мѣстѣ между ими; но капитанъ имъ отвѣчалъ, что ночью онъ на берегъ не поѣдетъ, а поутру постарается увидѣть владѣтеля ихъ, и вручить ему письмо отъ губернатора острова Амбойна. Не взирая на это, собравшіеся на берегу люди не переставали беспокоить ихъ просьбами, чтобъ они вышли на берегъ. Изъ сего Капитанъ Линчъ заключилъ, что они замышляютъ противъ нихъ какое нибудь зло, и тѣмъ болѣе имѣлъ онъ причину опасаться ихъ, что проу, производившая надъ ними поиски въ теченіе дня, находилась отъ нихъ не далѣе пяти или шести миль разстоянія. и какъ разбойники должны были знать, что шлюпки, за противнымъ вѣтромъ и приливомъ не могли итти далѣе, то для нихъ легко было приблизиться къ нимъ на лодкахъ, и слѣлать нечаянное нападеніе. Опасаясь этого, Капитанъ Линчъ объявилъ пассажирамъ и служителямъ, что, по его мнѣнію, гораздо будетъ для

нихъ безопаснѣе, воспользоваться вѣтромъ и теченіемъ, пройти ночью чрезъ проливъ и править къ острову Явѣ, на которомъ они всегда могутъ сыскать пріютъ и вспоможеніе. На это предложеніе всѣ были согласны, кромѣ одного Португальца, который боялся умереть съ голоду, ибо теперь оставалось у нихъ сарачинскаго пшена только на одинъ день. Но капитанъ предложилъ ему выйти на берегъ, если онъ не хочетъ имъ сопутствовать, отчего однако жъ онъ, опасаясь Малайцевъ, отказался, и рѣшился соединить судьбу свою съ участью своихъ товарищей. Въ самую полночь вышли они изъ Алласкаго Пролива, и шли во весь день, 30-го числа, вдоль сѣвернаго берега острова Ломбока, на которомъ заходили въ небольшую рѣку, сварили кашу, поѣли, отдохнули и запаслись на три дня прѣсною водою; но тамариндовъ не могли сыскать: эта неудача весьма ихъ огорчила.

1-го Мая, на разсвѣтѣ, идучи вдоль ломбокскаго берега, нашли они небольшой заливъ, при которомъ находилось нѣсколько домовъ; Англичане просили жителей продать имъ нѣкоторое количество сарачинскаго пшена. Островитяне охотно согласились, и изъяснивъ всевозможные знаки дружелюбія, приглашали ихъ выйти на берегъ. Но Капитанъ Линчъ не слишкомъ много имѣлъ къ нимъ довѣренности, и отнюдь не хотѣлъ отдаться въ ихъ волю, а потому, держась на веслахъ, послалъ двухъ человѣкъ въ бродъ купить у нихъ съѣстныхъ припасовъ. Путешественники были столь счастливы, что успѣли купить одиннадцать мѣшковъ пшена, нѣсколько соли и табаку; воды у нихъ было довольно, и потому они надѣялись, что теперь не будутъ имѣть болѣе надобности приставать къ берегу и тѣмъ подвергать себя вѣроломству Малайцевъ. Вечеромъ переѣхали они поперекъ Ломбокскаго Пролива, въ коемъ встрѣтили спорное теченіе и большой сулой, подвергавшіе шлюпки ихъ такой же опасности, въ какой онъ прежде сего находились нѣсколько разъ при переѣздѣ проливовъ. Къ счастію ихъ 2-го числа достигли они острова Балли, и опять попали въ тихую воду.

2-го Мая они плыли подъ парусами и на веслахъ вдоль

береговъ вышепомянутаго острова; видѣли множество селеній, хорошо обработанныхъ полей и большое количество разнаго скота. А поутру 3-го числа прошли два обширные города: при одномъ изъ нихъ стояла на якорѣ большая проу, съ которой прѣзжала къ нимъ лодка приглашать ихъ на берегъ; Англичане однако жъ не согласились; тогда проу снялась съ якоря и преслѣдовала ихъ на веслахъ и подъ парусами во весь день; но въ продолженіе ночи они ушли отъ нее и весьма счастливо переѣхали чрезъ проливъ Балли, а поутру уже находились подлѣ мыса Санданы острова Явы. Въ это время всѣ опасности отъ разбойниковъ миновались, и Англичане вдоль береговъ сего острова ѣхали покойно и весело.

4-го Мая проѣхали они небольшое голландское селеніе Паманоканъ и одинъ Яванскій городъ. Видѣли множество судовъ, но ни одно ихъ не беспокоило. Въ слѣдующій день они продолжали плыть со всевозможною поспѣшностью къ крѣпости Пассеръ-вангъ.

6-го Мая вышла у нихъ послѣдняя вода; для полученія новаго запаса пристали они къ мѣстечку Кали, въ пяти лигахъ къ востоку отъ крѣпости Пассеръ-вангъ. Здѣсь получили они воду, нѣсколько рыбы и индѣйской пшеницы; между тѣмъ увѣдомили старшину селенія, что они Англичане и ѣдутъ въ голландскую крѣпость Пассеръ-вангъ. Пока они находились у берега, шлюпки ихъ обмелѣли на банкѣ, протянувшейся довольно далеко въ море; Капитанъ Линчъ, нетерпѣливо желая скорѣе прѣѣхать въ крѣпость, приказалъ тащить ихъ по мели и упираться веслами. Въ самое это время одинъ изъ ласкаровъ ушелъ на берегъ и скрылся. Яванцы, нашедши его и принявъ за шпиона, чрезвычайно встревожились, вооружились чѣмъ ни попало, и толпами въ числѣ четырехъ или пяти сотъ человекъ бросились въ воду, чтобъ напасть на гребныя суда. Капитанъ Линчъ справедливо заключилъ, что сопротивленіе было бы бесполезно, пошелъ одинъ навстрѣчу къ нимъ, держа въ рукѣ письмо губернатора Батавіи. Не взирая на это, они схватили его самого и всѣхъ Англичанъ, и силою вытащили на берегъ. Капитанъ Линчъ уговаривалъ своихъ

людей отнюдь не сопротивляться, ибо если бѣ они сдѣлали хотя одинъ выстрѣлъ, то очень вѣроятно, что ни кто изъ нихъ не остался бы въ живыхъ отъ ярости и бѣшенства островитянъ.

Жители тотчасъ отвели капитана, со всею его командою, въ домъ своего старшины, снабдили ихъ достаточно пищею и постелями, и оказывали имъ всякое вниманіе, а къ гребнымъ судамъ приставили караулъ, чтобъ ничего изъ нихъ не пропало. Между тѣмъ старшина немедленно отправилъ донесеніе обо всемъ случившемся къ губернатору крѣпости, который, получивъ это увѣдомленіе, прислалъ своего зятя и доктора съ каретами перевезти офицеровъ и пассажировъ въ крѣпость Пассеръ-вангъ сухимъ путемъ, а за шлюпками и нижними чинами были отправлены двѣ проу (*).

Эти два голландскіе чиновника хотѣли знать каково старшина обходился съ Англичанами, и не имѣютъ ли они причины на него жаловаться. Около шести часовъ утра 8-го Мая капитанъ съ пассажирами въ каретахъ, а Голландцы верхомъ отправились въ путь. На сахарномъ заводѣ, принадлежащемъ губернатору, угощали ихъ великолѣпнымъ завтракомъ, а въ полдень того же числа пріѣхали они въ Пассеръ-вангъ, гдѣ губернаторъ и чиновники приняли ихъ со всевозможнымъ человѣколюбіемъ и учтивостью, и изъ-являли непритворное сожалѣніе о претерпѣнномъ ими несчастіи. Губернаторъ приказалъ отвести каждому изъ нихъ особыя комнаты въ компанейскомъ домѣ и оказывалъ имъ всякое вниманіе. Нижніе чины также были помѣщены въ

(*) Сямъ кончатся описаніе бѣдствій, претерпѣнныхъ Капитаномъ Линчемъ и его товарищами; но слѣдующія послѣ того строки заключаютъ въ себѣ повѣствованіе о поступкахъ Голландцевъ, дѣлающихъ великую честь сему народу, который лѣтъ за сорокъ предъ сямъ былъ еще столь жестокосердъ и корыстолюбивъ, что, въ подобныхъ случаяхъ понападавшихъ къ нему Европейцевъ, осуждалъ на вѣчное заключеніе, а бывали примѣры, что лишалъ и самой жизни. И потому я обязанностью поставилъ переводомъ сихъ строкъ сообщить русскимъ читателямъ о счастливой перемѣнѣ голландской нравственности.

Прим. перев.

покойный домъ и довольствованы лучшими съѣстными припасами. О прибытіи Англичанъ въ это мѣсто и о потерѣ ихъ корабля, губернаторъ тотчасъ отправилъ донесеніе въ Батавію и въ Сурабай, и просилъ начальство сихъ мѣстъ дать способы имъ отправиться сухимъ путемъ сколь возможно скорѣе, ибо таково было желаніе Капитана Линча.

9-го Мая ввечеру, губернаторъ получилъ изъ Сурабая письмо, которымъ начальникъ сего мѣста его просилъ доставить Англичанъ до половины дороги въ своихъ экипажахъ, а тамъ будутъ ожидать ихъ его кареты. Капитанъ Линчъ съ своими товарищами трое сутокъ пробылъ въ Пассеръ-вангѣ; онъ не можетъ достаточно выразить благодарности своей губернатору и семейству его за ихъ вниманіе: содержали ихъ чрезвычайно хорошо, снабжали всѣмъ нужнымъ, и все это безъ всякой платы; для нижнихъ чиновъ назначена была проу, которая отвезла ихъ въ Сурабай также безденежно. Старшины разныхъ яванскихъ селеній посѣщали ихъ, приглашали къ себѣ и давали имъ праздники. Сверхъ всего этого, губернаторъ самъ показывалъ имъ всѣ мѣста, достойныя любопытства путешественниковъ.

10-го Мая въ шесть часовъ утра Англичане, съ сердцами преисполненными благодарности, простились съ губернаторомъ; всѣ чиновники крѣпости провожали ихъ до воротъ, а два морскіе капитана Голландской Остъ-Индской Компаніи, Де-Грутъ и Бодвинъ, сопутствовали имъ до самаго Сурабая, на разстояніи 56-ти миль. Путешественники ѣхали въ каретахъ, перемѣняя лошадей въ каждомъ селеніи, въ которыхъ жители старались угостить ихъ чѣмъ нибудъ.

Около полудня пріѣхали они въ Сурабай, гдѣ приняли ихъ съ такими же ласками и гостепріимствомъ, какъ и въ Пассеръ-вангѣ. Отсюда отправились они водою въ Самарангъ, куда прибыли 17-го числа. Тамъ губернаторъ Ингельгардъ принялъ ихъ чрезвычайно хорошо, обласкалъ, угостилъ и снабдилъ съѣстными запасами, достаточными на переходъ до самой Батавіи.

*Гибель англійскаго линейнаго корабля Принца
Георга, сгорѣвшаго 13-го Апрѣля 1788 года.*

Изъ всѣхъ бѣдствій, которымъ подвергаются мореплаватели, нѣтъ ни одного столь гибельнаго и ужаснаго, какъ пожаръ! И на сухомъ пути, гдѣ твердость зданій, возможность пользоваться постороннею помощью, и вообще расположеніе домовъ даютъ вѣрные способы спасти себя, рѣдко случается, чтобъ при большихъ пожарахъ нѣсколько человѣкъ не лишились жизни, а сколь пагубнѣе должны они быть на морѣ? Самые матеріалы, изъ коихъ составлены корабли, наиболѣе подвергаютъ ихъ удобнѣйшему возгорѣнію и распространенію огня; самое внутреннее расположеніе кораблей способствуетъ огню быстро разливаться и свирѣпствовать со всѣмъ ужасомъ. Ничто не горитъ съ такою яростію, какъ смола, пенька, масло конопляное; но эти вещества, для корабля необходимыя, находятся во всѣхъ его частяхъ въ большомъ количествѣ. Сверхъ того паруса, снасти и самый корпусъ корабля подвержены мгновенному возгорѣнію отъ прикосновенія огня. Но всего опаснѣе для военныхъ судовъ большое количество пороха. Одно помышленіе о семъ пагубномъ веществѣ, во время пожара на кораблѣ, приводитъ служителей въ такой ужасъ, что они, не въ состояніи будучи дѣйствовать съ надлежащимъ присутствіемъ духа, часто теряютъ повиновеніе къ начальникамъ и, не занимаясь гашеніемъ огня, въ страхѣ и замѣшательствѣ ищутъ только своего собственнаго спасенія; ибо воображеніе, что огонь, достигнувъ пороховаго хранилища, въ одно мгновеніе подниметъ весь корабль на воздухъ, достаточно поколебать самыя неустрашимыя сердца? Ужасная сія мысль препятствуетъ и другимъ кораблямъ, въ виду находящимся, приблизиться къ горящему кораблю, и простерть къ погибающимъ руку помощи, потому что всякій страшится подвергнуть себя подобной злосчастной участи.

Въ слѣдующихъ письмахъ описываютъ гибель корабля Принца Георга, шедшаго изъ Англіи въ Гибралтаръ, подъ флагомъ Контръ-Адмирала Бродерика.

Выписка изъ письма достопочтеннаго Г. Шарпа, священника корабля Принца Георга.

Шлютъ Глазговъ, у Лиссабона, 20-го Апрѣля.

«Въ Четвертокъ 13-го числа сего мѣсяца, въ половинѣ втораго часа пополудни, часовой, отворивъ двери въ каютъ-компанию, закричалъ: «Господа! корабль горить!» Съ симъ словомъ лейтенанты, я и всѣ находившіеся въ каютъ-компаниі бросились наверхъ. Тамъ нашли мы весь экипажъ въ ужасной тревогѣ. Въ одну минуту помпы были заряжены, пожарныя трубы и всѣ инструменты приготовлены, и тотчасъ начали ими дѣйствовать въ носовой части, гдѣ начался пожаръ. Адмиралъ съ вахтенными офицерами приходился на шканцахъ, откуда разсылалъ повелѣнія по всему кораблю; а Капитанъ Пейтонъ и всѣ прочіе офицеры были при пожарѣ. Корабль загорѣлся въ шхиперскихъ каютахъ; и потому дѣйствіе трубъ было устремлено на нихъ, но безъ всякаго успѣха; ибо, по причинѣ густаго и горячаго дыма, пожарныя не могли довольно приблизиться къ каютамъ, чтобъ заливать огонь съ желаннымъ успѣхомъ. Эти препятствія заставили капитана дать повелѣніе прорубить палубу надъ каютами, чтобъ симъ средствомъ можно было лить въ нихъ воду; но въ семъ способѣ онъ обманулся, потому, что могли отыскать только двухъ плотниковъ, да и тѣ весьма долгое время не имѣли другихъ инструментовъ, кромѣ одного молота и одного долота (*). Подняли порты нижняго дека, но количество воды, попадавшей въ корабль, было недостаточно залить ими пламени. Тогда капитанъ приказалъ пустить воду въ крютъ-камеру, чтобы корабль не взорвало. Эта предосторожность имѣла желанный успѣхъ, и на нѣсколько минутъ намъ блеснуло было

(*) Нынѣ едва ли можно найти военное судно (я разумѣю въ Англійскомъ Флотѣ), на которомъ была бы такая преступная оплошность. Пожарныя инструменты всегда должны храниться на верху въ готовности къ употребленію.

Прим. перес.

лучъ надежды: но вскорѣ опять исчезъ, ибо пламя распространилось по лѣвой сторонѣ до самой кормы, и пожирало все съ величайшею свирѣпостью. Въ это время не было уже ни какой возможности утушить пожаръ, и надлежало во-первыхъ помышлять о спасеніи адмирала. На сей конецъ Капитанъ Пейтонъ вышелъ на шканцы, и приказалъ тотчасъ послать гребцовъ на адмиральскую шлюпку; но едва адмиралъ успѣлъ сойти въ нее, какъ въ ту же минуту бросилось въ нее около сорока человѣкъ, ибо теперь всякое различіе чиновъ уже кончилось: каждый цѣнилъ жизнь свою не менѣе чужой. Адмиралъ, увидѣвъ, что шлюпка его не въ состояніи поднять всѣхъ ихъ и должна будетъ потонуть, раздѣлся до нага, бросился въ море, и держась на водѣ вплавъ около часа, былъ наконецъ взятъ на гребное судно одного купеческаго корабля. Капитанъ Пейтонъ оставался на кораблѣ цѣлый часъ послѣ адмирала, а потомъ рѣшился оставить его, и спустясь по штурмъ-трапу въ яликъ, пріѣхалъ благополучно на шлюпъ Алдерней. Капитанъ поѣхалъ съ корабля въ такое время, когда онъ представлялъ ужаснѣйшее зрѣлище, превосходящее всякое описаніе. Всепожирающее пламя, непропигаемый дымъ, трескъ горящихъ членовъ корабля, крикъ, вопль отчаянія, жалостные стоны, громкій плачь, тихія молибы, возсылаемые къ Богу, припадки сумасшествія, и даже самое бѣшенство, все это было временно прерываемо пушечными выстрѣлами и свистомъ ядеръ. Такое явленіе было достаточно поколебать твердость самыхъ неустрашимыхъ мореходцевъ и привести ихъ въ содроганіе. Мнѣ также надлежало помышлять о своемъ спасеніи. Я смотрѣлъ кругомъ корабля, и искалъ средствъ оставить его. Къ счастью вскорѣ увидѣлъ я три гребныя судна, въ недалекомъ разстояніи за кормою; тогда немедленно пошелъ я въ свою каюту, помолился Богу и особенно принесъ Ему благодареніе за рѣшимость и присутствіе духа, кои святой Его воля угодно было вселить въ меня въ сія страшныя минуты. Послѣ того, раздѣвшись, прыгнулъ я изъ пушечнаго порта нижняго дека и доплылъ до гребнаго судна, которое привезло меня на шлюпъ Алдерней. Изъ всего экипажа

спаслось около трехъ сотъ человѣкъ; но купеческія суда, составлявшія нашъ конвой, могли бы спасти гораздо болѣе, если бъ начальники и экипажи оныхъ поступали какъ должно человѣку и христіанину. Напротивъ того, во все время, пока корабль горѣлъ, они держались далеко на вѣтрѣ, а шлюпки ихъ вмѣсто того, чтобъ спасать людей, которые къ нимъ плыли, подбирали гусей, утокъ, куръ, столы, стулья и все, что имъ попадалось брошеннаго съ корабля (*).

*Письмо отъ одного изъ офицеровъ, по имени
Пери.*

«Во второмъ часу пополудни, находясь въ канцеляріи подлѣ капитанской каюты, увидѣлъ я адмирала и съ нимъ двухъ или трехъ офицеровъ, опрометью бѣжавшихъ наверхъ. Въ это же самое время съ ужасомъ услышалъ я, что корабль загорѣлся въ шкиперской каютѣ. Всѣ мѣры были приняты для утушенія пожара, но дымъ сдѣлался такъ густъ, что никакъ нельзя было приблизиться къ каютамъ, чтобъ точно узнать гдѣ горитъ. Вскорѣ послѣ того мы сдѣлали сигналъ, означающій бѣдствіе; но, къ вѣщающему несчастію нашему, въ это время нашелъ туманъ, и вѣтеръ сталъ усиливаться. И такъ не прежде какъ около четырехъ часовъ шлюпы Гернси и Алдерней разсмотрѣли нашъ сигналъ, и повторили оный конвою. Между тѣмъ сами они спустили на воду гребныя суда и пошли къ намъ; но не зная, что мы впустили воду въ крюткамеру и замочили весь порохъ, они опасались подвергнуться съ нами одной участи, и потому не смѣли приблизиться на такое разстояніе, чтобъ могли оказать намъ помощь, въ какой мы имѣли надобность. Мы покушались прорубить палубу, чтобъ сквозь оную лить воду на огонь, но плотники одной минуты не могли выдержать, чтобъ не задохнуться отъ дыму. Въ пятомъ часу дымъ чрезвычайно

(*) Это повѣствуетъ Англичанинъ и при томъ духовный, о своихъ одноземцахъ; можно ли ему не вѣрить? *Прим. перев.*

увеличился и показалось пламя; тогда адмиралъ приказалъ спустить гребныя суда и самъ сѣлъ въ свою шляпку, которая такъ была наполнена людьми, что фалшь-борды почти равнялись съ водою; а чрезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ, что она пошла на дно въ небольшомъ разстояніи за кормою корабля: изъ сорока или пятидесяти человѣкъ, въ ней бывшихъ, спаслось только четверо, въ числѣ коихъ находился адмиралъ. При отъѣздѣ съ корабля адмиралъ общалъ полвести судно къ нему для спасенія людей.

«Накопецъ погода прояснѣла, но изъ купеческихъ судовъ ни одно не хотѣло подойти къ намъ. Всѣ наши офицеры вели себя примѣрно хорошо, не теряли присутствія духа и не обнаруживали ни какой робости, а старались всѣми средствами ободрять служителей и поощрять ихъ дѣйствовать помпами и доставать воду ведрами; но съ распространеніемъ пламени, люди перестали повиноваться офицерамъ и отступились отъ работы. Въ исходѣ пятаго часа Капитанъ Пейтонъ оставилъ корабль, общаясь, подобно адмиралу, привести судно по близости корабля, чтобъ доставить всему экипажу средства спастись; но послѣдствія показали, что онъ не могъ исполнить своего общанія. Въ пять часовъ мы хотѣли спустить барказь, въ которомъ находилось около ста человѣкъ, но лишь вывели его за бордъ, какъ вдругъ лопнули одни тали, отчего барказь упалъ и опрокинулся въ такомъ положеніи, что изъ бывшихъ въ немъ спаслись весьма немногіе. Вы можете живо себѣ представить ужасное положеніе, въ которомъ мы находились, когда я вамъ скажу, что въ это время пламя распространилось по всему кораблю; служители пришли въ крайнюю степень отчаянія; молились, плакали, кричали, бѣшенствовали и бросались въ воду со всѣхъ сторонъ. Но вообразите, каково было мое положеніе: мнѣ предстоялъ только выборъ смерти: сгорѣть или утонуть, ибо весьма немногіе изъ умѣвшихъ плавать, были взяты на гребныя суда; какую надежду я могъ имѣть на спасеніе, не будучи въ состояніи одной минуты удержаться на водѣ?

«Въ страхѣ, смущеніи, безъ всякой цѣли пошелъ я на галерею адмиральской каюты, гдѣ двое молодыхъ мичма-

новъ дѣлали плотъ изъ столовъ. Я помогъ имъ; мы согласились спустить плотъ на воду на концѣ веревки, закрѣпить ее на галереѣ, потомъ спуститься самимъ и перерѣзавъ веревку, отдаться на волю Божию. Но въ-торопяхъ мы такъ худо связали столы, что при спускѣ ихъ они развязались, и плотъ нашъ развалился на части. Въ это время три гребныя судна находились не въ дальномъ разстояніи за кормою, и я думалъ, что если теперь не спусусь, то уже не буду имѣть случая удобіѣе. И потому спустясь на воду, схватился за одинъ изъ столовъ, но зыбь была такъ велика, что я съ крайнею нуждою могъ держаться за него въ продолженіе пяти или шести минутъ, и готовъ уже былъ погрузиться, какъ меня взяли на одно изъ гребныхъ судовъ, приблизившееся къ кораблю, по усиленной просьбѣ остававшихся на немъ служителей, кои не умѣли плавать, а потому именемъ Бога умоляли находившихся въ шлюпкахъ подѣхать и спасти ихъ.

*Крушеніе англійскаго 24-хъ-пушечнаго шлюпа
Детермене, подѣ начальствомъ Капитана Бе-
чера, разбишагося на подводномъ камнѣ, у
острова Джерси, 26-го Марта 1803 года.*

23-го Марта 1803 года, капитанъ шлюпа Детермене, стоявшаго тогда въ Спитгедѣ (*), получилъ отъ Главно-командующаго въ портѣ Адмирала Мильбанка повелѣніе, принять на шлюпъ отрядъ 81 пѣхотнаго полка и идти не теряя времени къ острову Джерси. Капитанъ просилъ комиссіонера (**) и адмирала о доставленіи ему лодмана, но они не могли удовлетворить его требованію. Въ три часа пополудни 24-го Марта войска прибыли на шлюпъ,

(*) Spithhead: названіе большаго портсмутскаго рейда.

Прим. перев.

(**) Commissioner: званіе во всѣхъ отношеніяхъ соответствующее нашимъ капитанамъ надъ портомъ. *Прим. перев.*

который вмѣстѣ съ другимъ шлюпомъ Авророю тотчасъ снялся съ якоря. Суда эти должны были итти проходомъ Нидельсъ, и потому капитанъ надѣялся получить лоцмана въ мѣстечкѣ Коусъ, или Ярмутъ (*). Противъ Коуса онъ остановился на якорь, и простоялъ всю ночь, но лоцмана сыскать не могъ.

На разсвѣтѣ 25-го числа оба помянутыя судна пошли въ путь. Не сыскавъ лоцмана въ Англіи, Капитанъ Бечеръ не имѣлъ уже надежды получить его до прибытія къ берегамъ острововъ Гернси и Джерси, къ которымъ подошли они на другой день, и пошли въ проходъ, называемый проходомъ Великаго Русселя; между тѣмъ призывный сигналъ лоцману безпрестанно развѣвался, и притомъ временно палили со шлюпа изъ пушекъ. Не получивъ лоцмана, капитанъ рѣшился итти въ портъ безъ него, но для безопасности велѣлъ Аврорѣ итти впереди, а самъ сталъ держаться въ ея киль-ватеръ; на это и штурманъ былъ согласенъ. Въ началѣ пятого часа приблизились они къ гавани, идучи бейдевиндъ; тогда Аврора вдругъ стала поворачивать; чрезъ пять минутъ послѣ сего и Капитанъ Бечеръ велѣлъ руль положить на бордъ, находясь весьма близко того мѣста, гдѣ Аврора поворотила. Шлюпъ скоро пришелъ къ вѣтру и перекатился на другую сторону; но едва успѣли обрасопить до мѣста задніе паруса, какъ онъ сталъ съ сильнымъ ударомъ на камень, и чрезъ три минуты вода въ трюмѣ поднялась въ уровень съ поверхностью моря.

Капитанъ боялся, чтобъ бывшимъ тогда сильнымъ стремительнымъ приливомъ не снесло шлюпа съ камня на глубину, и для предупрежденія сего велѣлъ бросить два якоря. Пагубное это происшествіе распространило такой страхъ по шлюпу, а особливо между женщинами и дѣтьми, что не было ни какой возможности успокоить ихъ и наблюдать должный порядокъ и тишину. Хотя всѣ паруса были взяты на гитовы, брамсели убраны, и люди крѣпили марсели, но совсѣмъ тѣмъ надобно было опасаться, чтобъ

(*) На островѣ Вайтъ. Есть еще другой Ярмутъ въ провинціи Норфокъ.

Прим. перее.

шлюпъ вскорѣ не повалился на бокъ, и потому капитанъ приказалъ всѣмъ людямъ сойти съ мачтъ, и спустить на воду гребныя суда. Едва успѣли спустить большой катеръ, какъ служители, въ страхѣ и замѣшательствѣ, бросились въ него и въ одну минуту загрузили его до того, что онъ едва могъ держаться на водѣ. Тщетно представлялъ имъ Капитанъ Бечеръ дерзость и безразсудство ихъ поступка, тщетно уговаривалъ ихъ выйти изъ катера, и уступить мѣсто женщинамъ и дѣтямъ. Они не обращали ни малѣйшаго вниманія на слова его, какъ бы онъ не имѣлъ ни какого права имъ приказывать. Когда это происходило, шлюпъ повалился на бокъ такъ стремительно, что водою снесло въ море капитана и многихъ другихъ. Около десяти минутъ боролся онъ съ волнами и съ большимъ трудомъ доплылъ до крюсъ-марса, откуда старался опять уговаривать своихъ подчиненныхъ не предаваться отчаянію, наблюдать порядокъ и повиноваться офицерамъ. Хотя совѣтъ сей клонился къ сохраненію собственной ихъ жизни, но они никакъ не хотѣли принять его, а бросались въ гребныя суда и въ море, чтобъ доплыть до оныхъ, наперерывъ одинъ предъ другимъ. Офицеры и гребцы, находившіеся въ шлюпкахъ, исполняли свою должность со свезвозможнымъ усердіемъ, точностью и искусствомъ, такъ что, не взирая на теченіе, стремившееся по шести миль въ часъ, они, въ продолженіе трехъ часовъ съ половиною перевезли съ погибшаго шлюпа весь экипажъ. Капитанъ и офицеры оставили его послѣ всѣхъ и прибыли на Аврору.

При семъ кораблекрушеніи сдѣлались жертвою собственной своей опрометчивости одинъ мичманъ, одинъ матросъ, десять человекъ солдатъ, три женщины (солдатскія жены) и четверо дѣтей.

8-го Апрѣля 1803 года въ Портсмутѣ, на кораблѣ Гладіаторѣ произведенъ былъ надъ капитаномъ, офицерами и нижними чинами погибшаго шлюпа военный судъ, въ которомъ заключенъ слѣдующій приговоръ: «Военный Судъ, собравъ всѣ свидѣнія, выслушавъ свидѣтелей и сообразивъ всѣ обстоятельства, по зрѣломъ разсужденіи единогласно заключилъ, что Его Величества шлюпъ Детермене погибъ,

ставъ на подводный камень, при лавированіи въ гавань острова Джерси, а это произошло отъ того, что на шлюпѣ не было лодмана; что въ семь приключеніи ни капитанъ, ни офицеры, ни нижніе чины не виновны, а напротивъ того, капитанъ старался всѣми средствами сыскать лодмана, но не могъ; будучи же движимъ усердіемъ къ службѣ, рѣшился самъ войти въ гавань, слѣдуя въ киль-ватеръ шлюпа Авроры; что при крушеніи шлюпа, благоразумными и хладнокровными своими поступками онъ спасъ почти весь свой экипажъ и пассажировъ; что повелѣніе его отдать якоря, коль скоро шлюпъ сталъ на камень, приноситъ искусству его въ морскомъ дѣлѣ и присутствію духа величайшую честь, ибо чрезъ это онъ не допустилъ теченіемъ снести шлюпъ на глубину, гдѣ онъ неминуемо долженствовалъ потонуть со всѣми бывшими въ немъ людьми, и потому судъ признаетъ ихъ совершенно невинными и опредѣляетъ имъ сіе объявить и освободить отъ всякаго дальнѣйшаго слѣдствія и взысканія, что симъ и исполняется (*).»

Крушеніе транспорта Энея, при берегахъ Нью-фаундланда, въ 1805 году, при коемъ изъ 347 человекъ спаслось только семеро.

Слѣдующее описаніе ужаснѣйшаго происшествія, отъ котораго сердце человѣческое содрогается, взято изъ письма одного изъ офицеровъ, живущихъ въ Квебекѣ, къ пріятелю его, находившемуся тогда въ Англіи; оно подписано 6-го Іюля 1806 года.

«Вчерашняго числа прибыли сюда изъ Пуля пять человекъ солдатъ сто перваго пѣхотнаго полка на бригѣ, ко-

(*) Въ Англіи бывали примѣры, что за потерю корабля обвиняли и приговаривали къ наказанію; но въ томъ же приговорѣ за твердость духа и благоразумныя распоряженія, при спасеніи людей оказанныхъ, отдавали должную справедливость и хвалу.

Прим. перса.

торый заходилъ на Ньюфаундландъ и взялъ ихъ тамъ. Люди сіи спаслись съ транспорта Энея, о которомъ давно уже здѣсь думали, что онъ погибъ. По описанію ихъ, они претерпѣли самое гибельное кораблекрушеніе, едва ли когда слыханное. Ночью въ четвертомъ часу 23-го Октября, транспортъ ихъ сталъ на подводный камень; по весьма сильному удару, съ какимъ это случилось, экипажъ могъ уже заключить, что судно ихъ вскорѣ должно будетъ или потонуть, или разбиться на части. Мысль эта произвела общее отчаяніе; женщины и дѣти съ воплемъ и крикомъ бросились на шею къ своимъ мужьямъ и отцамъ; но плачевное это зрѣлище не было продолжительнымъ, ибо перекатившимся чрезъ транспортъ огромнымъ валомъ сорвало и унесло въ море въ одно мгновеніе болѣе двухъ сотъ пятидесяти человѣкъ. Въ то же самое время камнемъ, на коемъ стоялъ транспортъ, проломило у него подводную часть и обѣ палубы, отчего около осьми часовъ утра онъ совсѣмъ разломился на части; тогда изъ числа оставшихся въ живыхъ, спаслось только тридцать пять человѣкъ: ихъ принесло на одной изъ отломленныхъ частей транспорта къ небольшому острову, въ разстояніи около четверти мили отъ камня, на которомъ они претерпѣли кораблекрушеніе.

«Люди сіи видѣли, какъ одинъ молодой человѣкъ старался спасти жизнь Маіора Бертрама, переломившаго себѣ руку о корабельный обломокъ: онъ поддерживалъ его на водѣ, доколѣ силы ему позволяли; потомъ для спасенія собственной жизни, принужденъ былъ пустить его; тогда маіоръ тотчасъ пошелъ на дно. Въ числѣ тридцати пяти человѣкъ, принесенныхъ къ острову, находились Поручикъ Даусонъ, Прапорщикъ Фолкнеръ и семь матросовъ, а остальные были солдаты сто перваго полка. Едва успѣли они выйти на островъ, какъ на бѣду ихъ, вѣтеръ вдругъ перемѣнился и унесъ въ море всѣ обломки и вещи, которыя прежнимъ вѣтромъ могло бы выкинуть на берега ихъ острова. Фолкнеръ къ счастію помнилъ очень хорошо положеніе транспорта въ отношеніи къ берегамъ въ то время, когда они нашли на камень: онъ зналъ, что материкъ, находившійся отъ острова въ разстояніи около мили, былъ

берегъ Ньюфундладскій, который отстоитъ отъ Порта Св. Іоанна (*) въ трехъ стахъ миляхъ.

«Переночевавъ на островѣ, они сдѣлали на другой день плоть, и благополучно перешли на материкъ Ньюфундланда, въ числѣ тридцати человѣкъ; изъ остальныхъ же четверо померли въ продолженіе ночи, а одинъ съ переломленными ногами уползъ въ кусты отъ своихъ товарищей, чтобъ умереть тамъ покойно; однако жъ его нашли чрезъ восемь дней въ живыхъ, только въ самомъ бѣдственномъ состояніи, полумертваго и съ отмороженными пальцами; но чудесною помощію Провидѣнія онъ исцѣлился, и теперь находится въ числѣ пяти, прибывшихъ въ Квебекъ. Кромѣ сего человѣка и двухъ другихъ, не могшихъ идти отъ ушибовъ, всѣ прочіе направили путь свой къ востоку; но Поручикъ Даусонъ на другой день не въ силахъ былъ слѣдовать за своими товарищами; двое изъ солдатъ остались съ нимъ добровольно, чтобъ помогать ему; одинъ изъ нихъ, родомъ Ирландецъ, сообщилъ мнѣ эти подробности.

«Тащась кое-какъ четырнадцать дней, и не имѣя, кромѣ ягодъ, ни какой пищи, бѣдный Даусонъ наконецъ дошелъ до того, что безъ помощи другихъ не могъ стоять на ногахъ. Встрѣтивъ рѣку, солдаты хотѣли перевести его въ бродъ, но вошедши по горло въ воду, принуждены были воротиться; вплавъ же или другимъ какимъ способомъ они не имѣли возможности его переправить. Тогда онъ, пожавъ имъ руку, просилъ ихъ оставить его умереть въ сей пустынѣ и заботиться только о своемъ собственномъ спасеніи. Однако жъ они не оставляли его, доколѣ онъ еще былъ живъ: кончина его послѣдовала вскорѣ; предъ смертію онъ просилъ ихъ извѣстить отца его о злосчастной его участи. Даусонъ имѣлъ семнадцать лѣтъ отъ роду; былъ высокъ, тонокъ и слабаго сложенія, которое не позволило ему перенести такихъ великихъ трудовъ.

«Послѣ того они скитались еще двѣнадцать дней и сдѣлались такъ слабы, что едва могли передвигать ноги. Они не имѣли другой пищи, кромѣ того, что природа посылала

(*) St. John's harbour.

имъ въ сей безплодной странѣ. Ягоды были главнымъ ихъ подкрѣпленіемъ, но въ послѣдніе два дня выпалъ довольно глубокій снѣгъ, и лишилъ ихъ сего пропитанія.

«Въ такомъ бѣдственномъ и отчаянномъ состояніи встрѣтили несчастные подъ вечеръ звѣролова, который, никакъ не ожидая, чтобъ въ такой дикой странѣ могли быть, кромѣ его съ товарищами, другіе люди, принялъ ихъ за оленей, сѣлъ за пень и прицѣлился; но собака его, бросившись на нихъ, лаемъ своимъ открыла ему его ошибку. Услышавъ о ихъ бѣдствіи и страданіяхъ, звѣроловъ прослезился, далъ имъ свою обувь, и пригласилъ ихъ къ себѣ въ хижину, которая, по словамъ его, находилась отъ нихъ въ одной милѣ; на дѣлѣ же разстояніе до нея было не менѣ двѣнадцати миль; но онъ не хотѣлъ ихъ испугать, и сокративъ разстояніе, постепенно заманивалъ, чтобъ они не столько чувствовали усталость. Приблизившись къ хижинѣ, увидѣли они вышедшихъ изъ нея четырехъ или пяти человѣкъ съ большими окровавленными ножами. Зрѣлище это поразило ихъ какъ громомъ: они думали, что попались къ разбойникамъ, но вскорѣ успокоились, когда узнали, что звѣроловы разрѣзывали олепа, убитого ими за нѣсколько часовъ. Ирландецъ, съ свойственною сему народу простотою, признавался, что онъ считалъ ихъ до той поры разбойниками и дикими, пока не принесли они бутылки рому, которая убѣдила его въ томъ, что они были люди честные и прямые христіане. Охотники приняли ихъ человѣколюбиво, и прилагали всевозможное попеченіе о поправленіи разстроеннаго ихъ здоровья; между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ отправились для отысканія товарищей сихъ несчастныхъ. Черезъ нѣсколько дней имъ удалось найти того человѣка, который въ первый день былъ оставленъ на острову и другихъ двухъ, не бывшихъ въ состояніи, по причинѣ ушибовъ, слѣдовать за прочими. Тѣ два человѣка, которые встрѣтились съ звѣроловомъ, въ двадцать шесть дней прошли весьма малое разстояніе; они бродили около одного и того же мѣста.

«Изъ тридцати пяти человѣкъ, спасшихся при кораблекрушеніи, нашлись эти пять человѣкъ, да еще два матроса

изъ бывшихъ съ Фолкнеромъ; они были найдены почти безъ дыханія другою охотничьею партіею, въ разстояніи девятиста миль отъ хижины первой; надлежащимъ поведениемъ ихъ привели въ чувство, и послѣ здоровье ихъ совершенно возстановилось. Что же касается до Фолкнера и его товарищей, то спасшіеся утверждаютъ, что они вѣроятно погибли въ лѣсахъ.

Гибель англійскаго фрегата Тартара, подъ начальствомъ Капитана Видерса, на песчаныхъ банкахъ Маргетскаго рейда, 20-го Декабря 1804 года.

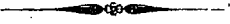
Хотя фрегатъ Тартаръ и могъ выдержать ужасную бурю, свирѣствовавшую въ продолженіе всѣхъ сутокъ 19-го Декабря, но въ шесть часовъ вечера сильнымъ порывомъ вѣтра подорвало у него канаты и бросило на тѣ опасныя мели маргетскаго рейда, съ которыхъ ни одинъ еще корабль не спасался.

Въ Маргетѣ хорошо слышали сигнальные выстрѣлы фрегата, но какъ тогда была малая вода, то никакому судну не было возможности отправиться къ нему на помощь прежде полуночи. Два люгера (Лордъ Нельсонъ и Королева), въ каждомъ по двѣнадцати человѣкъ, не взирая на крѣпкій вѣтеръ отъ ОНО и сильное волненіе, подошли къ фрегату около втораго часа ночи на довольно близкое разстояніе; но приблизиться вплотъ къ нему, по причинѣ великаго буруна, безъ очевидной опасности никакъ не могли, а потому и положили якоря на двухъ саженьяхъ глубины. Между тѣмъ на фрегатѣ спустили катеръ, посадили въ него больныхъ, женщинъ и дѣтей, всего двадцать человѣкъ, и отправили къ люгерамъ; но не доѣхавъ до нихъ, онъ сталъ на мель, отчего бывшіе въ немъ люди неминуемо бы погибли, если бъ экипажъ одного изъ люгеровъ (Королевы) съ опасностью собственной жиз-

ни, не выпустилъ каната и не подошелъ къ катеру, на глубину шести футовъ, гдѣ удалось ему спасти всѣхъ, въ немъ бывшихъ. Пока это происходило, съ фрегата отправили плѣнныхъ на другомъ гребномъ суднѣ, которое пришло благополучно на люгеръ Лордъ Нельсонъ. На семъ гребномъ суднѣ находился съ фрегата конецъ троса, которымъ хотѣли его притянуть назадъ; но когда потянули, то на мелководьи разбило его въ куски. Послѣ сего съ фрегата спущенъ былъ послѣдній катеръ, который немедленно потонулъ; на немъ находились два человѣка, изъ коихъ одинъ погибъ при семъ случаѣ, а другаго едва могли спасти.

Обстоятельства не позволяли люгерамъ подойти вплотъ къ фрегату, а потому капитанъ велѣлъ имъ доставить въ Маргетъ спасенныхъ ими людей, и привести съ собою отсюда еще нѣсколько судовъ на помощь бѣдствующимъ. Люгеры отправились въ три часа по полуночи, и не прежде могли возвратиться, какъ въ два часа пополудни; они привели съ собою еще два бота. Между тѣмъ находившіеся на фрегатѣ каждую минуту ожидали, что онъ повалится на бокъ. Къ счастью, по прибытіи судовъ изъ Маргета, вѣтеръ утихъ и позволилъ имъ подойти почти вплотъ къ фрегату, тогда всѣ остальные люди спустились на нихъ посредствомъ веревокъ съ ноковъ нижнихъ рей.

Вскорѣ послѣ того фрегатъ повалился, и тогда волненіе стало ходить прямо чрезъ него; а на другой день поутру только одни мачты находились поверхъ воды.

Крушеніе англійскаго фрегата Северны, подъ начальствомъ Командора Оверніе, Принца Буліонскаго, случившееся на подводныхъ камняхъ при Заливѣ Грувилли, 21-го Декабря 1804 года.

Фрегатъ Северна, потерпѣлъ, во время жестокой бури, столь великія поврежденія, что его нѣсколько времени не-сло по произволу вѣтра и волнъ, доколѣ не коснулся онъ камня, съ котораго однако жъ сошелъ въ ту же минуту; ударомъ симъ онъ повредилъ подводную часть и лишился руля. Сначала капитанъ хотѣлъ спуститься въ Англію, и счастливъ былъ бы, если бъ исполнилъ это намѣреніе; но вскорѣ, перемѣнивъ оное, рѣшился стать на якорь въ заливѣ Грувилли, гдѣ и сѣхалъ въ крѣпость. Тогда начался ужасный штормъ отъ NO, со снѣгомъ и сильными морозомъ, и дулъ прямо на берегъ, не имѣвшій ни какого для кораблей убѣжища, и устьянный опасными камнями.

Въ часъ пополудни первый лейтенантъ напелся принужденнымъ срубить гротъ-мачту, а поутру бизань-мачту. Не взирая на сіи предосторожности, около полудня подорвало у него всѣ канаты, и фрегатъ понесло къ берегу. Теперь представилась страшная и величественная картина! Отливъ оставилъ сухой берегъ, протянувшійся въ море на разстояніи почти одной мили отъ редутовъ. Крѣпостныя строенія были наполнены зрителями, состоявшими изъ Грувилльскаго гарнизона, простиравшагося до полуторы тысячи человекъ и нѣкотораго числа жителей острова. Въ числѣ зрителей находился самъ Герцогъ Буліонскій, которому суждено было видѣть гибель своего фрегата. Несло его прямо на открытые камни, а потому оставшійся командиромъ на фрегатѣ Лейтенантъ Оверніе, родной братъ командора, употреблялъ всѣ способы, чтобъ миновать ихъ, и на сей конецъ, на стоявшей еще фокъ-мачтѣ пытались поднять какой нибудь парусъ, но ни какія мѣры не имѣли успѣха. Съ приближеніемъ фрегата къ камнямъ, увеличивались страхъ и безпокойство зрителей. Презирая разъяренныя волны и пронзительный холодъ, солдаты вошли

по колыни въ воду, и съ распростертыми руками стояли въ готовности принимать бѣдствующихъ.

Между тѣмъ фрегатъ продолжало дрейфовать, и онъ безпрестанно палилъ изъ пушекъ, требуя сигналомъ помощи, которой невозможно было ему оказать. Въ это время вѣтеръ свирѣпствовалъ съ необыкновенною силой, и развелъ пребольшое волненіе: казалось, не было возможности ни одному человѣку спастись отъ смерти. Солдаты, съ чрезвычайнымъ трудомъ притащили нѣсколько гребныхъ судовъ къ тому мѣсту берега, къ которому несло фрегатъ, и старались спустить ихъ на воду, причемъ какъ нижніе чины, такъ и сами офицеры по поясъ въ водѣ работали, но усилія ихъ были бесполезны. Хотя имъ удалось спустить нѣкоторыя изъ гребныхъ судовъ, но они ни какими средствами не могли доѣхать до фрегата, который тогда уже плотно стоялъ на камняхъ. Но когда онъ былъ въ самомъ опасномъ положеніи, подъѣхали къ нему два катера, отправленные съ фрегата Аломены, который выдержалъ бурю на якоряхъ, и находился у него на вѣтрѣ. Посредствомъ сихъ катеровъ переданы были тросы съ фрегата Северины на берегъ, и съ помощью сихъ-то тросовъ, къ шестому часу вечера весь экипажъ, состоявшій вмѣстѣ съ высадными войсками болѣе чѣмъ изъ пяти сотъ человѣкъ, переправился на берегъ благополучно. На фрегатѣ погибъ только одинъ матросъ, который самъ не хотѣлъ его оставить. Около полуночи приливъ приподнялъ фрегатъ, и принесъ его къ самому берегу. Слѣдующіе два дня вѣтеръ продолжалъ дуть крѣпко съ весьма холодною погодой. Не взирая на сіе, отряды 18-го и 69-го пѣхотныхъ полковъ успѣли достать изъ него всѣ морскіе снаряды, какіе только было можно.

Фрегатъ Аломена также находился въ большой опасности, и спасеніемъ своимъ обязанъ только добротѣ канатовъ.

*Крушеніе англійскаго остъ-индскаго корабля
Генерала Баркера, подъ начальствомъ Капи-
тана Тодда, послѣдовавшее 17-го Февраля
1781 года, у береговъ голландскихъ.*

Принадлежащій достопочтенной Восточно-Индѣйской Компаніи корабль Генералъ Баркеръ, подъ начальствомъ Капитана Тодда, отправился изъ Мадраса въ Европу въ исходѣ Февраля 1780 года. Въ числѣ пассажировъ на немъ находился Мадрасскій Губернаторъ Сиръ Томасъ Румбольдъ, съ супругою и семействомъ. Конвой состоялъ изъ трехъ линѣйныхъ и многихъ остъ-индскихъ кораблей. Около половины слѣдующаго Апрѣля, флотъ прибылъ въ Заливъ Св. Августина, что на островѣ Мадагаскарѣ, гдѣ простоялъ шесть недѣль; тамъ присоединились къ нему компанейскіе корабли, шедшіе изъ Китая. Въ началѣ Іюля достигъ онъ Столоваго Залива на Мысѣ Доброй Надежды, гдѣ также простоялъ около шести недѣль, а потомъ пошелъ къ Острову Св. Елены, откуда въ числѣ трехъ линѣйныхъ кораблей, одного 64-хъ-пушечнаго, одного 50-ти-пушечнаго и четырнадцати Остъ-Индскихъ отправился въ Европу.

Около Рождества Христова корабль Баркеръ достигъ южныхъ береговъ Ирландіи, и вошелъ въ Крукгаванъ, гдѣ высадилъ Сира Томаса Румбольда и всѣхъ прочихъ пассажировъ, а потомъ пошелъ въ Англійскій Каналъ, и прибылъ на Дилскій Рейдъ, съ нѣкоторыми другими кораблями, 10-го Февраля 1781 года, при крѣпкомъ вѣтрѣ отъ юго-запада. Здѣсь капитанъ отправился на берегъ, чтобъ достать нѣсколько нужныхъ для корабля морскихъ снарядовъ.

12-го Февраля, крѣпкій вѣтеръ продолжался отъ SW; въ девятомъ часу вечера на кораблѣ спустили нижнія реи и стеньги, и вскорѣ послѣ того отдали дагликсъ на опонерь; вѣтеръ между тѣмъ усиливался. Около девяти часовъ надрейфовало на корабль небольшое судно, которое оторвало у него лѣвый баканецъ и ватеръ-бакштаги, потомъ пронесло его мимо безъ дальнихъ поврежденій; вѣ-

теперь же не переставалъ усиливаться. Вскорѣ за симъ пришло къ нимъ другое большое судно, которое задержалось на своихъ якоряхъ прямо передъ носомъ корабля Баркера, и стало тереть килемъ своимъ его плехтова канатъ, который былъ новый и лучший изъ всѣхъ находившихся на семъ кораблѣ: онъ и составлялъ главную надежду экипажа. Для сохраненія каната, вытравили они его до слабину, и привели корабль на дагликсъ, на который положивъ сарвень, хотѣли спустить крюкъ-стенгу, но не бывъ въ состояннн вынуть шлаговъ, оставили ее на мѣстѣ. Въ одиннадцатомъ часу, при вѣтрѣ, усилившемся до чрезвычайности, начала блистать почти непрерывная молнія съ ужаснымъ громомъ; тогда же со всѣхъ сторонъ видно было пламя сигнальныхъ выстрѣловъ съ кораблей, терпѣвшихъ бѣдствіе. Въ это время лопнулъ у нихъ плехтова канатъ, будучи перетертъ килемъ вышепомянутаго судна; они въ ту же минуту отдали запасный якорь, и стали травить дагликсова и тоева канаты, чтобъ уравнять ихъ, но не могли уже задержать послѣдняго; когда же корабль пришелъ на дагликсова канатъ, то при первой натугѣ его порвало, и тогда уже не осталось ни малѣйшей надежды задержать тоева канатъ, который весь высучило, а когда дошло до конца, закрѣпленнаго около гротъ-мачты, то онъ въ одну секунду съ чрезвычайнымъ трескомъ порвался, и корабль понесло по вѣтру.

Вѣтеръ, превратившійся теперь въ настоящій ураганъ, несъ корабль съ чрезвычайною скоростью, и бросилъ его на стоящій у него въ нѣкоторомъ разстояннн за кормою небольшой бригъ съ такою силою, что бригъ, затрещавъ ужаснымъ образомъ, въ ту же минуту пошелъ на дно, и изъ несчастнаго его экипажа не спаслось ни одного человека; корабль же ударился въ бригъ кормою, отъ чего переломило на немъ румпель. Экипажъ хотѣлъ поворотить корабль чрезъ фордевиндъ; съ сею цѣлю отдали фокъ, но его чрезъ нѣсколько секундъ изорвало въ лоскутъя; тогда подняли фокъ-стаксель, который имѣлъ такую же участь. Не имѣвъ удачи въ сихъ способахъ, срубили бизань-мачту; но въ самое это время корабль ударился два или три раза

на песчаной банкѣ, называемой Брекъ; тогда и они взяли съ кормы кабелтовъ, привязали къ штопъ-анкеру и отдали его; симъ способомъ поворотили корабль и миновали вышепомянутую банку.

Въ слѣдующій день (13-го Февраля) отрубили концы оставшихся за клюзами канатовъ, подняли фока-рей, и начали очищать капитанскую каюту, чтобъ вставить въ ней запасный румпель. Каютъ была закладена пожитками Сира Томаса Румбольда и супруги его. Не было ни какой возможности перепести ихъ въ другое мѣсто, а потому экипажъ, изломавъ и перерубивъ большіе, громоздкіе ящики и сундуки, побросалъ всѣ въ воду каютными окнами. Въ числѣ прочихъ вещей находились прекрасныя мебели, серебряныя и другіе столовыя и чайныя сервизы, разныя дорогія рѣдкости и сорокъ клѣтокъ съ необыкновенными и весьма рѣдкими птицами. Цѣна всего имущества, брошеннаго въ это время въ море, простиралась до десяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ (*); но избѣжать этого было нельзя, ибо сей жертвы требовало спасеніе корабля и экипажа.

Въ третьемъ часу пополудни румпель былъ готовъ и фокъ стоялъ уже; чрезъ полчаса послѣ того подняли грот-рей и поставили гротъ. Отъ сего времени до девятаго часа утра шли на правый галсъ по два узла въ часъ, при вѣтрѣ, дувшемъ съ прежнею силой и при весьма большомъ волненіи. Въ девятомъ часу увидѣли на лѣвый крамболъ банку Кентишьнокъ. Это обстоятельство дало поводъ къ жаркому спору, на шканцахъ между лоцманами, конхъ на кораблѣ было два, и офицерами: первые настаивали (**), чтобъ корабль поворотилъ чрезъ Фордевиндъ и легъ на другой галсъ, а офицеры утверждали, что по близости корабля

(*) Болѣе 60,000 рублей серебромъ.

Прим. перев.

(**) Англійскіе лоцманы въ это званіе назначаются по экзамену особымъ департаментомъ, отъ котораго получаютъ свѣдѣтельства объ ихъ искусствѣ. Капитанъ, не принявъ ихъ совѣта, беретъ отвѣтственность на себя, и въ случаѣ несчастія ничто уже оправдать его не можетъ.

Прим. перев.

къ банкѣ, невозможно ему было пройти ее на другой галсъ; но идучи прежнимъ галсомъ, стоитъ только имъ немного *приспуститься* и *потравить* на футъ или на два фока и грота-шкотовъ, чтобы, давъ кораблю хорошій ходъ, миновать ее безъ малѣйшей опасности. Лопманы, не уважая ни какихъ причинъ, стояли въ своемъ, и настоян: немедленно вызвана была вся команда наверхъ для поворота. При положеніи руля на бордъ, тотчасъ былъ поднятъ форъ-стенги-стаксель, и гротъ обрасопленъ сколько возможно ближе къ левинтигу; въ то же время послали людей по всѣмъ фокъ-вантамъ; на бакѣ на вѣтрѣ положили столько коекъ стѣною, сколько было возможно. Но ничто не помогло: корабль такъ медленно уклонялся подъ вѣтеръ, и шелъ съ такою скоростью, что прежде нежели пришелъ на фордевиндъ, ударился объ мель и сталъ на банку весьма плотно носомъ и кормою. Паруса въ одну минуту взорвало, и валы начали прямо ходить чрезъ него съ такимъ стремленіемъ, что безъ величайшей осторожности крайне опасно было оставаться на шканцахъ, чтобы не увесло въ море.

Около десяти часовъ утра сталъ онъ понемногу валиться на лѣвую сторону, почему экипажъ срубилъ гротъ-мачту, но какъ не догадались (*) въ самое то же время переру-

(*) Когда капитанъ сдѣлаетъ какое либо упущеніе, при обыкновенныхъ маневрахъ корабля, напримѣръ: позабудетъ что или недосмотритъ, иногда офицеры сами поправляютъ или дополняютъ упущенное; но въ важныхъ и опасныхъ случаяхъ, они не захотятъ принять на себя отвѣтственности, и ожидаютъ на все точнаго и яснаго повелѣнія корабельнаго командира; на это они имѣютъ полное право, и тѣмъ болѣе, что, къ несчастью, бывали примѣры, когда капитаны свои ошибки и вины слагали на офицеровъ, и были оправданы. Слѣдовательно, когда корабль находится въ сраженіи или въ опасности, капитанъ долженъ быть крайне внимателенъ ко всему происходящему на ономъ и осмотрителенъ въ своихъ приказаніяхъ, и если на себя не гадѣтся, то лучше сдѣлаетъ, когда, отложивъ на сторону всякое чванство, будетъ руководствоваться совѣтами другихъ. Я знаю одинъ примѣръ, что лѣтъ за тридцать

бить грота-штага, то, при паденіи мачты, разбило онымъ надвое лучшій ихъ катеръ, стоявшій на росторахъ. Корабль этотъ былъ новый и весьма хорошо построенный, и оттого сначала вода прибывала въ трюмъ очень медленно; но безпрестанные удары, претерпѣваемые имъ на мели, причинили въ немъ большую течь, которая скоро заставила экипажъ прибѣгнуть къ помощи всѣхъ помпъ, на кораблѣ бывшихъ.

Въ это время бѣдствующіе имѣли нѣкоторую надежду на пособіе одномачтоваго шлюпа, шедшаго подъ фокомъ на подвѣтренной сторонѣ банки, которому сдѣлали они сигналъ, что имѣютъ нужду въ его помощи. Но, не взирая на опасное положеніе корабля и сигналы его, шлюпъ поставилъ зарифленный гротъ съ опущеннымъ нокомъ гафеля, спустился отъ вѣтра, и, къ величайшему огорченію и досадѣ экипажа, пошелъ отъ нихъ прочь. Въ одиннадцать часовъ утра спустили фокарей, очистили росторы и приступили къ составленію большого плота изъ рангоута и другихъ попадавшихся деревъ, которыя клали рядами, одинъ поперегъ другаго и связывали крѣпко тросами. Во второмъ часу плотъ былъ готовъ и спущенъ на воду. Послѣ сего срубили противъ барказа верхи топъ-тимберсовъ, чтобъ легче его спустить на воду, но не могли этого сдѣлать не повредивъ барказа, отчего открылась въ немъ такая течь, что онъ въ двадцать минутъ наполнился водою и потонулъ у борда; при семъ случаѣ нѣсколько человѣкъ лишились жизни, и едва было не оторвало плотъ. Потомъ рѣшено было разбить нѣсколько водяныхъ бочекъ, чтобъ

слишкомъ предъ симъ, оправдали капитана за потерянiе корабля, потому что онъ не зналъ говорить на природномъ языкѣ своего экипажа, и сослался будто офицеры его не понимали: но никто его не спросилъ, почему онъ принялъ начальство надъ кораблемъ, не зная языка своихъ подчиненныхъ, ибо очевидно, что самый искусный мореходецъ въ свѣтѣ будетъ бесполезенъ на кораблѣ, котораго экипажъ его не понимаетъ; а если къ незнанію языка присоединятся еще и другія незнанія, чему также бываютъ примѣры, чего тогда можно ожидать отъ кораблей такимъ образомъ управляемыхъ?

Прим. перев.

облегчить носовую часть, ибо корабль начиналъ сильно биться кормою на мели: въ это время оторвало у него руль, и стартъ-постъ до того расшатало, что въ трюмѣ вода стала прибывать по три фута въ часъ.

Такъ какъ приливъ еще продолжался, то экипажъ надеялся, что если течь въ корабль не увеличится, то волненіемъ можетъ понемногу перенести его чрезъ банку; что и дѣйствительно случилось. Въ половинѣ четвертаго часа пополудни спесло его на глубину семи сажень, а вскорѣ послѣ того на тринадцать, и потомъ на двадцать сажень. Соседъ съ мели, служители принялись очищать нижній декъ, который былъ такъ загроможденъ, что людямъ опасно было ходить по немъ. Посрединѣ дека, въ нарочно устроенныхъ стаяхъ и клѣткахъ находились двѣ мадагаскарскія коровы съ телятами, прекрасная арабская лошадь, тигръ, гіена, множество барановъ, козъ, и проч. Всѣхъ сихъ животныхъ, переколовъ пиками, побросали въ воду. Ту же участь имѣли сундуки, койки и все, что ни находилось на нижнемъ декѣ, который въ полчаса совершенно былъ очищенъ; на немъ остались одиѣ пушки. Между тѣмъ подпiali фокарей, перемѣнили фокъ, привязали блиндъ и поставили эти паруса. Въ пять часовъ вечера открылся Лонгсандгедскій (Longsand-head) баканъ, тогда корабль имѣлъ прежнюю течь: по три фута въ часъ.

Плотъ буксировали на катъ-лопарѣ, который вскорѣ норвался, и лишилъ экипажъ единственнаго способа, оставшагося ему для переѣзда съ корабля на берегъ въ случаѣ крайности. Связавъ бухтою въ кольцо небольшой отрывокъ каната, спустили его зз корму на кабельтовѣ изъ капитанской каюты, и въ порты той же каюты съ обѣихъ сторонъ взяли по кѣнцу, привязанному къ бухтѣ, которая, посредствомъ сего устройства, служила имъ нѣкоторымъ образомъ вмѣсто руля, и помогала держать корабль сколько возможно ближе бейдевинда. Около девяти часовъ вечера экипажъ началъ бросать пушки за бортъ; работа эта была сопряжена съ чрезвычайнымъ трудомъ и опасностью; ибо, не имѣя руля и мачтъ, кромѣ одной, корабль пикафутами хваталъ воду, отчего при бросаніи каждой пушки попадало

въ него такое количество воды, что дѣйствуя всѣми помпами, едва могли держать оную въ одной высотѣ въ льялѣ. Второй офицеръ, Г. Вельвудъ, управлялъ работою на лѣвой сторонѣ нижняго дека, а артиллерійскій офицеръ, Горъ, на правой. Они такъ хорошо исполнили возложенное на нихъ порученіе, что къ одиннадцати часамъ той же ночи не осталось въ кораблѣ ни одной пушки, кромѣ шести, удержанныхъ для сигналовъ. Послѣ сего командующій офицеръ позволилъ служителямъ нѣсколько отдохнуть, раздѣливъ ихъ на двѣ смѣны, изъ коихъ одна въ свою очередь непрерывно отливала воду помпами и ведрами. Между тѣмъ, сплеснивъ оставшіеся въ кораблѣ отрубки канатовъ, составили изъ нихъ одинъ цѣлый, длиною въ тридцать сажень.

На разсвѣтѣ 14-го числа усмотрѣли къ SW небольшое судно, которое на сигналы, сопровождаемые пушечными выстрѣлами, скоро приблизилось къ бѣдствующимъ. Это былъ бригъ во 120 тоновъ, подъ датскихъ флагомъ, шедшій изъ Христіанзаанда въ Остендъ; шкиперъ его согласился по письменному договору держаться при кораблѣ и помогать ему, по возможности, за сто фунтовъ стерлинговъ, съ тѣмъ еще условіемъ, чтобъ за потерю времени и порчу груза, буде это случится, Компанія вознаградила хозяевъ брига. Договоръ сей былъ подписанъ съ одной стороны шкиперомъ, а съ другой четырьмя офицерами корабля, на который съ брига тотчасъ прислали нѣсколько тросовъ, въ коихъ корабль наиболѣе имѣлъ надобность. Между тѣмъ плотники придѣлали штокъ къ запасному якорю, а матросы поставили на мѣсто бизань-мачты брамъ-стенъгу, и подняли на ней брамсель, чтобъ держать корабль къ вѣтру.

Въ это время вѣтеръ былъ очень умѣренный, и волненіе сдѣлалось гораздо меньше. Экипажъ продолжалъ понемногу приводить корабль въ порядокъ, сколько обстоятельствъ позволяли: запасный якорь положили въ свое мѣсто на бордѣ, привязали къ нему сплесненные концы канатовъ въ тридцать сажень, а къ сему приспеснили новый вантъ тросъ, который нарочно для сего съ большимъ трудомъ достали изъ констапельской. Течь же въ кораблѣ ни сколько не уменьшалась.

Около полулня увидѣли на подвѣтренномъ траверзѣ большой корабль, и тотчасъ, поднявъ флагъ гюйсомъ внизъ (*), слѣлали нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, на которые чужой корабль отвѣчалъ выстрѣломъ на вѣтеръ, поднялъ шведскій гюйсъ на форъ-брамъ-стенгѣ, и казалось, желалъ къ нимъ приблизиться, поворотивъ нѣсколько разъ съ одного галса на другой; но корабль Баркеръ, по неимѣнію руля, ни какъ не могъ самъ спуститься къ нему; между тѣмъ напелъ шквалъ съ пасмурностью, тогда чужой корабль отдалъ марса-фалы, взявъ у марселей рифы и спустясь отъ вѣтра, удаленся.

Корабль Баркеръ во весь день лежалъ на SSO и SOTs, и съ дрейфомъ подавался по $2\frac{1}{2}$ узла въ часть; но подверженъ былъ большой качкѣ: иногда шкафуты касались воды.

Въ третьемъ часу пополудни отправили съ корабля въ помощь бригу троихъ матросовъ, и подали семи-дюймовый кабельтовъ, чтобъ посредствомъ его править кораблемъ (**). Во весь этотъ день отъ самой банки Кентинь-нокъ, корабль шелъ по глубинѣ 13, 17, 20 и 24 сажень, но теперь она вдругъ начала уменьшаться до 13, 10 и потомъ до восьми сажень. Тогда же вѣтеръ сталъ усиливаться, а съ брига дали знать, что по счисленію пути, они должны быть ниже Остенда, и что если на этотъ галсъ еще протащить ихъ нѣсколько часовъ, то они попадутъ на фламандскія мели; вѣтеръ между тѣмъ не преставаля крѣпчать, и всѣ призываки угрожали бурею. Въ сихъ обстоятельствахъ не было кораблю другаго спасенія, какъ поворотить на другой галсъ. Офицеры рѣшились произвести этотъ маневръ въ дѣйствіе слѣдующимъ образомъ: они велѣли бригу нѣсколько спуститься и поставить болѣе парусовъ, не отдавая кабельтова, а сами выпустили вѣтеръ изъ фока;

(*) Обыкновенный сигналъ бѣдствія въ англійскомъ флотѣ.

Прим. перев.

(**) То подтягивая, то выдавая кабельтова можно кое-какъ править кораблемъ близко желаемого курса; только эта работа крайне трудна и много вредить буксируемому судну, а потому кромѣ самой необходимости способъ сей никогда не употребляется.

Прим. перев.

симъ способомъ они хотѣли привести корабль противъ вѣтра и поворотить оверъ-штагъ, въ чемъ и успѣли бы, если бы, къ несчастію ихъ, не лопнулъ кабельтовъ. Съ симъ приключеніемъ вся надежда ихъ рушилась, и какъ вѣтеръ становился частъ отъ часа крѣпче и пошелъ дождь, то шкиперъ датскаго брига, подойдя къ кораблю, объявилъ, что если корабль не поворотить на другой галсъ, то онъ не будетъ съ нимъ держаться и поидетъ своимъ путемъ. Офицеры представляли ему невозможность въ теперешнемъ положеніи корабля поворотить его, потому что они видятъ подъ вѣтромъ банки, на которыхъ ходитъ страшный бурунь, и что если онъ не окажетъ имъ помощи, то они не только не надѣются спасти корабль, но и весь экипажъ долженъ будетъ неизменно погибнуть. Шкиперъ, повторивъ прежнее свое объявленіе, тотчасъ сталъ поворачивать чрезъ фордевиндъ; тогда офицеры съ корабля начали умолять его именемъ самого Бога не покидать ихъ, а командующій офицеръ велѣлъ всѣмъ служителямъ кричать на бригъ, и упрашивать экипажъ его сжалиться надъ ними и спасти ихъ; при семъ случаѣ, многіе, взобравшись на видныя мѣста, стали на колѣни и, поднявъ руки къ небу, со слезами упрашивали шкипера, не оставлять ихъ; но ничто не могло тронуть сердца жестокихъ Датчанъ: поворотивъ на другой галсъ, и не отвѣчая ни слова, они пошли отъ корабля вдаль. Въ это время бригъ безъ всякой опасности могъ лежать въ нѣсколькихъ саженьяхъ подъ вѣтромъ корабля на тихой водѣ, и въ короткое время перевести къ себѣ весь экипажъ.

Теперь взорамъ каждаго на кораблѣ представилась смерть со всѣми ея ужасами! Не было возможности, не было и надежды избѣжать ея! Положеніе корабля было ужасное: вѣтеръ становился постепенно сильнѣе, и разорвалъ въ лоскутья фокъ, единственный парусъ, стоявшій на кораблѣ; волненіе увеличилось, наступила пасмурность съ дождемъ, ночь приблизилась, фламандскія банки находились передъ носомъ, и по нимъ разливался страшный бурунь: корабль несло къ нимъ прямо и скоро, и онъ уже былъ на глубинѣ менѣе семи сажень: вотъ какіе предметы поражали

взоры каждого изъ экипажа! Впрочемъ не было видно ни берега, ниже какого либо судна, кромѣ датскаго брига, поспѣшно отъ нихъ удалявшагося, откуда могли бы они еще надѣяться получить помощь, или куда была бы имъ возможность добраться въ случаѣ разбитія корабля, чего они имѣли причину страшиться послѣ нѣсколькихъ ударовъ его на банкѣ. Ко всему этому надлежитъ еще при-совокупить сильную течь, отъ которой всѣми помпами и ведрами едва могли отливаться, и что на кораблѣ оставалась только одна мачта, Впрочемъ не было ни парусовъ, ни канатовъ, ни якорей, кромѣ одного. Въ это время на кораблѣ находилось сто двадцать шесть человѣкъ офицеровъ, пассажировъ и нижнихъ чиновъ, двѣ женщины и двое дѣтей.

Экипажъ составилъ совѣтъ, продолжавшійся минутъ пять или шесть, въ которомъ офицеры и матросы свободно предлагали свое мнѣніе: рѣшено попытаться, помощію за-паснаго якоря поворотить чрезъ фордевиндъ, и если этотъ способъ не удастся, предаться на волю Провидѣнія, лишась всякой надежды на человѣческое пособіе. Маневръ этотъ былъ произведенъ въ дѣйствіе такъ хорошо и удачно, какъ экипажъ желалъ: корабль поворотилъ на другой галсъ, но за то лишился пятого и послѣдняго своего якоря!

Въ это время опять просіялъ лучъ надежды: корабль имѣлъ много мѣста дрейфовать, а экипажъ имѣлъ возможность безпрестаннымъ отливаніемъ воды не допустить его до потопленія; между тѣмъ могло съ нимъ встрѣтиться какое нибудь судно, которое было бы въ состояніи помочь ему. На сей конецъ въ короткіе промежутки времени стали стрѣлять изъ пушекъ. Они надѣялись, что бригъ за-свѣтло еще увидить, что корабль поворотилъ на другой галсъ и возвратится къ нему; однако жъ ночь наступила, бригъ ушелъ, и не усмотрѣли ни какого судна вокругъ себя, а потому старались искать спасенія въ собственныхъ своихъ средствахъ. Давъ служителямъ по чаркѣ водки и время поужинать, командующій офицеръ приказалъ, вмѣсто изорваннаго фока, привязать форъ-марсель, у котораго по причинѣ крѣпкаго вѣтра, взяли рифы и поставили. Корабль

поворотилъ съ глубины семи сажень, а потомъ, дрейфуя къ NNO и къ NO, по полтора и по два узла, имѣлъ оную 10, 13, 17 а иногда 20 сажень. На палубахъ все было приведено въ возможный по обстоятельствамъ порядокъ, и служители раздѣлились на двѣ перемены для отливанія воды изъ корабля.

Въ шесть часовъ утра 15-го числа всѣ служители опять принялись за работу: во-первыхъ занялись приготовленіемъ временнаго руля, который къ полудню сдѣлали, употреби на это фишъ-балку и люки; для загрузенія нижняго конца кнѣпи, а для прикрѣпленія къ кораблю и для правленія онымъ форъ-марса-драйрепы. Посредствомъ сего руля корабль могъ подняться на NtO, и шель по глубинѣ отъ 13-ти до 17-ти сажень. Въ полдень опредѣлили широту по наблюденію $52^{\circ} 10'$, и видѣли одинъ церковный шпиль, но берега усмотрѣть не могли. Между тѣмъ течъ въ корабль увеличилась до трехъ съ половиною футовъ въ часъ, и такимъ образомъ продолжалась во весь день; если бъ она еще прибавилась, то корабль потопулъ бы непременно, пбо всѣ помпы были въ самомъ дурномъ состояніи. Послѣ полудня хотѣли поставить запасную стѣнгу вмѣсто гротъ-мачты, но не имѣли такелажа, чтобъ оснастить ее, и потому поставили только на гака-бордѣ небольшое дерево, на которомъ подняли катерный гротъ, а гротъ-брамъ-стаксель употребили вмѣсто апселя. Въ четыре часа послѣ полудня привязали къ фока-рею, вмѣсто форъ-марселя, гротъ, и взявъ у него одинъ рифъ, поставили оный. Въ это время погода прояснѣла, и вѣтеръ сдѣлался еще умѣреннѣе, но сталъ заходить, и согналъ корабль на NO и NOtO. Въ семь часовъ усмотрѣли два огня подъ вѣтромъ, на одинъ румбъ отъ бушприта. Это заставило ихъ попытаться, нельзя ли повернуть корабль на другой галсъ; но всѣ способы, употребленные ими для сего, были неудачны; между тѣмъ корабль, идучи поперегъ волненія, качался ужаснымъ образомъ.

Въ продолженіе ночи чрезъ каждыя пять минутъ дѣлали пушечные выстрѣлы, для извѣщенія тѣхъ, кто могъ ихъ слышать, о бѣдственномъ положеніи корабля. Въ пол-

ночь удалось поворотить корабль на другой галсъ, тогда старались удалиться отъ берега, который, по видѣннымъ съ вечера огнямъ, полагали весьма въ недалекомъ отъ себя разстояніи. При поворотѣ глубина была тринадцать сажень, а къ разсвѣту уменьшилась до десяти.

16-го числа поутру открылась земля, къ которой корабль приближался весьма скоро, и былъ уже на глубинѣ семи сажень, а потомъ вдругъ очутился на пяти саженьяхъ. Тогда командующій офицеръ приказалъ бросить въ воду четыре пушки, оставивъ двѣ для сигналовъ. Въ одиннадцатомъ часу утра, корабль сталъ на мель въ двухъ съ половиною миляхъ отъ берега, и тотчасъ повалился на правую сторону, къ берегу, отчего волненіе стало прямо ходить чрезъ корабль, било его на мели ужаснымъ образомъ, и скоро поворотило кормою къ берегу. Экипажъ, поднявъ англійскій гюйсъ, одинъ уцѣлѣвшій изъ всѣхъ флаговъ, бывшихъ на кораблѣ, продолжалъ временно налить изъ пушекъ, надѣясь получить помощь съ берега. Отливаніе воды изъ корабля теперь было уже бесполезно, а потому, оставивъ оное, весь экипажъ принялся составлять плотъ изъ деревъ и досокъ, кои могъ набрать. Служители тѣмъ усердіе производили эту работу, что не замѣтили ни какихъ приготовленій на берегу, по которому разливался превеликій бурунь. Чрезъ два часа плотъ былъ готовъ, и двадцать человекъ пустились на немъ по вѣтру и волненію къ берегу, но, большую часть изъ нихъ недалеко отъ корабля сорвало съ плота валомъ, и они погибли въ глазахъ своихъ товарищей. Въ это время и оставшіеся на кораблѣ ежечасно должны были ожидать подобной участи, ибо онъ началъ уже въ разныхъ частяхъ раздаваться, и члены его трещали необыкновеннымъ образомъ.

Около трехъ часовъ пополудни, трюмъ наполнился водою, которая выступила и на гошъ-декъ, и корабль ломало часть отъ часа болѣе. Видѣвши приближающуюся для всего экипажа роковую минуту, офицеры приказали по всему юту прибить большими гвоздями сезни и разные обрывки веревокъ, къ которымъ привязали инвалидовъ, престарѣлыхъ служителей, женщинъ и дѣтей, съ тою цѣлію, что когда

корабль разломится на части, то ютъ всплыветъ и они могутъ еще спастись на немъ. Въ шесть часовъ сдѣлали послѣдній выстрѣлъ изъ пушки, которая была почти совсѣмъ покрыта водою, ибо въ это время верхній декъ уже погрузился, и экипажъ находился только на шкапахъ и на ютѣ, гдѣ всякъ старался укрыться отъ волнъ, сколько могъ. Въ продолженіе ночи положеніе экипажа было ужасное!

Предъ разсвѣтомъ 17-го числа, корабль передомился пополамъ подлѣ гротъ-люка; кормовая часть нѣсколько времени была неподвижна, но потомъ вдругъ осяла. Вскорѣ послѣ усмотрѣли шедшіе къ берегу два шхоута, корабль же продолжало ломать на части, и ютъ отъ него отдѣлился со всѣми бывшими на немъ людьми. Но какъ въ продолженіе ночи, перепилили всѣ кнѣсы его, и посредствомъ ломовъ и топоровъ ослабили крѣпленія его съ бордами, сколько было возможно, то теперь онъ скоро совсѣмъ отсталъ, всплылъ и послужилъ къ спасенію многихъ.

На другомъ большомъ отломкѣ корабля находились ботсманъ, артиллерійскій офицеръ, одинъ мичманъ, баталеръ, нѣсколько слугъ и военнопленные Французы; изъ нихъ баталеръ и нѣсколько другихъ сорваны были волпненіемъ и потопули, а всѣ прочіе спаслись. Когда корабль ломало, каждый хватался кому за что случилось: на обломкахъ находилось по одному, по двое и по нѣсколько человѣкъ; нѣкоторые были столь счастливы, что спаслись, а другіе погибли. Пока это происходило, шхоуты приблизились: сначала подошли они къ юту и спасли всѣхъ бывшихъ на немъ; потомъ, посредствомъ веревокъ, забрали людей, находившихся на другихъ корабельныхъ обломкахъ.

Въ это время на берегу собралось множество вооруженныхъ сельскихъ жителей, которые всѣхъ Англичанъ, привезенныхъ со шхоутовъ и на обломкахъ прибывшихъ къ берегу, брали подъ стражу, какъ военно-пленныхъ (*). Положеніе спасшихся было не очень завидно, а особливо сначала: погода стояла чрезвычайно холодная, даже земля замерзла, а они не имѣли на себѣ почти ни какой одежды.

(*) Тогда Англія и Голландія находились въ войнѣ.

Многіе изъ тѣхъ, кои достигли берега на корабельныхъ членахъ, не могли избѣжать, чтобъ не принять внутрь себя большаго количества морской воды; таковыя нѣсколько времени лежали безъ чувствъ. Чтобъ пособить имъ, голландскіе поселяне поднимали ихъ ногами вверхъ и до тѣхъ поръ трясли, доколѣ вода изъ нихъ не была извержена. Симъ способомъ нѣкоторыхъ они привели въ чувство, а другихъ уморили. Г. Гибсонъ, вытащенный изъ буруна и положенный на песокъ, хотѣлъ нѣсколько минутъ пролежать въ покоѣ; но увидѣвъ, что Голландцы собирались надъ нимъ произвести вышепомянутый способъ исцѣленія, принужденъ былъ собрать послѣднія силы и встать, для убѣжденія сихъ услужливыхъ людей, что онъ не имѣетъ нужды въ ихъ помощи.

Берегъ, на которомъ они спаслись, находился поблизости мѣстечка, называемаго Схевепингъ, откуда за конвоемъ, состоявшимъ изъ небольшого отряда швейцарскихъ войскъ и поселянъ, отвели ихъ въ пивоварню, и на ночь заперли въ ней всѣхъ безъ различія чиновъ, подобно стаду скота.

18-го числа поутру дали имъ позавтракать хлѣба, сыру и пива, а потомъ посадили въ десять большихъ фуръ, въ коихъ Голландцы развозятъ навозъ по полямъ, и отправили внутрь области. Везли ихъ очень медленно, а какъ они были почти безъ платья, то весьма много терпѣли отъ холода. Когда же проѣзжали деревнями, женщины и ребяташки ругались надъ ними и бросали въ нихъ глыбами замерзшей грязи. Народъ вообще показывалъ такое ожесточеніе къ Англичанамъ, что если бъ не защитилъ ихъ швейцарскій офицеръ и его солдаты, то вѣрно Голландцы вытащили бы ихъ изъ фуръ и перебили. Проѣхавъ такимъ образомъ около шести или семи миль, прибыли они въ небольшой городокъ Нурдвикъ, гдѣ ихъ тотчасъ заключили въ пустые винныя подвалы, въ которыхъ, вмѣсто полу, постелей и всякой мебели, была разбросана солома. Здѣсь случилось съ ними забавное и вмѣстѣ весьма непріятное приключеніе: Англичане, имѣвшіе при себѣ деньги, не могли за нихъ получить ни какой пищи, по караульные

продавали имъ тихонько джину, сколько угодно, а потому матросы скоро перепились и начали шумѣть и бранить Голландцевъ. Въ это время нѣкоторые изъ жителей принесли къ нимъ крутую кашу, сваренную изъ перловой крупы, сваляную въ видѣ пирамидъ и политую горячею патакою. Видѣ сего кушанья Англичанамъ не нравился, и пьяные матросы, схвативъ Голландцевъ, уткнули ихъ носами въ горячую патаку; сдѣлался шумъ; караульный офицеръ вообразивъ, что плѣнные взбунтовались, ввелъ къ нимъ солдатъ съ заряженными ружьями; но Англичане, вмѣсто всякаго сопротивленія, обнаживъ грудь, съ твердостью требовали, чтобъ лучше ихъ перестрѣляли, чѣмъ поступали съ ними такимъ недостойнымъ образомъ. Швейцарцы, узнавъ причину случившейся ссоры, успокоили Англичанъ, сложили всю вину на Голландцевъ, и собравъ по домамъ силою или добровольнымъ подаваніемъ сколько возможно болѣе лучшихъ съѣстныхъ припасовъ, накормили ихъ.

Понутру 20-го числа привели ихъ въ городъ Лейденъ, гдѣ офицеры получили право жить на свободѣ, давъ честное слово не уходить, а нижніе чины посажены были за строгій караулъ, въ такъ называемый карантинный домъ.

При семъ кораблекрушеніи погибло 25 человекъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Гибель англійскаго военнаго шлюпа Тринкомале и французскаго корсера Ифигеніи, въ Октябрь 1799 года, во время сраженія.

Англійскій остъ-индскій корабль Парль отправился изъ порта Бушира 4-го Декабря 1799 года, при тихомъ вѣтрѣ отъ WNW, а 7-го числа въ девятомъ часу утра, находясь отъ мыса, называемаго Большимъ Гробомъ, въ двухъ миляхъ къ N, экипажъ онаго, къ великому своему удивленію, усмотрѣлъ прямо передъ носомъ корабля, вплоть подлѣ, довольно большое судно, которое, какъ послѣ узнали, стояло на якорѣ, и по причинѣ близкаго разстоянія къ

берегу и мрачной погоды, прежде примѣчено ими не было. Вскорѣ потомъ оба корабля подошли другъ къ другу: тогда Капитанъ Фоулеръ (командиръ Парля) спросилъ его: какое это судно? На что съ онаго отвѣчали чистымъ англійскимъ языкомъ: *Компанейскій крейсеръ Свифтъ, изъ Бомбая*, и спрашивали взаимно, что ихъ было за судно. Лишь Капитанъ Фоулеръ успѣлъ дать отвѣтъ, какъ на корсерѣ взяли фокъ на гитовы, и въ ту же минуту сдѣлали ружейный залпъ по кораблю Парлю, съ котораго немедленно отвѣчали пушечными выстрѣлами, но въ то же время капитанъ приказалъ поставить фокъ и гротъ, и бросить паруса круто бейдевиндъ, стараясь уйти отъ непріятеля. Въ семъ намѣреніи онъ самъ сталъ править рулемъ; но къ несчастію, вскорѣ убило его пушечнымъ ядромъ, и почти тогда же перебило гротъ-марса-фалъ; отъ сего гротъ-марсель легъ на стеньгу, и корабль вышелъ изъ вѣтра. Сей случай такъ устрасилъ служителей, что они въ одну минуту оставили баттарею и ушли въ низъ (*).

(*) Подобное сему случалось нѣсколько разъ и на военныхъ англійскихъ судахъ. Побѣдами своими на морѣ, одержанными надъ всѣми многочисленными непріятелями Великобританіи, съ самаго начала французской революціонной войны и по сіе время, англійскій флотъ приобрѣлъ справедливую и неоспоримую славу, а съ тѣмъ вмѣстѣ и матросовъ ихъ почитаютъ лучшими и единственными въ свѣтѣ; но многіе примѣры свидѣтельствуютъ о противномъ тому: въ военное время на англійскихъ корабляхъ большая часть нижнихъ чиновъ состоитъ изъ сволочи, кое-гдѣ нахвтанной, и готовой при первомъ случаѣ бѣжать и скрыться куда ни попало. Многіе изъ нихъ никогда не бывали на морѣ, и ни какого понятія о морской службѣ не имѣютъ; между ними бываетъ много иностранцевъ, негровъ и проч., которые Англіи не считаютъ своимъ отечествомъ, и всегда готовы *по совѣсти* измѣнить ей. Такой сбродъ не можетъ долго сражаться въ жаркомъ огнѣ, а потому нерѣдко случалось, что офицеры принуждены были пистолетами держать людей у пушекъ. Нельзя отвергать, чтобъ Авгличане во все не имѣли хорошихъ матросовъ, готовыхъ на всякое смѣлое предпріятіе; напротивъ того, между ними есть много храбрыхъ, искусныхъ и усердныхъ къ отечеству людей, но въ

Тогда старшій офицеръ, Г. Крамлингтонъ, не могъ уже защищать корабля, и принужденъ былъ сдаться, бросивъ напередъ въ воду бывшія на кораблѣ депеши и другія важныя бумаги. Англичане потеряли шесть человѣкъ убитыми, и имѣли нѣсколько раненыхъ. Взявшій ихъ корсеръ былъ Ифигенія, подъ начальствомъ Капитана Мальру; на немъ находились четыре 48-ми-фунтоваго калибра каронады, и осмнадцать 12-ти и 6-ти-фунтовыхъ пушекъ, а экипажъ состоялъ изъ двухъ сотъ человѣкъ. На другой день Г. Крамлингтона, артиллерійскаго офицера и нѣсколько нижнихъ чиновъ, а также находившееся въ кораблѣ компанейское серебро перевезли на корсеръ, который, будучи обрѣдованъ успѣхомъ, рѣшился идти изъ залива вмѣстѣ съ своимъ призомъ; но въ полночь 10-го числа, когда они находились у мыса Коинсъ, корабль Парль, будучи миляхъ въ двухъ впереди корсера, встрѣтился съ военнымъ шлюпомъ Тринкомале и компанейскимъ крейсеромъ Кометою,

сравненіи съ прочими мало; а главная сила англійскаго флота заключается въ превосходномъ строеніи, крѣпкости и снабженіи ихъ кораблей, добротѣ орудій и всѣхъ снарядовъ вообще, и въ качествахъ ихъ офицеровъ. Въ чины капитановъ они, по большей части, поступаютъ въ молодыхъ лѣтахъ, слѣдовательно имѣютъ къ службѣ охоту и привязанность, и способны пріобрѣсти искусство и опытность, прежде нежели состарѣются и потеряютъ здоровье. Морская служба, уважаемая правительствомъ и чтимая націею, приносить честь служащимъ въ ней; а потому офицеры дорожатъ ею, и имѣя способы законнымъ образомъ, посредствомъ призовъ, пріобрѣсть хорошее состояніе, не думаютъ обогатиться крошками ко вреду службы; отъ сего англійскіе морскіе офицеры служатъ въ прямомъ смыслѣ слова, и дѣйствуютъ съ духомъ и честію; а если бы въ ихъ флотѣ находились, по примѣру нѣкоторыхъ государствъ, все старики, удрученные лѣтами, стѣсненные обстоятельствами презирающіе и службу свою, и самихъ себя вмѣстѣ съ нею, по числящіеся въ ней для куска хлѣба; старики, которые подвиги свои считаютъ по числу лѣтъ, сколько имена ихъ бременятъ листы морскихъ списковъ, съ такими офицерами и англійскими матросами нынѣшній славный великобританскій флотъ былъ бы изъ всѣхъ послѣднимъ.

Прим. перев.

которые, не получивъ на свои вопросы удовлетворительнаго съ корабля отвѣта, открыли по немъ огонь. Увидѣвъ это, корсеръ принялъ одинъ изъ нихъ за англійскій фрегатъ, и заключивъ, что призъ его взять обратно, хотѣлъ только себя спасти, а потому, сдѣлавъ по направленію къ нимъ два пушечные выстрѣла, поворотилъ на другой галсъ и пошелъ прочь. Но по причинѣ, въ продолженіе ночи перемѣнявшагося нѣсколько вѣтра, Капитанъ Мальру, противъ своего чаянія и желанія, на разсвѣтѣ опять увидѣлъ Тринкомале и Комету, которые были у него на вѣтрѣ и спускались къ нему. Послѣ открылось, что корсеръ самъ былъ виною своего несчастія, ибо двумя пушечными выстрѣлами онъ открылъ себя непріятелю: Капитанъ Роу (командиръ Тринкомале), увидѣвъ его, оставилъ Парль и преслѣдовалъ корсера, котораго во всю ночь держалъ въ виду.

Около одиннадцати часовъ утра Англичане и Французы сдѣлали другъ въ друга нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, только, по причинѣ разстоянія, безъ всякаго дѣйствія: тихіе перемѣнные вѣтры и штили не позволяли Англичанамъ подойти близъ непріятеля, который между тѣмъ старался удалиться отъ нихъ чтобъ соединиться съ своимъ призомъ, ибо на сильное его вооруженіе онъ полагалъ большую надежду. Они продолжали свои маневры до десятаго часа ночи 12-го числа, а тогда Тринкомале атаковалъ Ифигенію, и началась между ими сильная пушечная пальба, продолжавшаяся около двухъ часовъ; но послѣ того, корсеръ, надѣясь на силу свою въ числѣ людей, абординировалъ шлюпочъ. Спѣшившись, продолжали они сражаться еще нѣсколько времени, какъ вдругъ Тринкомале взорвало на воздухъ, и весь экипажъ его погибъ, кромѣ двухъ членовъ, матроса и ласкара. Сильнѣе взрваніемъ на Ифигенію вдавilo бордъ и вырвало совсѣмъ изъ судна гротъ и бизань-мачты. Г. Крамлинтонъ въ это время находился на кубрикѣ, вмѣстѣ съ ранеными, число коихъ было весьма велико; услышавъ ударъ, онъ хотѣлъ выйти паверхъ, но разными обломками и порванными снастями всѣ люки совершенно завалило, и люди съ кубрика никакъ не могли бѣ

выбраться, если бь Крамлинтонъ, къ счастью, по свѣту мѣсячнаго луча, не примѣтилъ небольшого отверстія въ углу люка, сквозь которое съ великимъ трудомъ могъ пролѣзть; за нимъ послѣдовали пять или шесть человѣкъ другихъ. Въ это время Ифигенія уже погружалась носовою частию, а потому Г. Крамлинтонъ бросился чрезъ груды мертвыхъ тѣлъ и умирающихъ на корму, и прыгнувъ за бортъ, старался отплыть отъ тонувшаго судна, чтобъ не быть вовлечену въ водоворотъ. Вскорѣ послѣ того корсеръ опустился на дно, а Крамлинтонъ схватился за попавшійся ему корабельный членъ, который и спасъ жизнь его; около тридцати Французовъ находилось въ подобномъ ему положеніи, держась за разные обломки. Между тѣмъ Парль и Комета продолжали сраженіе, которое препятствовало имъ послать гребныя суда для спасенія людей. Наконецъ Комета, поставивъ паруса, удалилась; тогда шлюпка съ Парля забрала всѣхъ людей, державшихся на водѣ. По собственному ихъ признанію, съ корсеромъ погибло около полутораста человѣкъ, въ числѣ коихъ находились самъ капитанъ, лекаръ, ботсманъ, артиллерійскій офицеръ, тимерманъ и семь другихъ чвиовниковъ. Корабль Парль прибылъ въ Мускатъ 15-го Октября, а оттуда отправился къ Острову Маврикія (Isle de France.)

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.